
ОГОНЁК
№ 40 ОКТЯБРЬ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Мурманск. Проспект В. И. Ленина.

Валентин Быков — один из армии мурманских рыбаков.

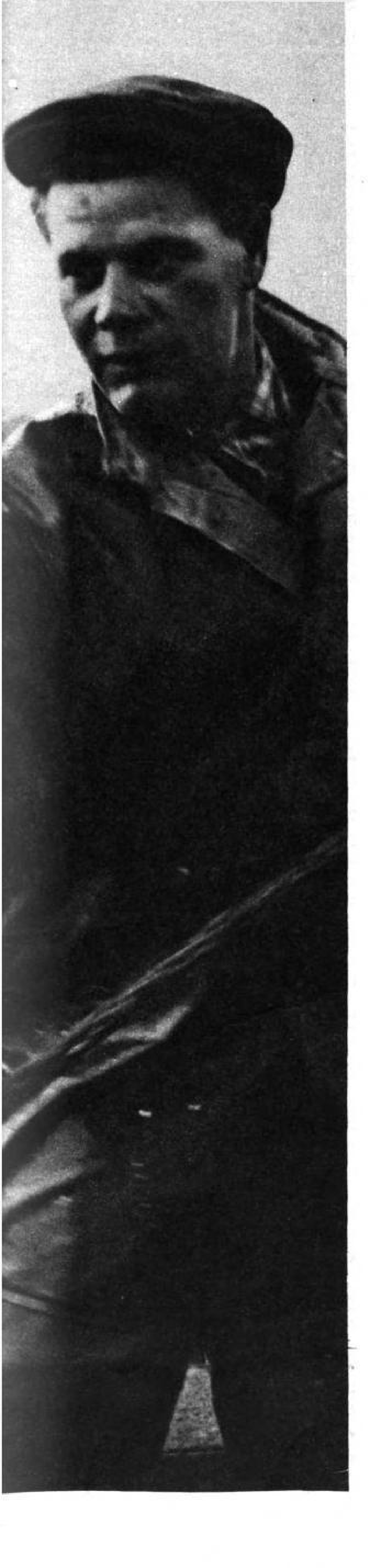
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 40 (2049)
2 ОКТЯБРЯ 1966
44-й год издания

В рыбном порту.

АКОЕ НАСТАЛО

Александр ШЕВЦОВ

Фото Б. КУЗЬМИНА.

См. стр. 3.

По приглашению Президента Социалистической Федеративной Республики Югославии, Генерального секретаря Союза коммунистов Югославии товарища Иосипа Броз Тито Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев с 22 по 25 сентября находился с визитом в Югославии.

Между товарищами Л. И. Брежневым и И. Броз Тито состоялись дружественные беседы, в ходе которых были обсуждены вопросы советско-югославских отношений, а также ряд актуальных международных вопросов.

25—26 сентября Л. И. Брежнев находился с дружественным визитом в Венгерской Народной Республике.

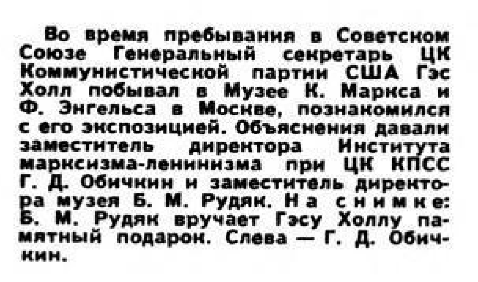
Л. И. Брежнев и Первый секретарь ЦК ВСРП Янош Кадар обменялись мнениями по широкому кругу вопросов. Беседы проходили в атмосфере сердечной дружбы и полного единства взглядов.

В Югославии и Венгрии вместе с Л. И. Брежневым находился секретарь ЦК КПСС товарищ Ю. В. Андропов.

Л. И. Брежнев и Иосип Броз Тито во время встречи в Белграде.
Телефото ТАНЮГ — ТАСС.

Будапешт. Л. И. Брежнев и Я. Кадар на Ферихедьском аэродроме. Справа — Ю. В. Андропов.
Телефото МТИ — ТАСС.

Во время пребывания в Советском Союзе Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии США Гэс Холл побывал в Музее К. Маркса и Ф. Энгельса в Москве, познакомился с его экспозицией. Объяснения давали заместитель директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Г. Д. Обичкин и заместитель директора музея Б. М. Рудяк. На снимке: Б. М. Рудяк вручает Гэсу Холлу памятный подарок. Слева — Г. Д. Обичкин.

Фото ТАСС, ЮПИ, журнала «Ньюсуик», журнала «Квик».

В Чехословакии закончились учения армий четырех государств — участников Варшавского договора. Все рода войск национальной Народной армии ГДР, венгерской Народной армии, Советской Армии, чехословацкой Народной армии в течение продолжительного времени в различных условиях вели напряженные «боевые действия» и показали возросшее мастерство в выполнении своих задач. Учения явились завершающим этапом в боевой подготовке войск за 1966 год. Ими руководил министр национальной обороны ЧССР, генерал армии Б. Ломский. На учениях присутствовали Первый секретарь ЦК КПЧ, Президент ЧССР А. Новотный, члены ЦК КПЧ и члены правительства ЧССР, министры обороны стран — участниц Варшавского договора, главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского договора Маршал Советского Союза А. А. Гречко. Учения явились ярким доказательством крепкого и нерушимого единства союзных армий.

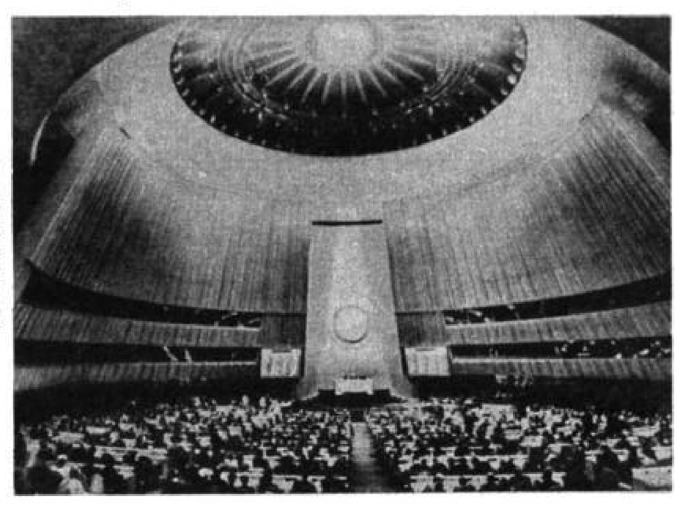
На наших снимках: один из «боевых моментов» учений четырех армий «Влтава»; военный парад в городе Ческе-Будеевице, посвященный окончанию маневров.

Своим золотым фондом назвала партия советских журналистов. Большие задачи стоят перед ними. Об этих задачах, о проблемах развития нашей печати, радио и телевидения шел серьезный разговор на Втором всесоюзном съезде журналистов, который проходил в Москве. Тепло встретили присутствующие появление в президиуме товарищей П. Н. Демичева, И. В. Капитонова, Б. Н. Пономарева. Письмо ЦК КПСС съезду огласил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС П. Н. Демичев. С отчетным докладом о работе правления Союза журналистов СССР и задачах советских журналистов в свете решений XXIII съезда КПСС выступил исполняющий обязанности председателя правления Союза журналистов СССР Д. П. Горюнов.

На снимке: в зале заседаний съезда.
Фото Дм. Бальтерманца.

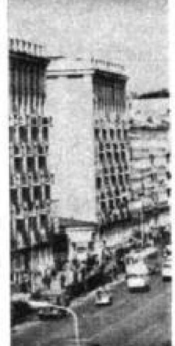
В Нью-Йорке открылась XXI сессия Генеральной Ассамблеи ООН. В ходе общей дискуссии на сессии выступил министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, который изложил позиции Советского Союза по основным международным проблемам. По инициативе СССР в повестку дня сессии внесены важные вопросы.

Размещение учреждений НАТО в стране продолжает вызывать возмущение бельгийцев. В городе Ваврей на демонстрацию протеста вышли жители с плакатами, на которых было написано: «Американцы, убирайтесь домой!», «Вывести НАТО и все ее базы из Бельгии!».

Такой своеобразный архитектурный музей создается в городе Шёнберг, в Германской Демократической Республике. Его экспонатами будут старые дома мекленбургских крестьян.

ВРЕМЯ ТАКОЕ НАСТАЛО

В августе нынешнего года в Мурманске был большой Праздник мира и дружбы народов стран Северной Европы. Шведы, финны, норвежцы побывали на предприятиях и кораблях рыболовного флота, во дворцах и домах культуры, в квартирах жителей города.

По возвращении домой гости поделились своими впечатлениями. Шведская газета «Ден Норботтнингса прессен» в нескольких номерах печатала отзывы об этой поездке, которые так и назывались: «Удивительное путешествие», «Потрясающее путешествие». Один из участников писал: «Мы увидели город на берегу Ледовитого океана, находящийся в бурном развитии, с населением, превышающим все население Норботтена,— 280 тысяч человек» (Норботтен — северная область Швеции).

А город празднует всего лишь свое пятидесятилетие. Основан он был 4 октября 1916 года и наречен Романов-на-Мурмане. Через несколько месяцев царь был свергнут, и городу дали новое имя — Мурманск.

Трудная судьба выпала на долю Мурманска. Трудная и героическая. Не перечесть подвигов, связанных с этим краем. Разгром белогвардейцев и интервентов. Массированное наступление на Кольский полуостров советских геологов, судостроителей, рыбаков, инженеров в двадцатых и тридцатых годах.

В 1929 году в Мурманске побывал А. М. Горький. Позже в своем очерке «На краю земли» он писал: «Крупные люди, неторопливая мощность и стойкое упрямство работы — это впечатление закрепилось у меня на все дни в Мурманске и по вся дни жизни... В Мурманске особенно хорошо чувствуешь широту размаха государственного строительства...»

С первых дней Отечественной войны фашистам удалось на отдельных участках фронта потеснить наших пограничников, но и только. Поняв, что Мурманск захватить с суши не удастся, гитлеровское командование решило стереть его с лица земли бомбардировками с воздуха.

В кромешном аду взрывов, бомбежек, пожаров Мурманск не переставал трудиться. Рыболовные траулеры уходили в море без огней. Фронту нужна была рыба, и ее ловили. Погибали одни, выходили на промысел другие.

Это был единственный участок огромного фронта, где врага как остановили в 1941 году, так и держали до октября 1944 года, когда сами перешли в наступление, сокрушая всю долговременную оборону пресловутого «Северного вала».

Полвека назад стояла тут одинокая избушка рыбака, промышлявшего семгу. Сегодня Мурманск— центр большого индустриального края, построенный в буквальном смысле слова на пустом месте. Кольский полуостров сейчас — крупный поставщик сырья для металлургии, различных металлов, камня плодородия — апатита, рыбы. А сам Мурманск — отличный современный город. Председатель Мурманского облисполкома Николай Леонтьевич Коновалов рассказывал мне:

— По генеральному плану, утвержденному правительством, в ближайшие годы население Мурманска должно возрасти до 350 тысяч. Надо всех обеспечить жильем. Мы поставили цель— не просто обеспечить, а к 1980 году довести норму жилой площади до 12 квадратных метров на человека... Дома будут строиться главным образом повышенной этажности: 9—14 этажей. В будущем году в самом центре города начнется строительство 16-этажной гостиницы для интуристов. Мурманск — самый крупный город мира за Полярным кругом. Он должен стать и самым красивым и самым благоустроенным.

А ЕСЛИ Б ЭТО БЫЛА ВАША ДОЧЬ?

Заметки педагога

В прошлом году после одного родительского собрания ко мне подошла мать ученицы десятого класса Инны Г. Без дальних околичностей она стала требовать, нет, не просить, а требовать, чтоб я снял, прямо-таки уволил преподавателя по физике. Мотивировка была всего лишь одна: «Эта учительница слишком молода, у нее мало опыта, она не сможет основательно подготовить в институт...» Фраза эта, брошенная в момент горячности и запальчивости, весьма симптоматична и заставляет задуматься о многом.

Слов нет, авторитет учителя завоевывается не вдруг и не сразу, он приходит с годами, и это зависит прежде всего от самого учителя, от его личности, от окружающей, наконец, обстановки. Обстановка в нашей стране самая благоприятная. Партия и правительство не один раз принимали меры, направленные на укрепление авторитета и на расширение прав учителя. Наш праздник, который отмечается сейчас во второй раз,— еще одно тому доказательство. В жизнь каждого человека вошли, вероятно, одно или два самых дорогих после отца и матери имени, которые он с особой благодарностью вспомнит в этот день,— имена первой своей учительницы и любимого своего преподавателя. Это будут, конечно, имена тех, которые не только раскрывали перед ним мир и приобщали к человеческой культуре, но и воспитывали его, учили быть полноценным гражданином своей Родины. Поэтому настоящий педагог, который отдавал всего себя на каждом уроке, и этот урок не просто отмечался галочкой в расписании, а превращался в час творческого горения, которое захватывало, зажигало детей, в своем послужном списке будет считать не столько количество ученых степеней, зачинавшихся у него, сколько число юношей и девушек, ставших, если употреблять горьковское выражение, людьми с большой буквы. Ведь не случайно один учитель как-то воскликнул: «Хорошая доярка — бóльшая заслуга учителя, чем плохой кандидат наук!»

В этой связи мне хотелось бы проанализировать итоги последнего лета, очень знаменательного для всей средней школы. Как известно, в июне был у нас сдвоенный, очень трудный выпуск — сразу десятых и одиннадцатых классов. Было тяжело и учителям и ученикам, особенно десятиклассникам, которым в два года пришлось осваивать трехлетнюю программу. В последующие годы выпуски будут немного меньше. В нашей школе, например, было семь десятых и одиннадцатых классов. В этом году четыре десятых. В будущем году десятых будет пять — почти все восьмиклассники пошли в девятый. Объясняется все это очень просто: начинает осуществляться решение XXIII съезда партии о всеобщем среднем образовании, ставшем жизненной необходимостью нашего времени.

Пока идут обсуждения разных проектов профессиональной ориентации и трудовой подготовки в средней школе, нас, педагогов, беспокоит другое обстоятельство — ориентация, как ни странно, родительская. Ею главным образом определяется настроение и поведение учеников, их отношение к учителям и даже к прямым своим обязанностям. Она, эта ориентация, причиняет нам немало беспокойства, ненужных хлопот и мешает работе.

Многие родители считают, что если их дочь или сын дошли, а иногда с трудом доползли до десятого класса, то прямая дорога им после этого только в вуз. Другого пути нет и не может быть. И если случится не так, то разразится катастрофа, или по меньшей мере жизнь их детей кончена. К сожалению, такие представления поддерживают порой и некоторые классные руководители. (К счастью, в нашей школе таких случаев не встречалось.) Как же, вел-вел он или она свой класс со ступеньки на ступеньку, учил добру и ненасытности в познании законов природы и общества, и вдруг какой-то Миша пойдет в шлифовщики. И окажется перед Мишей станок, деталь и норма. Вот и все. Пессимисты, думающие так, вооружены гуманным аргументом: «Нельзя закрывать перед молодым человеком возможность получить высшее образование». Хочется их спросить: а кто ее закрывает? Кто может запретить Мише испробовать свои силы в вузе или углублять свои знания в области, которая интересует его? Был бы только у того к ней интерес. Разве отсутствие диплома может стать преградой к Мишиному росту? Я уж не хочу говорить о таких общеизвестных вещах, что хороший станочник зарабатывает не меньше среднего инженера, что имеет, кстати, немаловажное значение. И очень часто Миша-рабочий более эрудирован и начитан, чем инженер, просидевший пятнадцать лет кряду за учебным столом.

В ближайшие пятилетия все молодое поколение должно получить образование в объеме средней школы. К этому мы идем, к этому мы стремимся. Это скажется на общем культурном уровне населения, на уровне развития науки и техники. Однако хлеб и картофель будут созревать по прежним общеизвестным законам, и по прежним законам будут строиться автомобили и изготавливаться костюмы и ботинки. Бунтующим родителям придется примириться с горькой для них истиной, что кому-то, если они не желают возвратить своих детей к пещерному образу жизни, всем этим надо заниматься. А это значит, что только действительно способная, наиболее одаренная часть молодежи пойдет в вузы.

Что же творилось в этом году? Волнения начались еще прошлой осенью, когда формировались классы и определялись педагоги. Два класса были слишком велики, и их предложили нам в районо разбить на три. Родители, не считаясь ни с какими нормами приличий, буквально врывались в кабинет, требуя оставить именно их ребенка в старом классе. Потом пошли разговоры, подобные тому, который я упомянул в начале статьи: один родитель считал, что тот педагог плох, другой — что этот. В классных журналах стали появляться пометки «Н» (не был на уроке) и освобождения. Хорошо, что нельзя освобождать от географии, например, курс которой я, кстати, преподаю, по причине головной боли или другого недомогания. Зато от физкультуры такие освобождения сыпались сплошь и рядом. А иногда ученики прогуливали и без всяких причин. Мы уже догадывались, в чем дело: сердобольные мамы и папы натаскивают своих не очень усердных и вовсе не трудолюбивых сыновей и дочерей и за один год пытаются при помощи репети-

В Республику Танзанию с дружественным визитом прибыл президент Объединенной Арабской Республики Гамаль Абдель Насер. Его встречал танзанийский президент Джулиус Ньерере.

Жертва американской агрессии во Вьетнаме — американский солдат. Как сообщили военные власти США в Южном Вьетнаме, недавно во время налетов на позиции партизан американские самолеты сбросили напалмовые бомбы на свои собственные войска. Более десятка американских солдат погибли. Еще больше было ранено. А незадолго до этого американская авиация и артиллерия разгромили скопление своих «друзей» — наемников марионетки Ки.

Недавно студенты Рио-де-Жанейро устроили антиправительственную демонстрацию. Как всегда, ответом были полицейские репрессии.

торов наверстать упущенное за все десять лет. Мы знали этих учеников и могли пересчитать их по пальцам. Но когда классный руководитель пытался призвать ребят к ответу, за ними несокрушимой стеной вырастали родители.

Сейчас в седьмых и восьмых классах нашей школы есть несколько подобных учеников. Владимир А., Андрей К. и Александр Е. оставались на второй год и все равно отстают по пяти-шести предметам. Я не могу подтвердить, что они из многодетных семей, и живут тесно и плохо, и им негде готовить уроки. Наоборот, родители этих ребят — кандидаты и доктора наук. Дети привыкли к тому, что с них все спишется, благодаря заступничеству отцов все утрясется, а если не утрясется, то все равно виновными окажутся родители и учителя. С тревогой я заранее думаю, что будет с этими иждивенцами в десятом. Какие будут приносить в школу справки и сколько репетиторов из вузов начнут бегать к этим недорослям на дом?

Но вернусь к прошлому учебному году. Уже весной стало коекого лихорадить. Ребята засели за учебники, бегали на консультации, в общем, трудились на совесть, готовясь к первому, самому серьезному в их жизни испытанию — экзаменам на аттестат за среднюю школу. А мама Николая Б. в это время срочно созывала дома семейный совет. Взрослые совещались, нервничали, принимали решения, искали ходы и выходы. И нашли. В учебной части школы это выглядело так: оформленное по всем правилам медицинское заключение, что Николаю Б. абсолютно противопоказано такое сильное потрясение, как сдача экзаменов. Более того, он может их не вынести. Жизнь, словом, в опасности. Точка. Подпись. Печать...

Наш завуч и все учителя были потрясены: что могло случиться с таким здоровяком, как Коля Б. Крепкий, физически развитый юноша не знал, что такое простуды и гриппы, активно занимался спортом и слыл одним из самых наших заядлых футболистов. «Вот так сюрприз!»— разводили руками педагоги. Ларчик, оказывается, открывался просто: учился Коля так себе, и родители решили увести сына от школьных экзаменов. Ясно, для чего это нужно было: выиграть время, прибавить еще один месяц для усиленного накачивания к приемным экзаменам в вуз. А в вуз была представлена тоже медицинская справка, которой подтверждалось, что оный абитуриент здоров, может сдавать экзамены и вполне пригоден для обучения в институте.

Хотел бы я знать: те же самые фамилии врачей стояли на справках или разные?

Оставался еще один мостик, связывавший ученика Б. со школой, в которой он проучился десять лет и от которой в последний момент благодаря своим родителям отвернулся,— аттестат и характеристика. В аттестат, к сожалению, проставляют оценки по предметам, и только. В нем не указывается, как сдавал ученик экзамены, сдавал ли он их вообще и сколько было пропущено у него академических часов. А сведения эти многоречивы.

Еще более безлика наша школьная характеристика. В той форме, в которой она общепринята сейчас, это предельно стандартный документ, мало о чем говорящий, вернее, ни о чем. Потому что слова, которыми он написан, за редкими исключениями, везде, во всех школах одни и те же. Один отец в экзаменационной суматохе дошел до того, что собственноручно сочинил характеристику своему сыну и сам принес мне ее на подпись. Сын его, Владимир С., никогда не отличался прилежанием, учился кое-как. Четверка редкой гостьей была у него в дневнике. В аттестате — сплошные тройки. А в «домашней» характеристике отмечалось, что у Володи по крайней мере выдающиеся способности... Напомнил мне этот С. того Сапожникова с Университетского проспекта, о котором писала недавно одна центральная газета. Тот папаша объявил голодовку только за то, что сын его провалился на приемных экзаменах и в университет его не зачислили. Случай анекдотичный, но дает представление о том психозе, который царил в этом году в школах и вузах.

Попробовали бы вы в те дни дать нешаблонную характеристику какому-нибудь ученику! Попробуйте о том же самом второгоднике Андрее К., который сейчас в восьмом классе (после восьмого класса характеристика как раз нужна), сказать, что он «способный, но ленив и заносчив. Может лгать. В обращении со взрослыми, особенно с матерью, груб». Или о другом ученике: «Способности средние. Не хватало усидчивости. Стойких увлечений нет. То рисовал, то собирал марки, то занимался радиотехникой. В результате стал равнодушен ко всему. Тихий, вежливый, но не чуткий к товарищам». Трудно даже себе представить, что тогда будет! Начнутся просьбы: «Не губите дитё. Кому он нужен — равнодушный и нечуткий? Пощадите!» Или: «Вы посмотрите на взрослых, какие они. А он только начинает жить!»

А я в это время думаю: может быть, потому среди взрослых есть плохо воспитанные люди, что когда-то вовремя не остановили их, не встряхнули как следует, а дали какую-нибудь радужную или спокойную казенную характеристику? При выходе из школы, при поступлении на новую работу.

Очень правильно, что в новом году решено на оформление аттестатов и характеристик обратить наконец бо́льшее внимание. По поведению, как сказал на недавнем семинаре директоров школ Москвы министр просвещения М. А. Прокофьев, будут ставиться, кроме пятерки, и другие заслуженные учеником оценки. Характеристикой тоже надо воспитывать.

Кстати, о воспитании. В последнее время о нем говорится очень много. Идут дебаты и споры о новых формах и методах самовоспитания учащихся. Все это отрадно. Но не назрела ли пора, как показал опыт, говорить о воспитании и самовоспитании самих родителей? Таких, как Б., которые освободили ученика от экзаменов. Таких, как С., состряпавший характеристику своему сыну. Таких, как Г., которой не понравилась молодая учительница по физике и она предлагала ее уволить. Тогда, прошлой осенью, еще не предполагая, как обернутся дела, и не зная, куда собирается поступать Инна Г., разгневанной женщине я задал всего только один вопрос:

— А если б эта учительница была вашей дочерью? Как бы вы поступили?

Дела меж тем обернулись самым неожиданным образом. Та учительница физики вовсе не заслуживала столь категоричного отрицательного мнения, и жизнь подтвердила это. Она действительно молода и в прошлом году выпускала учеников впервые в своей жизни. Может быть, оттого она не совсем уверенно держала себя на уроках, хотя и старалась как можно больше дать ребятам, волновалась, переживала за них. Со своей задачей она справилась меж тем совсем не плохо. Ее воспитанники поступили в такие институты, как МИФИ, МФТИ, и в МГУ, в которых предъявляются особенно повышенные требования по физике. Мария Бархоткина из того же класса, в котором занималась Г., окончила школу с золотой медалью, была зачислена в число студентов университета. Девушка не пропускала ни занятий по физкультуре, ни других уроков, нормально, как все, сдавала экзамены на аттестат и обошлась без репетиторов.

Ничего этого, к сожалению, не могу я вспомнить о дочери Г. Были у нее и прогулы и справки, которые освободили ее от экзаменов. Но, видимо, все это плохо ей помогало. Инне с трудом удалось набрать нужное количество очков для зачисления на вечернее отделение математического факультета пединститута. Она, оказывается, готовится стать учительницей!

Хотелось бы надеяться, что она станет хорошим педагогом. Что ей никто не бросит в лицо обидные, несправедливые слова, подобные тем, которые произносила по адресу молодой учительницы по физике ее мать.

П. ОКУНЬКОВ,
директор школы № 56
Москвы

В Южной Родезии, где властвует Смит, раздолье расистам. Но африканцы не склонны покорно нести расистское ярмо. На этом снимке — магазин, который принадлежал белому. Африканцы взорвали его в знак протеста против действий расистов.

Этот уникальный снимок воздушной катастрофы в Токио был сделан фотолюбителем. Несчастье случилось, когда самолет «Конвейр-880» пытался подняться в воздух. Пожар на аэродроме продолжался два с половиной часа.

Один из участников «ограбления века», англичанин Рональд Эдвардс, который был в числе тех, кто совершил налет на почтовый поезд и похитил три миллиона фунтов стерлингов, сам сдался полиции. Он утверждает, что у него не было денег и его постоянно шантажировали. И нервы не выдержали. Эдвардса на снимке не видно. Полицейские, как обычно в таких случаях, прячут преступника под одеялом.

Разбитый Нюрнберг — «город партийных съездов».

Главные военные преступники на скамье подсудимых. Первый ряд: Геринг, Гесс, Риббентроп, Кейтель.

Фото Е. Халдея.

Лев БЕЗЫМЕНСКИЙ

Уроки

Названия городов часто превращаются в символы, но бывает так, что эти символы меняют свой смысл. Какие ассоциации вызывал Нюрнберг в 20-е или в начале 30-х годов нашего века? Все вспоминали о художнике Альбрехте Дюрере, о домике народного поэта Ганса Сакса, о «Нюрнбергских мейстерзингерах». Нюрнберг символизировал собой уютное немецкое средневековье.

Но уже в середине 30-х годов появились иные ассоциации. В гитлеровском рейхе каждому городу отводилась своя особая роль. Берлин — имперская столица; его даже предполагали переименовать в «город Германиа». Мюнхен, где зародилось нацистское движение, стал «городом движения», а Нюрнберг превратился в «город партийных съездов». Именно здесь проходили съезды нацистской партии. Это были гигантские спектакли, театральные представления, отрепетированные до мельчайших подробностей. Для них соорудили гигантское поле и начали строить дворец.

Так и быть бы Нюрнбергу «городом партийных съездов», если бы не были разбиты чудовищные планы Гитлера и его сообщников. Пришел май 1945 года; «тысячелетняя империя» рухнула, от половины германских городов и сел остались развалины. Печальную картину являл весной 1945 года и Нюрнберг, который из образца средневекового зодчества превратился в образчик бомбежки англо-американской авиации.

По предложению американских оккупационных властей именно Нюрнберг был избран местом, где должен был заседать Международный военный трибунал по делу главных немецких военных преступников. В пользу такого выбора говорило то обстоятельство, что именно здесь раздавались самые преступные речи, которые когда-либо слышало человечество. Здесь сохранилось удобное судебное помещение (Дворец юстиции) и тюремное здание рядом с ним. Наконец, американцам очень хотелось, чтобы исторический судебный процесс состоялся именно в их зоне оккупации.

Сейчас, через двадцать лет после оглашения приговора Нюрнбергского международного трибунала, мы испытываем чувство особого уважения к тем, кто сумел провести процесс. Какое колоссальное количество вещественных доказательств, документов, фотографий, книг, кинофильмов пришлось изучить и осмыслить! Сколько свидетелей пришлось опросить до процесса и во время него! И нельзя забывать, что перед лицом судей сидели не начинающие преступники, а матерые политиканы, умелые демагоги, всю свою жизнь специализировавшиеся на фальсификации и лжи. Но все препятствия были преодолены. Процесс был проведен со всей подобающей тщательностью и точностью.

Обвинители и судьи не пошли по легкому пути. Они не ограничились только изъявлением своих эмоций, которые, разумеется, выражали ненависть и гнев народов, только что освободившихся от нацистского ига. Тогда, в 1945 году, этим можно было ограничиться, и никто бы не упрекнул за это судей. Но суд в Нюрнберге был задуман как исторический акт правосудия и возмездия, призванный сохранить свое международно-правовое, политическое и психологическое значение на долгие годы. Поэтому трибунал должен был действовать строго по закону.

Но по каким законам? Мы иногда забываем о том, какая колоссальная процессуальная сложность стояла перед создателями трибунала. В его состав входили представители Советского Союза, Соединенных Штатов, Великобритании и Франции. В каждой из стран были свои законы, свои процессуальные кодексы. Казалось, завязывается гордиев узел.

Создатели трибунала не разрубили, а развязали его. В необычно краткий срок они сумели разработать приемлемую для всех процедуру, которая была утверждена правительствами четырех держав и оказалась столь убедительной, что была впоследствии торжественно подтверждена решением Организации Объединенных Наций.

Конечно, различие точек зрения судей от различных стран давало себя знать. В частности, оно проявилось в конце процесса: были оправданы Шахт, Фриче и Папен, не был признан виновным в совершении военных преступлений генеральный штаб вермахта. Тем не менее в Нюрнберге восторжествовало главное — то общее, что

выражало волю народов: сурово наказать виновников и навсегда покончить с нацизмом.

Когда в ноябре 1945 года начал свою работу Международный трибунал, многие спрашивали: как поведут себя подсудимые? Проявят ли они признаки раскаяния, откроют ли суду тайны своих злодеяний?

Случилось так, что мне и четырем моим советским коллегам удалось услышать ответ на эти вопросы немного раньше, чем в ноябре 1945 года. В начале июня 1945 года по приказанию Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова небольшая группа советских офицеров направилась из Берлина в маленький городок Бад Мондорф (Люксембург), чтобы провести допрос некоторых главных военных преступников.

В небольшой комнате на втором этаже старомодной гостиницы, поспешно превращенной в американскую военную тюрьму, мы увидели перед собой рейхсмаршала Великой германской империи, главнокомандующего военно-воздушными силами, имперского министра авиации, министра-президента Пруссии, президента рейхстага, уполномоченного по выполнению четырехлетнего экономического плана, имперского лесничего и имперского егермейстера Германа Вильгельма Геринга. Человек, который был нам знаком раньше только по фотографиям или карикатурам, сидел перед нами, бессильный скрыть испуг. Он нервно стучал пальцами по своему колену, а когда частыми и мелкими глотками отпивал воду из стакана, то его зубы стучали о стекло. На некогда увешанной десятками орденов массивной и жирной фигуре Геринга скромный мундир висел теперь как на вешалке.

Мы увидели начальника штаба Верховного главнокомандования генерал-фельдмаршала Вильгельма Кейтеля — теперь подобострастного, но сохранившего прусскую военную выправку.

За ними допросу подверглись начальник штаба оперативного руководства вооруженных сил генерал-полковник Альфред Иодль, незадачливый «преемник» Гитлера гросс-адмирал Дениц, заместитель Иодля генерал Варлимонт...

Время для их допроса было очень кратким, предстояло провести лишь предварительный зондаж: установить, как же поведут себя те, кто предстанет перед судом. Вскоре стало ясно, что оставшиеся в живых главари рейха попытаются свалить всю вину на тех, кого уже не было: на мертвых и прежде всего на фюрера. О Гитлере уже можно было говорить все что угодно, ибо они знали о его смерти. Геринг поспешил вылить ведро помоев на своих сообщников — Иозефа Геббельса, Генриха Гиммлера и Мартина Бормана. Определился и другой прием: желание изобразить себя лишь безвольными исполнителями приказов, которые поступали свыше. Далее, всем была свойственна симуляция забывчивости и неосведомленности. Оказывается, Геринг не знал о плане нападения на СССР, Кейтель ничего не знал о концентрационных лагерях, а Дениц вообще никогда и ни при каких обстоятельствах не интересовался политикой!

В лицах допрашиваемых можно было заметить некое сходство: это был страх, боязнь справедливого и неотвратимого возмездия. Люди, которые в течение двенадцати лет безнаказанно творили самые чудовищные преступления, понимали, что им не уйти от суда народов. И суд пришел.

* * *

Нюрнбергский трибунал разгромил все основные линии защиты главных немецких военных преступников. Он показал личную ответственность каждого из них и с абсолютной юридической тщательностью отвел в сторону все ссылки на «приказ свыше». Далее, трибунал показал взаимозависимость всех звеньев нацистского аппарата и раскрыл механизм подготовки агрессии. Наконец, трибунал вскрыл тайные пружины агрессии, показал, к чему приводят расизм и антикоммунизм, разоблачил роковую роль империалистических монополий. После Нюрнберга уже нельзя утверждать, будто агрессия — случайность, что она рождается неведомо как.

Для историков и политиков Нюрнберг — огромный бесценный архив документов, свидетельств. Официальное издание материалов процесса — протоколы плюс документы — составило 42 тома. К этому нужно добавить многотомное издание протоколов процессов, которые американские власти проводили позднее (процессы Круппа, Флика, ИГ Фарбениндустри, нацистских дипломатов, СС и так далее). В тот же ряд вступают документы процессов, проведенных в Германской Демократической Республике (против Оберлендера, Глобке), документация многочисленных процессов, которые проходили в Советском Союзе, Польше, Франции, Югославии и других странах. Все эти материалы образуют единую цепь, которой Нюрнбергский трибунал положил начало.

Сейчас уже мало кого интересует судьба нюрнбергских подсудимых. Десять из них были повешены в Нюрнберге, Герингу удалось покончить самоубийством до смертной казни. В живых осталось немного. В союзнической тюрьме в Шпандау до сих пор сидит Рудольф Гесс. Там же — однако лишь до 1 октября 1966 года! — отбывают свой 20-летний срок Шпеер и Ширах. В Западной Германии живут (и, кстати, получают пенсию и гонорары за свои воспоминания) Шахт, Дениц, Фриче. Остальные (Функ, Нейрат, Редер) умерли. Но непреходящее значение Нюрнбергского трибунала состоит в том, что это был не только суд над отдельными преступниками. Это был суд над нацизмом вообще, суд над любой агрессией. Поэтому его решения будут сохранять свое значение еще долго после того, как человечество позабудет о подсудимых.

Американский сержант Джон Вуд из Техаса готовит петлю для приговоренных.

Нюрнбергский приговор продолжает оставаться остроактуальным. В прошлом году я беседовал на эту тему с генеральным прокурором земли Гессен д-ром Фрицем Бауэром. Бауэр — пожалуй, единственный антифашист на прокурорском посту в ФРГ. Приближалась двадцатая годовщина начала процесса, и я спросил Бауэра:

— Будут ли в ФРГ как-нибудь отмечать годовщину Нюрнберга?

Бауэр, усмехнувшись, ответил:

— Я очень сомневаюсь в этом. Нюрнбергский процесс здесь не в моде...

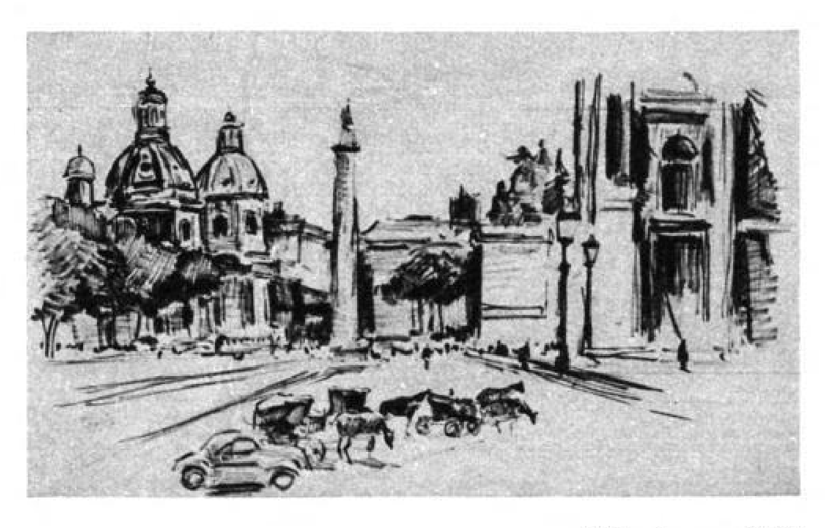
Действительно, о Нюрнберге в Западной Германии вспоминают только для того, чтобы попытаться скомпрометировать его смысл и значение. Хотя принципы Нюрнбергского трибунала были торжественно подтверждены ООН, законодательство ФРГ делает вид, будто ничего о них не знает. Как подтвердил Бауэр, волокита в деле преследования военных преступников в ФРГ связана с тем, что их судят по обычному уголовному законодательству, разработанному в 1871 году. Если бы и нюрнбергские судьи действовали таким образом, то Геринг до сегодняшнего дня еще бы сидел на скамье подсудимых и произносил бесконечные речи...

Можно понять, почему в ФРГ так не любят нюрнбергский приговор: этот приговор распространяется и на политику нынешних правителей Западной Германии. Он бьет не только по мертвым нацистам, но и по уцелевшим и по их наследникам. Дело здесь не только в том, что многие видные чины «третьего рейха» ныне занимают еще более видные посты в западногерманском правительственном аппарате. Происходит естественный процесс смены поколений, и с каждым годом эти господа уходят либо на пенсию, либо в небытие. Мы знаем также людей, которые искренне порвали со своим прошлым. Но в то же время мы видим в ФРГ молодых политиканов, которые никогда не были членами нацистской партии, однако в своем антикоммунизме ничем не уступают Розенбергу и Геббельсу. Мы знаем фельдмаршалов, которые нашли в себе силы отречься от Гитлера, но мы знаем и молодых генералов бундесвера, которые рвутся к атомной бомбе. Никто не носит в ФРГ коричневую униформу, но ораторы на сходках реваншистских землячеств не менее опасны, чем штурмовики 30-х годов.

В Нюрнберге судили не только германских агрессоров, но агрессию и преступление войны вообще. Поэтому сегодня, двадцать лет спустя, все честные люди, которые с негодованием следят за американской агрессией во Вьетнаме, все чаще вспоминают о нюрнбергском приговоре. Известный западногерманский писатель Кристиан Гайслер провел тщательное сравнение нюрнбергского приговора со всем тем, что происходит во Вьетнаме, и нашел, что этот приговор полностью применим к злодеяниям американцев на Индокитайском полуострове. Недаром сейчас все большую поддержку находит мысль о необходимости создания нового Международного трибунала, который бы судил американских агрессоров.

Нюрнберг неприятен и страшен для агрессоров: он напоминает им о возмездии, которого не избежать. Он является юридической основой и моральной базой для осуждения империалистической агрессии. Вот почему все человечество вспоминает сегодня о Нюрнбергском трибунале, почему оно требует использовать его карающую силу.

Георгий МДИВАНИ

Д. Налбандян. **РИМ.**

Публицист, лирик, поэт

Молодость творчества никогда не зависит от количества прожитых художником лет. Часто еще не успел раскрыться молодой талант, но он уже старый. И, наоборот, есть художники, творчество которых чем дальше их жизненный путь, тем оно делается все более привлекательным и остается вечно молодым.

Дмитрию Налбандяну сейчас шестьдесят лет. Но не поэтому я хочу написать о нем. В его мастерской, кажется, весь мир, мир, увиденный глазами талантливого художника.

Здесь его родная Армения, Грузия, Тбилиси.

Здесь Россия — ее зеленые леса и ее зимние бескрайние степи. Здесь и бушующее Северное море под тяжелыми, свинцовыми облаками и ленивые, знойные пейзажи юга — родины художника. Здесь и пейзажи Индии, и сверкающее небо Италии, и красочные уголки Парижа. Здесь Швеция, Норвегия, Англия. Да, здесь весь мир. Здесь много знакомого, виденного тобой, но удивляешься, почему ты сам не заметил в жизни этой красоты, этой игры света и теней, этой игры красок, а увидел все на холстах Налбандяна! Потому что талант художника заставляет тебя совсем иначе видеть и ощущать уже виденное тобой. В этом сила настоящего творчества.

Каким скучным был бы мир живописи, если бы все художники были похожи друг на друга, если бы не было различных манер, различного подхода к изображению действительности, если бы не было различных видений одного и того же явления в жизни!

У Дмитрия Налбандяна свой почерк, своя манера письма, свои краски. Его ни с кем не спутаешь.

Я не знаю, можно ли применить к живописи термин публицистичность, но если можно, то Налбандян в своем творчестве и публицист, и лирик, и поэт.

Когда перед твоими глазами проходят картины Налбандяна, ты видишь героев революционного племени. Суровые, сосредоточенные лица, портреты людей, вынесших смертный приговор старому миру. А рядом влюбленные, очень влюбленные молодые люди, или горы цветов, или очаровательные пейзажи Подмосковья, Италии, Армении и Индии...

По-моему, величайшее достоинство живописи Налбандяна, что в его картинах нет статики. Даже на полотнах с массовыми сценами нет ни одного действующего лица, которое не было бы схвачено художником в движении. Художник пришел в большую живопись, уже в совершенстве владея искусством динамики образов.

К сожалению, многие художники, искусно владея красками, лишены мастерства рисовальщика. Налбандян — замечательный рисовальщик. Поэтому он достигает поразительной достоверности и портретного сходства. Но в этой достоверности чувствуется рука большого художника, когда достоверность поднята над обыденностью, когда опущены детали, которые не являются характерными, когда в портрете виден не только внешний облик образа, но светится его душевное состояние, взволнованность или спокойствие.

В многообразной тематике творчества Дмитрия Налбандяна основное место занимают герои революционных будней. Это рабочие, матросы, красногвардейцы, это Ленин и его боевые соратники.

Много больших и малых полотен посвятил художник образу Владимира Ильича. Вождь революции показан в серии картин в разное время, в различных условиях жизни. Если все эти картины собрать вместе и расположить в хронологическом порядке, перед глазами развернется история жизни великого вождя пролетарской революции. То добродушный, то гневный, то нападающий, то улыбающийся. Спокойно, очень спокойно улыбающийся, когда он уверен, что Великая Октябрьская революция свершена и нет силы, которая могла бы повернуть историю вспять. Таков Ленин на картине Налбандяна во дворе Кремля, разговаривающий с человеком с ружьем и с московским рабочим.

Образ Ленина в искусстве кино, театра, живописи требует своего особого анализа, особого подхода, ибо часто некоторые художники пера и кисти до такой степени не решаются подчеркнуть человеческие качества вождя мировой революции, что его портреты получаются абстрактными и холодными, или, наоборот, некоторые художники стараются натуралистически восстановить фотографические подробности его внешнего облика, отчего трудно выделить Ленина из окружающей его массы людей.

Оба эти явления — результат холодного ремесленничества. Поэтому получаются такие невыразительные, ничего не говорящие ни уму, ни сердцу скульптурные фигуры, живописные портреты, фильмы и спектакли.

В картинах Дмитрия Налбандяна Владимир Ильич — это вождь революции, человек огромного ума, такой непримиримый, такой ласковый и такой гневный, когда это надо.

Да, Налбандян — романтик, и поэтому его Ленин не просто фотография гениального человека. Ленин — сердце революции, ум и воля революции. Вот так видит художник его образ. Именно такой он на холстах Дмитрия Налбандяна.

По-моему, одно из основных качеств большого живописца, как всякого художника,— это трудоспособность, когда он не может не рисовать, когда все его основное время поглощено любимой работой. В труде художника мужает его талант, растет его мастерство, созревают его эстетические и идейные нормы. У Налбандяна огромное количество работ, больших и малых полотен. Диву даешься, как он успел столько сделать.

Налбандян — и хороший портретист. Портреты его друзей, матери, сестры, портреты сборщиков винограда, колоритные типы, выхваченные из гущи народа, не дань злободневной тематике в творчестве художника, а его душевная потребность, его увлеченность жизнью, его любовь к человеку.

Дмитрий Налбандян — замечательный пейзажист. Смотришь его подмосковный лес при восходе солнца — и сердце начинает щемить тоска по уходящему лету. Кажется, что художник собирает из разных мест все волнующие тебя элементы русского пейзажа и концентрирует их вместе. Но, однако, все это реальный пейзаж, реальное, знакомое тебе место, а не абстракция.

А натюрморты Налбандяна, немного необычные, может быть, чем-то нарушающие законы натюрмортов, но такие своеобразные, такие сочные и красочные, такие налбандяновские!

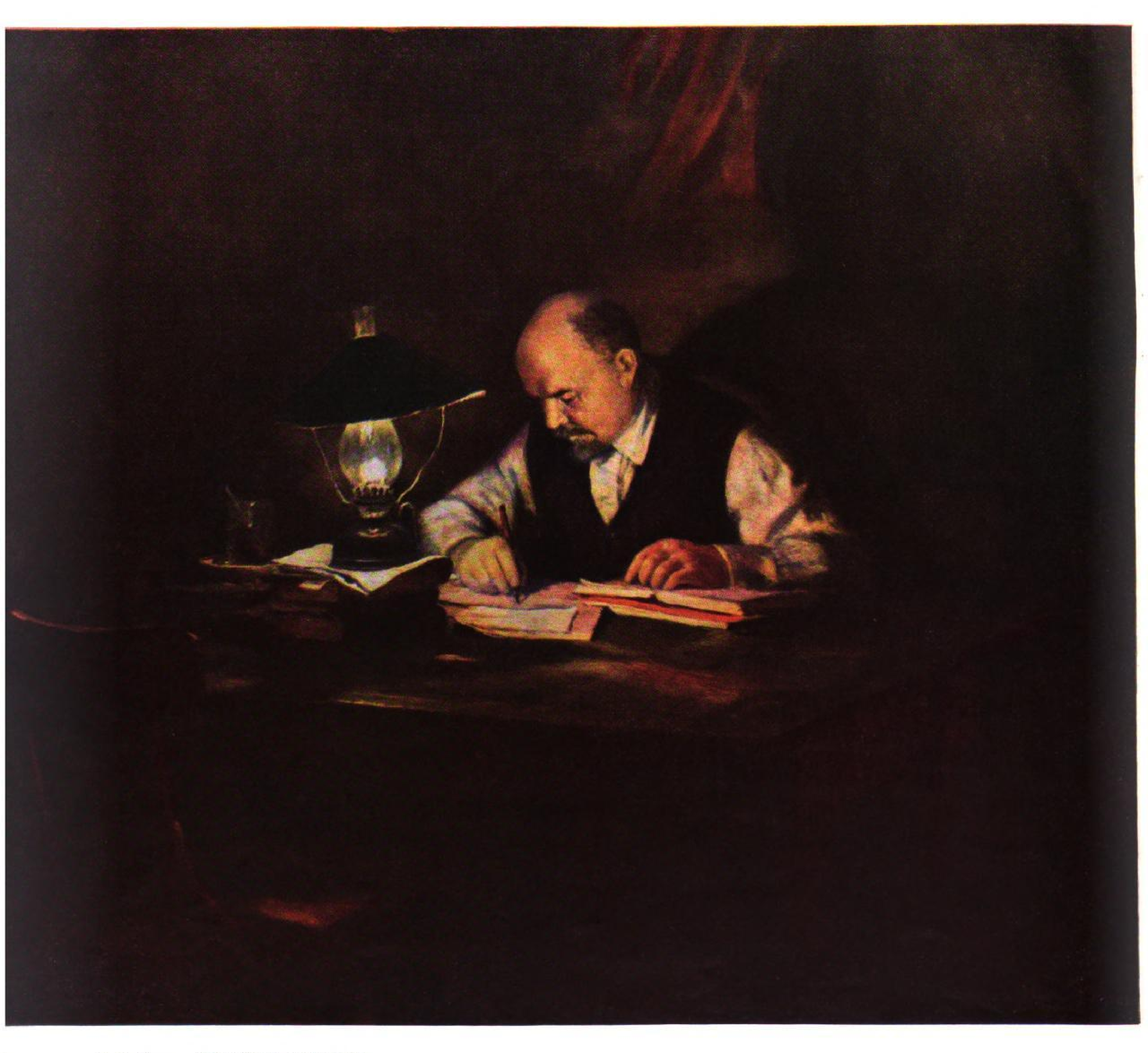
О прекрасном художнике Дмитрии Налбандяне можно говорить очень много. Об этом более квалифицированно пишут и напишут наши искусствоведы, которые призваны детально проанализировать творчество мастера кисти, разобрать каждую его картину, каждое произведение его искусства.

Академик Дмитрий Налбандян, ученик Е. Е. Лансере, выросший в борьбе за великое искусство социалистического реализма, сегодня находится в расцвете своего творчества. Его мастерская заполнена только что законченными и начатыми работами, в которых видна смелая рука мастера, взволнованность большого художника.

Д. Налбандян. ЛЕНИН В 1919 ГОДУ.

«Огонек». 1966.

Д. Налбандян. ПОСЛЕДНЕЕ ПОДПОЛЬЕ.

путь минерала

Александр ОСИПОВ

Мал да удал ❊ Пятьсот миллиардов частиц в одном карате ❊ Алмазный утюг ❊ Солнышко сквозь ушко

От бриллиантов до полупроводников — вот путь, который прошел король минералов — алмаз.

Начальник одной из лабораторий Научно-исследовательского института алмазного инструмента П. Вялухин показал на предметном стекле тонкий слой серого осадка.

— Вы видите алмазные частицы, каждая из которых размером полмикрона,— пояснил П. Вялухин.— Если брать их в отдельности, вряд ли ощутимая польза будет. Зато стоит их объединить (а только в одном карате их насчитывается не меньше пяти миллиардов), как получится материал с новыми свойствами. В полупроводниковых приборах, например, требуется особая чистота поверхности деталей. Раньше их полировали окисью хрома и другими веществами. Эта сложная и трудоемкая операция занимала, как правило, не меньше недели. А наши порошки справляются с задачей всего за несколько часов.

Делать то, в чем нуждается промышленность для успешного выполнения пятилетки,— этим заняты каждый отдел, каждая лаборатория.

Тонкие алмазные диски. Они открыли новые горизонты в технике. Раньше, чтобы получить заготовки полупроводниковых приборов, применяли штрипсы — тонкие металлические пилки. Много часов занимала эта работа, половина дорогого материала уходила в стружку. Новый диск режет твердую кремниевую пластинку, как колбасу. И, что важно, при этом экономится шестнадцать процентов материала. А это тысячи и тысячи сбереженных рублей.

...Не знаю, может ли верблюд пройти сквозь игольное ушко, но через это крошечное отверстие прошло шестнадцать тысяч километров проволоки. Кандидат технических наук М. Иоффе показывает нам гладко отполированные края фильеры — узкой щели, просверленной в алмазе.

Это действительно походило на чудо. Я знал холодное волочение — классический метод получения проволоки. Много хлопот доставляет рабочим это производство. Обычные фильеры то и дело выходят из строя, диаметр отверстия увеличивается, проволока перестает удовлетворять стандарту. Особенно быстро это происходит с вольфрамом, молибденом, никелем. А ведь проволока из этих металлов в больших количествах нужна радиопромышленности, используется в электролампах и нагревательных приборах.

Фильеры из алмаза фантастически прочны, хорошо сопротивляются износу, обладают малым коэффициентом трения. Вот только две цифры. Через фильеру из твердого сплава можно протянуть семьдесят километров проволоки, а через алмазную — шестнадцать тысяч. Но проделать в алмазе канал сложной формы и точного размера — дело нелегкое. Сверлить его, используя алмазные порошки, дорого и непроизводительно: на каждое отверстие уйдет неделя.

Помог новый советский станок, в котором рабочим инструментом служит луч лазера. Он способен за несколько минут выжечь в алмазе игольное ушко нужного размера.

А вот и еще одна профессия, которой обучили алмаз сотрудники института. Они сконструировали оригинальный инструмент, алмазный утюг, который крепится в токарном станке вместо резца. Небольшого усилия — до двадцати килограммов — достаточно, чтобы, не снимая стружки, получить чистоту поверхности высокого класса. Одновременно уплотняется поверхностный слой металла. Алмазный утюг может проделать без смены путь в 150 километров.

Мне вспомнился номер «Библиотеки для чтения» — старого журнала «словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод». Автор одной из статей со знанием дела давал советы, как отличить настоящий алмаз от фальшивого, в заключение он писал: «Кроме употребления для украшения, в наше время алмаз служит только для резания стекла».

Сто десять лет прошло с тех пор.

Как удивился бы в наши дни автор статьи в старом журнале, узнав, что на изготовление бриллиантов идет лишь пять процентов мировой добычи природных алмазов, а 95— использует промышленность!

Сотни видов инструмента различного назначения вышли из стен института. В зависимости от связки, которой склеивается алмазная крошка, можно получить инструменты с удивительными свойствами, применяемые в самых различных областях промышленности.

Одна из лабораторий института представляет собой своеобразный музей. На стендах — тонкие листы полированного мрамора разнообразных рисунков. Все это выставлено не столько для удовлетворения эстетических вкусов (хотя изумительное сочетание расцветок, созданное природой, доставляет истинное наслаждение). Перед нами еще один пример безграничных возможностей алмаза, который совершил переворот в использовании камня.

Сотрудники института создали алмазные пилы. Эти инструменты разделывают мрамор, гранит и другие декоративно-облицовочные материалы на тонкие, толщиной всего в несколько миллиметров плитки. Одновременно они полируют их.

Кто из строителей не знает, сколько хлопот доставляет прокладка газовых труб, электрических проводов и других коммуникаций! При этом самое трудное — пробить отверстия в железобетонных блоках. До последнего времени это делали вручную. На каждое уходило не меньше сорока минут.

И вот недавно на строительстве гостиницы «Россия», которая сооружается в Москве, впервые применили станок, сконструированный инженерами Главмосстроя. А использовали в нем сверла, разработанные в НИИАЛМАЗе. Эффект получился поразительный. Новый инструмент бурил ровные, с полированными стенками отверстия в любой железобетонной конструкции со скоростью десять сантиметров в минуту. Теперь появилась возможность в четыре раза ускорить прокладку водопроводных, газовых труб и других коммуникаций.

У нас в стране разведаны богатейшие залежи алмазов. В пятилетнем плане предусмотрено освоение новых месторождений. «Значительно увеличить производство абразивного и алмазного инструмента, а также расширить применение алмазного инструмента в народном хозяйстве»,— записано в Директивах XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 годы.

До сих пор принято считать, что потребление электроэнергии характеризует экономическое развитие страны. Уходя из института, я подумал: не рождается ли теперь на наших глазах новая мера — потребление промышленных алмазов? И разве не служит она важным показателем уровня индустриального развития государства?

ГДЕ ЖЕ ВЫ ТЕПЕРЬ, ДРУЗЬЯ-ОДНОПОЛЧАНЕ?

Этой фотографии более двадцати лет. Сделана она в суровые годы Великой Отечественной войны. В то время наша 417-я стрелковая Сивашская Краснознаменная ордена Суворова дивизия только что выбила гитлеровцев из города Жагаре. Мы, саперы 351-го отдельного саперного батальона дивизии, каждую ночь отправлялись на передовую и минировали наш передний край. Часто кого-нибудь посылали сопровождать дивизионных разведчиков, чтобы они не подорвались на минах. Случалось, приводили «языков». Ну, а во время наступления пехоты саперы тоже всегда впереди.

Однажды вечером — это было 5 сентября 1944 года — солдаты взвода младшего лейтенанта И. Ф. Новикова, в котором служил и я, готовились к очередному выполнению боевого задания. Предстояло установить противотанковые мины. Подошел начхимбатальона старший лейтенант Брейман и предложил сфотографироваться. Мы быстро заняли соответствующую позицию, и начхим щелкнул своим трофейным фотоаппаратом.

Ныне этот снимок как самая дорогая реликвия хранится у меня.

В первом ряду слева с лопатой в руках стоит Худобин (кажется, он из Ставропольского края). Рядом с противотанковой миной — автор этих строк. Я протянул руку за взрывателем к стоящему за спиной закадычному моему другу Николаю Зимарину (он из Воронежской области). За взятие Севастополя его наградили орденом Красной Звезды. Следующий, тоже с противотанковой миной,— Мирдадип Рамазанов из Башкирии. Это был отчаянный, сорвиголова парень. Однажды под Севастополем его вместе с Башуном и Гринбергом посадили на наступающие «тридцатьчетверки», чтобы провести их через минные поля. За выполнение этого задания Мирдадипа также наградили орденом Красной Звезды.

Крайний справа — Алексей Снеговой из Курской области.

Рядом с Зимариным — наш командир отделения сержант Шкутин. Вскоре после того, как был сделан этот снимок, он погиб. Дело было так. Ночью мы пришли на передовую, чтобы установить противопехотные осколочные мины.... Сгрузили с подводы наше имущество — начиненные тротилом металлические гостинцы. Взяв мины и предупредив боевое охранение стрелков, мы пошли на нейтральную зону. Неожиданно в самую середину группы упала посланная гитлеровским полковым минометом тяжелая мина. Она взорвалась у самых наших ног. Как это ни странно, пострадали только двое: Шкутина и командира другого взвода нашей роты, лейтенанта Петрова, тяжело ранило. Остальных лишь раскидало взрывной волной. Гитлеровцы открыли бешеный пулеметный огонь.

Когда стрельба немного затихла, мы вытащили истекающего кровью сержанта и лейтенанта и перенесли их в укрытие. Там им оказали первую помощь и отправили в медсанбат. По дороге сержант умер. Не раз после этого мне приходилось терять товарищей в бою, но эта смерть навсегда запомнилась.

Двадцать лет — срок немалый. Можно многое забыть. Но братство и дружба, рожденные в боях, никогда не забываются. Я обращаюсь к вам, мои боевые соратники: где вы, отзовитесь! Напишите, как вы живете, трудитесь.

Н. ПОСЫСАЕВ,
кавалер орденов
Славы II и III степени

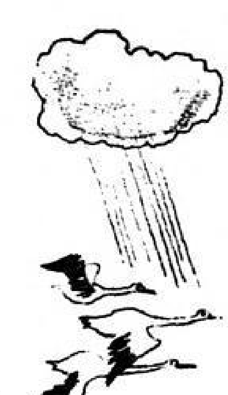

До вост

Алексей МАРКОВ

СУХОЙ ГРОМ

Досадней нет сухого грома,
Пустого грома горше нет.
Грохочет прямо возле дома,
На весь раскатываясь свет!

Вот-вот желанные дождинки
Поля и рощи освежат.
Встают на цыпочки травинки,
Навстречу дождику спешат.
Арбузные тоскуют плети,
Усами жадно поводя...

И гром ударил на рассвете!
Ударил... Только нет дождя!

Уж молний не было бы, что ли,
А то не выдержит душа!
Горит от жажды и от боли
Земля, осокою шурша!

Не лучше ль быть негромкой тучей,
Упасть дождями на поля,
Возникнуть радугой летучей,
Людские души веселя!

ЦВЕТЕТ АКАЦИЯ

Не могу, не хочу я уснуть:
Словно песня, мне слышится детство.
...Только небо зардеется чуть,
Погоняю корову подлеском.
По колена в холодной росе,
Следом тянется кнут конопляный...
Жизнь в своей первозданной красе:
В солнце, в травах, в прозрачных туманах...

А еще вспоминается мне
Разноцветье скорлупок пасхальных,
В деревенской моей стороне
Звон веселый и чем-то печальный...

Точно клин журавлиный, летят
И касаются сердца виденья...

Открываю глаза... Аромат
Мне навеял минувшего тени!
Надо мной, как в январском снегу,
Наклоняются кисти акаций!
Дым слепящий!.. Дышать не могу...
Это Родина! Родина, братцы!
...В ранний час выхожу на крыльцо.
Даль дрожит от пчелиного гуда.
Овевает цветочной пыльцой
Край душистого белого чуда!

У РОДНИКОВ

Все-то камешки видны
В светло-синих родниках.

От луны и до луны
В дымке царственных папах
Парни суженых своих
Ждут-пождут, собравшись в круг.

Чу! На тропках на крутых
Каблучков девичьих стук!
Горделиво и легко —
Что за поступь! Что за жест! —
В белом мареве платков
Стайка движется невест.
Спят кувшины на плечах,
Отливая серебром...

Вот еще несмелый шаг —
И зеркальный водоем!
В этом зеркале джигит...
Ну, взгляни же на него!

Делает горянка вид,
Что не видит ничего.

...Снова парень будет ждать
Брызнет солнце вдалеке,—
Может, встретятся опять
Отраженьем в роднике.

И вздохнулось: вот бы мне
Здесь прервать далекий путь.
К чистой-чистой глубине
На мгновение прильнуть!

ПУСТОТА

— Иль у тебя душа мертва? —
Ей говорят порою.
Хоть не расти кругом трава,
Хоть не плескайся синева,
На все махнешь рукою!
Растопчешь розу каблуком,
Пошутишь над любовью:
— Ромео? Что мне толку в нем? —
Не перехватит горло ком,
Не поведешь и бровью...

Душа мертва?.. Нашли порок!
Ну что вы, в самом деле:
Нет, не любой душист цветок,
Не в каждом соте сладкий сок,
Душа не в каждом теле!

ВОСКРЕСЕНЬЕ

То пораженья, то победы,
Жизнь — как хожденье по ножу!
Казалось, все до дна изведав,
Я ухожу, я ухожу...

Но снова в воздухе подснежники...
Ты, как спасение, идешь!
На злую зависть пересмешникам,
Смешавшим истину и ложь!

Милы в траве весенней тропы,
Милы среди снегов зимой.
Неправда, что степенный опыт
В разладе с юностью самой!

Вершины гор лучатся светом,
Сияют тучам вопреки.
Никто не скажет, сколько лет им,—
Дарили б свежесть родники...

ВЬЮНОК

Ах, вьюнок, ты большой баловник,
Весь в цветочках, как в рюмочках белых.
Ты у ног расстилаться привык.
Все бочком, неторопко, несмело.

Подползти только стоит тебе —
Выше тополя станешь, пожалуй,
На его непоклонном горбе,
На его доброте застоялой!

ПРИТЧА

Случилось так: арбой придавлен,
Напрасно встать пытался пес,
А проходившие плевали
И отворачивали нос.
— Помочь? А много ль в этом проку?
И масть не та! И хвост не тот!
И шерсть повылиняла сбоку! —
Судачил походя народ.

Но Магомет, шагавший в Мекку,
К бедняге ближе подошел,
В глаза взглянул, как человеку.
— Плевать,— сказал,— нехорошо!
Уж так ли он во всем убогий?
Взгляните: зубы — как алмаз.
Они еще остры для многих,
Их вспомнят волки — и не раз!

ФЛОРА И ФАУНА

Не приведи, о жребий грозный,
Не иссуши настолько память,
Чтоб я мерцающие звезды
Назвал небесными телами;
Березу белую и ясень
Именовал бы древесиной,
Забыв, как облик их прекрасен
В листве, в росе, в сиянье синем;
И окрестил бы железякой
Рапиру, отыскав на свалке;
А страсть любви — законом брака
И флорой — вешние фиалки;
В холодных родниковых струях
Увидел влагу — и не боле...
Зачислил в критиканы всуе
Того, кто закричит от боли...
А стаи птиц? Стада оленей? —
Простая фауна России?

...Быть может, все это точнее,
Но к черту точности такие!

В КОНСТАНТИНОВЕ

Сколько их, законников ретивых,
В душу сапогом влезавших нам,
Запрещавших поклоняться нивам,
Молчаливым высям и лесам!

Сколько было «бдительных» и рьяных,
У поэта вставших на пути!

ребования

Рисунки Ю. Черепанова.

Не разлучишь реки с океаном,
Хоть сто тысяч гор навороти!

Боль и радость русская, Есенин!
Наклонили головы цветы,
Сникли клены в золоте осеннем,
Размечтались, что вернешься ты!..

Но никто не сможет на рассвете
Разбудить, усталого, тебя.
Пролетел на легких крыльях ветер,
Отгорев, отмучась, отлюбя!..

На рязанских травах серебрится
Твой размашистый, веселый след...
Падает к мальчишкам на страницы
Тот вечерний, несказанный свет!

СНЕЖКИ

Словно вешалка, месяц
На зеленой стене.
Звезды, гроздьями свесясь,
Улыбаются мне.
Я на месяц заброшу
И кашне и пальто.
Сколько нынче пороша
Накидала цветов!

По-мальчишески розов,
Без тягучей тоски,
Я со старой березой
Поиграю в снежки.
Помню белой и тонкой.
Что-то стонет сейчас?
Здесь когда-то девчонку
Обнимал в первый раз.

И летит в мою юность
Разудалый снежок!
Серебристая струнность...
Месяц — звонкий рожок!

ТЕРПЕНИЕ

Смирение — болото,
Смирение — тюрьма.
Без гнева, без полета,
Как без просвета тьма!
Терпение — другое,
Смиренью не чета,
Оно — как перед боем
Тревожная черта!
Оно, подобно почке,
Минута — брызнет свет,
Подобно винной бочке,
Момент — и пробки нет!
Оно как шнур бикфордов,
Как склад пороховой,
Живущий жизнью гордой:
Черед я знаю свой!
Оно, как век грядущий,
И дряхлые года,
Под стать кофейной гуще,
Отбросит навсегда!
Не встанет на колени
За льстивые дары.
Да здравствует терпенье,
Терпенье до поры!

* * *

Любить — это требовать,
Чтоб лучше любимая стала.
Любить — это веровать
Во что бы ни стало!
Любовь не подслащивай
Словами, как патокой!
Любовь настоящая
Не любит поддакивать...

А если за счастьице
Держаться опасливо,
Котятами ластиться,
Друг друга умасливать:
Все «умник» да «умница»,
Все ладно, все мило...

Глядите, получится
Не счастье, а мыло!

* * *

Я помню: у седой калитки
В набитом рухлядью дворе
Сирени трепетные слитки
В росистом раннем серебре.
Сидим за столиком с соседом...
Бутыль плетеная вина
И многодумная беседа,
Беседа, ясная до дна!

...Теперь нет дворика худого,
Нет друга старого давно.
Молчанье злое вместо слова,
И только прежнее — вино,
И даже яростней оно!..

* * *

Скорей домой: там яблони цветут!
О, как они цветут душисто,
Как будто совершают суд
Над всякой поганью речистой,
Над суетою городской,
Автомобильным перегаром,
Философической тоской
Пивных, отяжелевших баров,
Над злостью горестной моей,
Что стала спутницею верной...

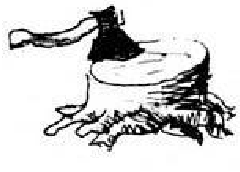
...Пылают яблони светлей
И чище поцелуев первых!
Дощатый столик под окном
Живыми лепестками устлан,
И я пишу сейчас на нем
Стихи —
и весело и грустно!

КИЕВ

Жизнью не избалованный:
Каждый выстрадан шаг.
Киев — город взволнованный.
Спят холмы на холмах.
Как в сраженье с Батыями,
Гневно вздыбился он,
Так и встал над обрывами
Для грядущих времен!

* * *

Над лесом раскаленный шар.
Уходит солнышко! Пора!
Оно дано мне было в дар
Надолго, с самого утра.

Ну что же, солнышко, прощай,
Счастливого тебе пути!
Всему есть свой конец и край.
Теперь другому посвети!

РОДИЧИ

По старому обычаю,
Не только те родные,
Кто нас родил и вынянчил,
Помог шагнуть впервые,—
А все, кто в хвори выходил
И в горе руку по́дал
Не из тщеславной прихоти
Блеснуть перед народом:
Пускай, мол, наши милости
Увидит вся округа!

...Приобретем болтливостью
Врага мы, а не друга!

Кто из воды нас вытащит —
Считаем побратимом,
И ту, что душу вылечит,
Зовем сестрой любимой!

Веду я речи вот о чем:
Живи не для утробы,
А то умрешь без родичей,
И никого за гробом!

ЛЕСОРУБЫ

Иду все дальше, дальше в лес.
Ужели нынче не найти
Зеленых островков-чудес,
Где нету топорам пути?!
Но... пни чернеют тут и там:
Потели, не жалея сил,
Газетный пожелтевший хлам,—
Конечно, здесь читатель был!
Еще б! Приятно почитать
Вдали от споров городских...
О лесорубах тьма опять
Стихов и песенок лихих!
О лесорубах столько лет
На все поем мы голоса...
А спел ли ты хоть раз, поэт,
О том, кто посадил леса?

ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

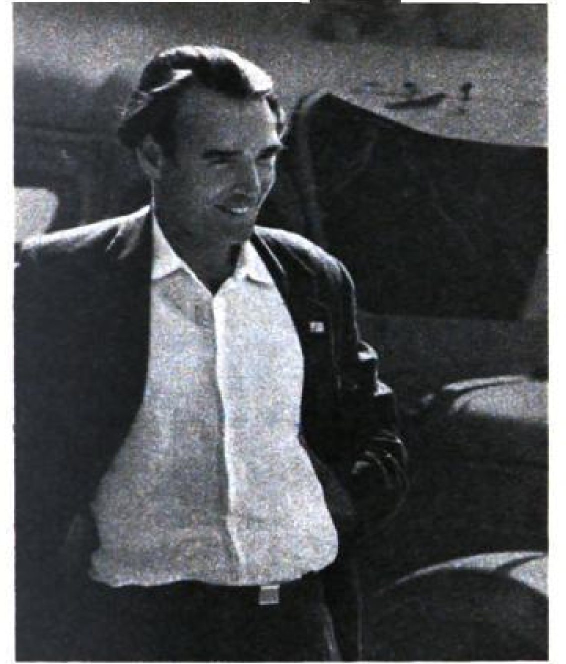
Лебединая стая,
Клик осенней тоски!
Я пишу и бросаю,
Как на ветер, листки.

С неизменной заботой
И встаю и ложусь:
Да востребует кто-то
Мою радость и грусть!

Кто-то очень похожий,
Безрассудный, как я.
У поэзии тоже
Есть взаимность своя!

Есть свое ожиданье
И свиданье свое!
Через мглу расстоянья
Эта общность встает!

Лебединая стая,
Свет осеннего дня!
Адресата я знаю,
Он не знает меня...

Председатель колхоза, Герой Социалистического Труда Федор Степанович Васильев на льняном поле.

Н. ХРАБРОВА

Фото Дм. Ухтомского.

ЛЕНОК ТРАВА ЗОЛОТАЯ

На любой вкус! У стендов с образцами тканей Смоленского льнокомбината.

ОДНАЖДЫ УТРОМ И ЧЕРЕЗ ТЫСЯЧИ ЛЕТ

Это была женщина с горячей, обожженной солнцем темной кожей. Однажды на рассвете мелколистное, на тонком стебле растение глянуло доверчивыми синими глазами цветов в ее черные настороженные глаза. Женщина наклонилась, осторожно попробовала сорвать стебелек. Он не поддался. И тогда она, а может быть, позднее ее дочь или правнучка, надергала с корнем снопик растений и сплела из них рогожку. И эта первая прямая юбка оказалась куда красивей и прочнее, чем прежняя — из самых лучших пальмовых листьев...

Наверное, как-то так был открыт на земле нынешнего Египта лен.

Однажды на судах под крашеными полотняными парусами он переплыл в славянские края. И оказалось, что льну только это и надо было. В краю белых ночей, в краю прохлады и влаги он вырос высоким, тонким и более прочным, чем под жарким солнцем юга. Шли века, и Россия надолго стала главным поставщиком льна на международном рынке. Вывозилось волокно, увязанное в шелковистые пряди, или, как называли их тогда и называют теперь красивым старинным словом, павесьмы. Почти во все страны мира шли упакованные в бочки лучшие в России псковские семена. Псковские мужики оказались терпеливыми и умелыми селекционерами: все льны на земле облагорожены теперь зеленой статью и выносливостью псковских долгунцов.

Много труда, знаний вложили люди в лен. И еще вложили в него свои песни. Потому что от первого зеленого ростка до тонкой, батистовой, ткани, на всем своем жизненном пути несет в себе лен трогательную, тихую красоту и добрую отдачу за труд. Поэтому не жалела и не жалеет для него Россия ни песен, ни сил.

Нынче снова, чуть поостыв от увлечения искусственными тканями, люди вернулись к моде на льняное полотно.

— В сочетании с серебристо-серым натуральным тоном льняной ткани хорош любой цвет, вышивка, кружева,— говорят художники моды.

И еще хороши в льняном полотне запахи живой природы, ощущение утренней свежести, синего полевого ветерка. И есть в нем обаяние исторической давности и неизменной службы человеку.

— Постельное и столовое белье, полотенца, носовые платки, сорочки, летнюю одежду лучше всего делать из льняного полотна,— советуют медики-гигиенисты.— Кожа в одежде из льна легко дышит, льняная ткань хорошо впитывает влагу и меньше других пачкается.

— Лен — главное богатство нечерноземной зоны,— говорит Федор Степанович Васильев, председатель смоленского колхоза «Красный доброволец».— Лен никогда не будет в колхозе этаким балованным принцем, эгоистом, требующим удобрения только себе да себе. Разумеется, его надо сеять по хорошо удобренной земле. Не по какой попало, а по хорошо удобренному клеверищу. А раз клевер в колхозе хорош, то и кормов достаточно, скот будет сыт, значит, будет молоко и мясо. Хлеб по льну посеешь — тоже с урожаем будешь. А хороший клевер, скот, лен и хлеб — все это вместе и есть хороший колхоз. У нас теперь, знаете, как говорят: «Лен силен, и колхоз силен».

В прошлом году особенно хорош был смоленский лен — лучше всех в стране. За это Смоленская область получила переходящее Красное знамя Министерства сельского хозяйства РСФСР, награды и премии. А пятеро лучших льноводов, в том числе и Федор Степанович Васильев, стали Героями Социалистического Труда.

И нынче удался ленок, несмотря на засуху, на затяжной суховей. С конца посевной до середины июля не было на Смоленщине дождей. Они обильно и быстро выпали в самое время наливания, насыщения зерна. А в августе солнце снова стало выкатываться из-за холмов, как раскаленный диск из гигантского кузнечного горна. Сухие волны жары плыли и плыли над полями. И неоткуда было взять природе капельки росы — живой воды, рожденной в таинстве ночи.

Но кто не знает нынче, что в засуху хлеба горят не столько от жары, сколько от мелкой вспашки, от запоздалого сева, от несвоевременной химической прополки, от неграмотного внесения удобрений... Вот на смоленских полях и уцелел лен. Отзвенел в июле нежными бубенчиками, а в августе осыпался в закрома драгоценным маслянистым зерном, улегся на склоны бесконечными тесными золотыми рядами — будто уставились смоленские холмы солнечными лестницами к белым стогам облаков.

Область достигла своей главной сельскохозяйственной задачи — провела августовский расстил льна. Самый лучший, самый выгодный для хозяйств: в умеренной смене ночной прохлады и дневного тепла, утренних рос и

ветра лен хорошо отлеживается и ровно лубенеет. Волокно августовского расстила становится по-особому мягкой, по-особому светлой тканью, ласково льнущей к коже.

Так и кажется: от слова «лен» и произошел глагол «льнуть». А может быть, от этого глагола наши древние предки дали растению имя «лен». Как бы то ни было, есть тут явное родство.

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВА

Была когда-то и у Федора Степановича Васильева жизнь, нормально делившаяся на будни и праздники, на работу и отдых. Но так было раньше, до дня, когда работника райфо коммуниста Федора Васильева вызвали в райком партии, объяснили тревожное положение в сельском хозяйстве, и он согласился ехать в деревню председателем отстающего колхоза. Впрочем, слово «согласился» тут не совсем на месте, ибо, с точки зрения Федора Степановича, нельзя соглашаться или не соглашаться, если какой-то твой поступок нужен стране. Надо суметь. С той поры прошло тринадцать лет.

Начал он с того, что было ему ближе всего,— с приведения в порядок финансового хозяйства. Оно было страшно запущено. И так же запущена была скудная земля. Агрономов своих тогда в колхозе не было, Федор Степанович решил пригласить участкового агронома в колхоз, обследовать с ним поля и попутно пройти краткий курс сельскохозяйственных наук. Приехала девушка, молоденькая, со студенческой скамьи, теория с практикой увязывалась у нее не очень-то прочно. Какой уж тут курс... Стараясь говорить как можно небрежнее, Федор Степанович смущенно подсунул ей бумажку:

— Запишите на всякий случай сроки сева на наших полях...

Так он начинал.

И после еще много раз было Федору Степановичу так трудно, что впору бы сослаться на неподготовленность, на нездоровье, на личные семейные дела и отступить. В конце концов многие горожане вернулись домой. Он не вернулся.

Давно забыв о том, что бывают воскресенья, когда можно с газетой в руках под утренние радиомелодии подольше поваляться в постели, Федор Степанович Васильев теперь всегда встает на рассвете. Словно у него каждый день праздник, надевает белоснежную рубашку. Садится за руль газика, едет по узкой полосе между лесом и пашней — в полевой мир, встречающий его тысячью огорчений, забот и радостей. Оставляет газик на меже и идет по песчаной тропинке.

Здесь синева. В вышине неба и в глубине долин. И совсем рядом—можно погладить ее рукой— мягкая и добрая синева цветущего льна. Плывет и плывет она по русским полям—от кончиков пальцев до далеких горизонтов. Красивое, надежное колхозное богатство. Колхоз «Красный доброволец» десять лет назад начал сеять лен. И за десять лет ни разу не получал с каждого льняного гектара меньше 1 750 рублей дохода. А в 1965 году лен дал хозяйству по 2 107 рублей, в звене же Вали Лисовской с 18 гектаров — по 2 713 рублей. Примерно в 10 раз больше, чем от любой другой культуры. Такой он, ленок — золотая трава...

И в этот синий и солнечный день, и в самый напряженный день уборки, когда сквозь пыль и пот тусклым кажется солнце, и в зимнюю стужу, когда в хлевах сонно посапывает сытый скот, вдруг среди самых будничных забот становится у Федора Степановича Васильева так хорошо на душе, как у иного и в самый большой праздник не бывает.

Так уж нынче складываются дела в деревне: кто-то стремится отмахнуться от них, не задумываясь о последствиях, а кто-то прикипает с любовью и болью. Берет на себя десятикратную нагрузку. И несет ее с честью. Помните, что говорилось в докладе на мартовском Пленуме ЦК КПСС о Смоленской области? Что в течение пяти предыдущих лет сельское хозяйство этой области давало всего один процент прироста. А в 1965 году все отрасли смоленского сельского хозяйства дали в целом 23 процента прироста — за один только год.

Вот что значит разумное землепользование в руках разумных и сильных людей!

ДУМАЙ СКОРЕЕ!

Я хочу, чтобы конструкторы льноуборочных и льнообрабатывающих машин обиделись на меня.

Может быть, нет среди них талантливых людей?

Или, может быть, они никогда не были в деревне в последние дни сентября, в октябре или в ноябре, когда осенний холод и мрак начинают гноить не убранный с полей лен. Ведь издавна ранит сердце человеческое несжатая полоса.

Нынче почти везде людей в колхозах мало. Почти везде злаки убирают комбайны. И нет в стране хороших льноуборочных машин. И почти везде лен теребят, вяжут, расстилают и поднимают со стлищ руки колхозниц. Осень обрушивается на эти незащищенные немолодые руки холодом, усталостью, болезнями. И этих рук меньше, намного меньше, чем льняного богатства.

А конструкторы подводят колхозников.

Даже «ЛКВ-4Т», льнокомбайн, который, по существу, в своем первоначальном виде был придуман калининскими колхозниками, а потом передан на «Бежецксельмаш»,— даже этот комбайн уже годы и годы никак не может в усовершенствованном виде вернуться на колхозные поля. А ведь хорош он по замыслу: теребит, очесывает, вяжет, в случае необходимости и расстелет. Опытные образцы этих машин проходили в 1965 году испытания в смоленском совхозе «Плосковском». Подсчитано, что при уборке этими комбайнами затрачивается в 4 раза меньше труда, чем при обычной технологии, и доход с одного гектара увеличивается на 200 рублей. Сколько же этих 200 рублей погектарно не взято земледельцами со всех советских льняных полей!

А на сколько больше валюты могло бы быть у государства!

Лен, кроме нашей страны, растет еще в Бельгии, Голландии и во Франции. В этих странах крестьяне на небольших своих полях выращивают лучшие, чем у нас, урожаи. И вручную, так же, как когда-то русские крестьяне, получают на своих гумнах более тонкое волокно. Но там своя беда: в этих государствах выращивается мало льна, да и с мелких крестьянских полей невозможно получить большие, однородные по цвету и качеству партии волокна. Наша страна без затруднений может поставлять такие количества. И поэтому крупные зарубежные льнопрядильные фирмы предпочитают наш лен. Английские фирмы Мальхольм, Виглесворд, Бунцль, Роллс и другие — наши давние, традиционные покупатели.

Качество льноволокна измеряется номерами. Чем выше номер, тем больше валюты предлагает за него международный рынок. А номер тем выше, чем своевременнее вытереблен, расстелен и поднят со стлищ лен.

Мы продаем лен дешево, низкими номерами, и только потому, что не успеваем убирать его вовремя. Только потому в конечном счете, что конструкторы медлят и, очевидно, не подсчитывают, какие неизмеримые убытки приносит государству их медлительность.

Страдает лен и оттого, что он медленно и плохо обрабатывается на заводах. Двадцать лет не менялось, не реконструировалось их оборудование!

Вот случился в прошлом году в Смоленской области хороший урожай, справились с ним всесильные руки колхозников, сдали тресту на заводы. И там она забила дворы высокими, похожими на громадные избы скирдами. Несколько лет надо ее обрабатывать. Заводы перешли не то что на двухсменную, на трехсменную работу. Люди-то не жалеют сил. Но не успевают древние машины. И уже идет в наступление большая треста нового урожая. Пока она дождется своей очереди, качество ее снизится на несколько номеров.

Мы ли не умеем строить машины? Ведь на своих собственных, сложнейших, никогда и нигде не бывалых прежде мы первыми начали покорять космос.

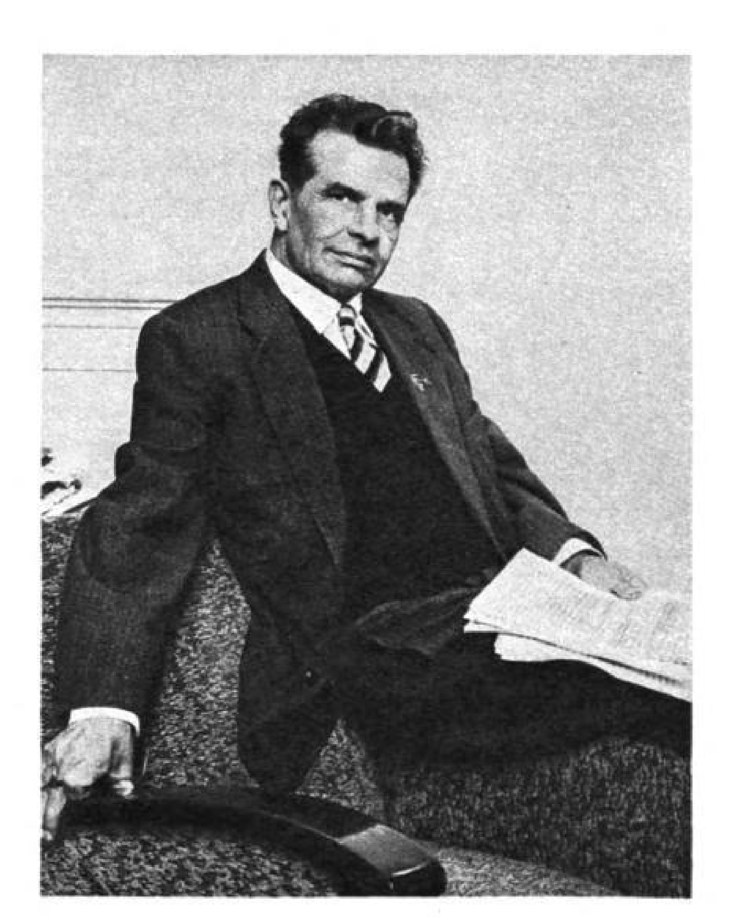
...Может быть, ты еще на студенческой скамье, будущий конструктор льноуборочных и льнообрабатывающих машин? Готовься, учись. Тебе предстоит помочь настоящей красоте. Потому что и низкие номера льняного волокна, попав на Смоленский льнокомбинат, в руки его художников, становятся красивыми портьерами и покрывалами. Они несут в наши дома радость красок и рисунков— каждому свою. Кому нежность сирени и яркость роз и маков, кому бесконечное разнообразие геометрического орнамента. И смоленские скатерти — торжественные, тонкие и шелковистые, с серебряным рисунком разбросанных по полотну листьев, и пестрые, веселые для ежедневного стола — несут в наши дома праздник.

С поля — на завод! Ленок — золотая трава в руках работниц контрольно-упаковочного цеха Смоленского льнокомбината.

Насколько же умножится эта красота, когда выйдут на поля льноуборочные машины и не дадут поблекнуть, потемнеть позолоченному солнцем льну. Сохранится ее гибкость, тонкость и прочность. Станет легче колхозникам. Будет богаче государство.

Думай скорее, конструктор!

К 70-летию со дня рождения Ф. И. Панферова

В то х

Он не любил да и не умел выступать на больших писательских собраниях. По крайней мере в последние годы жизни. В его словах о хлебе, о земле, о старом и новом Поволжье, о нефтяных скважинах Татарии — втором Баку — не было той легковесной броскости, которая могла бы накалить страсти в кулуарах, когда доброхоты, раздувая пиджаки, несутся куда-то, торопливо суют встречным руки или с преувеличенной радостью (не забыть бы про телеобъектив) тискают друг друга в объятиях: «Ну, каков старик? Вот это дал старик!..»

Вероятно, чувствуя все это, он говорил глухим, сдавленным голосом, не отрываясь от текста и спеша закончить выступление, которое ни ему, ни другим отрады не приносило.

Сопровождаемый вежливыми аплодисментами, он медленно проходил через зал и садился, насупясь, где-нибудь с краю.

Я так бы никогда и не узнал, какой это изумительный, нет-нет, не оратор—это слово здесь никак не подходит,— какой изумительный это человек, если бы не один случай.

...Утро — таких немало на Севере в октябре — выдалось пасмурным, хмурым. Иссеченные дождем тротуары были заляпаны грязью, скользили под ногами. В иных местах жидкое месиво, которым заплыла улица, надо было переходить по наспех брошенным кирпичам, в иных — перепрыгивать, подобрав полы плащей.

Мы шли что-нибудь перекусить перед выступлением. В районной чайной, где мы столовались, меню было отстукано на тонкой папиросной бумаге, с запасом на полгода вперед: щи с солониной, гуляш из солонины, компот из сухофруктов.

Панферов отложил меню в сторону — с ночи его сильно мучили приступы болезни — и заказал себе чай. Помешивая ложечкой спитой, или, как у нас говорят, сиротский, чаек, он раздумчиво смотрел в окно. По-осеннему тягостен был вид колеистой улицы, домиков, вымокших по балясины мезонинов, убогой, с облупившейся штукатуркой церковки, старых тополей, с которых ветер сбивал остатки мокрой листвы.

На час дня в районном клубе было назначено наше выступление, и никто из нас не сомневался, что в такую погоду да еще в такое время вряд ли соберется много народу. Ну, будет районное начальство, придут учителя, кое-кто из учащихся, один-два пенсионера, оказавшихся в этом селе,— вот, пожалуй, и все. Однако Панферов здесь же, в чайной, достал из кармана школьную тетрадочку, с которой он никогда не расставался, и долго обдумывал и записывал тезисы речи.

Клуб, как и все в это утро, казался унылым, неприветливым. Это было длинное, обшитое серым тесом здание, которое никак не кончалось, а все тянулось и тянулось вдоль дощатого тротуара. Но уж возле дверей мы увидели девчат. Оживленно переговариваясь, девушки мыли ботики, залитые дорожной глиной, снимали и сворачивали голубые и розовые прозрачные накидки. Приметив нас, засмущались, но поздоровались по-деревенски громко и простодушно.

Клуб был полон. На деревянных скамьях сидели женщины, да, большинство женщин. Лишь кое-где мелькали светлые мальчишечьи вихры да темнел ватник старого рыбака. Девушки принарядились — накинули на пальто цветастые косынки,— а женщины из-за неближней дороги так и сидели в теплых платках, приспущенных на плечи. Их рабочие, свекольно-красные руки спокойно лежали на коленях, их молодые и немолодые глаза были полны нескрываемого любопытства. Секретарь райкома, как и положено, открыл литературный вечер «Октября» и представил присутствующим гостей. При имени Федора Ивановича Панферова в зале захлопали в ладоши да и потом еще долго переговаривались.

В клубе потеплело, а если точнее сказать, то подобрело, и, подхваченный волной этой доброты, первым вышел на трибуну Сергей Викулов — постоянный автор журнала. Его улыбчивые, деревенские стихи, как и он сам, смущавшийся, неловкий, какой-то свой, нашенский, понравились — и тем, кто был на сцене, и тем, кто сидел в зале.

Казалось, в воздухе засветилось облако, невидимое глазу, но насыщенное особой энергией, ко-

---

РАЗНОЕ ●●● РАЗНОЕ

САМЫЙ ВОСТОЧНЫЙ

Магаданский институт «Дальстройпроект» проектирует угольные шахты и рудники, прииски и электростанции, автодороги и мосты, линии электропередач и жилые поселки. Недавно здесь закончен проект Зырянской угольной шахты — первого в Якутии высокомеханизированного угольного предприятия. Уголь нужен для снабжения прибрежных районов Колымы, Билибинской золотодобывающей промышленности, для морского порта Певек. В 50 километрах от Зырянки на берегу реки вырастет поселок — пятиэтажные жилые дома, детские учреждения, школа, профилакторий для отдыха горняков.

Г. КОПОСОВ

На снимке:
Главный инженер института «Дальстройпроект» И. Л. Коган (справа), инженеры В. К. Шишкин и Л. С. Потемкина обсуждают проект Зырянской угольной шахты.

НУЖНЫ ВСЮДУ

Наверное, ни в одном кафе официанток не встречают аплодисментами. А в кафе «Пасака» в Каунасе это случается часто, в зависимости от того, чем бывают нагружены подносы... Ну, а уж если нет аплодисментов, то официанток обязательно приветствуют возгласы: густое мальчишеское «Ух ты!», либо тоненькое девчоночье «Ой, здорово!..». Еще бы! Подносы уставлены пышными пирожными, хрупкими печеньями, солидными треугольниками торта. А в пестрых чашках — молоко, кофе, чай с вареньем... Охнешь! Но вот официантки Зося и Стефуте или Дайва и Зита поставят все угощение на столики разной высоты, и сразу в кафе наступит тишина: теперь некогда разговаривать — рты заняты.

Стефуте и Зося ходят от столика к столику и наблюдают.

— Посмотрите-ка, Марите умеет тихо размешивать сахар! Она никогда не стучит ложкой в чашке, попробуй и ты так!.. О, вот неожиданность: все держат ложку в правой руке, а Дануте — в левой, а покажи, как ты в правой будешь держать! Света сегодня хорошо сидит: крошек на пол не роняет. Пожалуйста, Боря, на здоровье! До свидания, Стася, приходи к нам опять...

Частенько после прогулки маленькая Стася тянет маму с другой стороны бульвара в свое кафе.

Валерий ДЕМЕНТЬЕВ

мурое утро...

гда что ни слово, то в кон, что ни шутка, то прямо в точку. Остальным после Викулова было легче.

И все-таки Федор Иванович волновался, а волнуясь, острее ощущал тянущую боль в груди. Так он и вышел к трибуне, согнувшись, как будто даже сгорбившись, и заговорил будничным голосом, в котором только мы, близко его знавшие, могли различить затаенное страдание. Но зал уже потянулся вперед, зал уже слился в единое целое, уже впитал в себя и эти острые, серо-голубые глаза, и морщинистое, с болезненной желтизной лицо, и курчавую, ладно посаженную на плечи голову, и весь облик этого человека с депутатским значком в петлице.

Выступление Панферов начал с меры ответственности писателя перед народом. По рядам прошел легкий шумок: здесь чаще звучали требования и обязательства, выстраивались в колонки цифры, сыпались цитаты, но вот так, чтобы кто-то просто и серьезно заговорил об ответственности любого перед ними, перед сидевшими в зале, перед народом, такое приходилось слышать не часто. Однажды, рассказывал Федор Иванович, молодой поэт принес в редакцию «Октября» поэму «Живой венок». Сюжет поэмы был незамысловат: крестьяне глухой смоленской деревни, узнав о смерти Владимира Ильича, решили собрать по избам живые цветы, сплести из них венок и отправить этот венок в Москву, чтобы возложить на гроб Ильича.

Поэма была прочитана в редакции и всем понравилась. Прочитал ее и Панферов.

— «Почему цветы?» — спрашиваю я у поэта,— рассказывал Панферов собравшимся в клубе.—Автор помолчал. «Вы знаете, какие цветы стоят у мужиков в избе?» Снова молчание. Поэт действительно не подумал: а какие же в январе можно собрать цветы по деревенским избам?

— Ванька-мокрый! — не удержался и выкрикнул из зала парень в замасленной спецовке.

— Верно,— поддержал его Панферов.— Ванька-мокрый — этакие мокренькие, хлипкие цветочки, которые не то что сплести, связать невозможно. Пусть мужики,— посоветовал я молодому стихотворцу,— сплетут венок из колосьев доброй умолотистой ржи. Правды больше будет да и хорошо это: матушка-рожь. Больше всего любят ее в деревнях. Любят и ценят. А наши поэты все о васильках да васильках... Нет более поганой травы для крестьянина, чем эти самые васильки.

Так, что ли, товарищи женщины? — обратился Панферов к залу. В ответ дружно и одобрительно загудели, а потом, не умея иначе выразить чувств, переполнивших сердца, разразились аплодисментами.

— Нельзя неправдой, пусть в мелочах, пусть в частностях,— продолжал Федор Иванович,— оскорблять великую любовь народа к Ильичу. Писатель должен быть правдив во всем. Правдив,— подумал, посмотрел в зал,— и, конечно, талантлив.

Женщины, бывшие в зале, чувствовали себя теперь совсем по-домашнему. Они расстегнули пальто, положили платки на колени, уселись поудобнее. Они предвкушали большой, может быть, самый значительный в их жизни разговор. И они не ошиблись в этом.

Панферов, все более и более вдохновляясь, остро и доверчиво вглядываясь в обветренные лица женщин, размышлял с ними вслух, почему писатель, прежде чем взяться за перо, должен жизнь пощупать собственными руками, почему он должен быть глубоко правдив с народом. Да потому, что, вырвав победу у врага в войне, которой не было тяжелее и кровопролитней, наш народ достоин правды, только правды, только ее одной. Всему миру известно, какой ценой досталась эта победа и какие жертвы понесла в войне наша деревня.

Тут Панферов неожиданно для нас, сидевших на сцене, заговорил о ласке. Да, о сердечной ласке, отзывчивости, доброте. Он заговорил о вдовьем горе и о том, что едва ли не больнее всего вдова переживает людское равнодушие, душевную черствость. Она, вдова, лишилась самого драгоценного в жизни — мужской ласки,— и к ней надо идти не с окриком — она слышала их, не с приказом — она привыкла к ним, а с задушевным словом привета и утешения.

— Погорюйте, поплачьте, наконец, с ней,— обращаясь через головы сидевших в клубе, не сказал, а выкрикнул Панферов,—и ей, вдове, будет легче.

Я посмотрел в зал. У многих в глазах стояли слезы благодарности. А ведь нелегко хотя бы вот у этой пожилой колхозницы, сидевшей прямо против нас, высечь слезу словом. Ее лицо было замкнуто и сурово. В ее волосах с жидким узелком на затылке поблескивали преждевременные седины. Как видно, она была из тех вдов, о которых сейчас говорил Панферов. Для нее речь писателя не была ни пресной, ни банальной. Эта речь для нее была откровением. Оставшись одна с ордой ребятишек, чтобы их прокормить, она перетаскала на спине баржи мешков, перелопатила горы земли, недоспала тысячи ночей. Нет, высечь у нее, закаменевшей в горе и заботах, слезу благодарности было не так-то легко и просто.

В четвертом часу пополудни мы вышли из клуба. Возвращались в центр села притихшими, сосредоточенными. Не было у нас обычного оживления, того легкого самолюбования, которое неизбежно несет с собой удачно проведенный литературный вечер. Ничего этого не было. Потому что каждый из нас понимал одно: как же надо уважать свой народ, чтобы в тесном зальце, перед случайными слушателями — жителями приозерных деревень — так не щадить себя, так сгорать от гордости за них, за этих людей, и от печали, как это только что делал Федор Панферов.

...День никак не разгуливался; он по-прежнему был пасмурным и неприветливым. Но на душе не было и в помине той тяжести, которая томила меня вначале. Томило и заботило другое: где взять сил, чтобы повторить этот подвиг.

На фото: В ожидании заказа.

Фото В. Сальмре.

Впрочем, мама и не сопротивляется. Стасю можно усадить за самый маленький столик, поручить ее заботам официанток, а самой отправиться за покупками. Этот час Стася проведет приятно и с пользой для себя: выпьет свежего сока, научится правильно сидеть за столом, правильно держать ложку, быть самостоятельной и вежливой с соседями по столу.

В кафе весело и красиво. Каунасские художницы сестры Липинскайте нарисовали на одной стене смешную историю о том, как дружные люди и звери тянут-потянут репку, а на другой — литовскую сказку про девочку Сигите, которую злая мачеха заставляла много и тяжело работать. Но только все равно Сигите было легко, потому что ей помогали добрые силы природы... В центре кафе — майоликовый фонтан. По вечерам на нем распускаются золотые и красные водяные цветы. А на потолке из-за белого облака смотрят вниз звезды и планеты; про них ведь тоже можно придумывать разные истории, пока не устанешь...

В кафе разрешается пить молоко и сок через соломинку, а потом унести эту соломинку домой на память. Можно собраться вокруг одного стола — там, где сидят приятели, или у кого-нибудь есть интересная книжка...

Взрослые хозяева кафе — Она Швалкунене и официантки — отлично понимают своих маленьких гостей. Поэтому между маленькими и взрослыми тут дружба. И нечего уж говорить, как быстро возникает дружба и завязываются знакомства среди маленьких.

Кафе «Пасака», что значит «Сказка», воспитывает своих посетителей, а не только угощает. Построить такое кафе можно в каждом городе.

Н. СЕРГЕЕВА

ЗДРАВСТВУЙ, ДРУГ!

Когда рабочие завода «Двигатель революции» в городе Горьком шли утром на работу, то в парке Дубки заметили теленка не теленка, корову не корову...

— Да это же лось! — воскликнул кто-то.

Это действительно был небольшой лосенок, невесть какими судьбами попавший в центр города. Он мирно жевал траву, дружелюбно поглядывал на окружающих его людей. Тут-то и застал его фотообъектив.

Фото А. Куимова.

Горький.

Василий ФЕДОРОВ

Оставьте мне тайну

Какое же диво
В твоих, Руставели, словах:
Века отшумели, а слово
Все в тех же правах.

Века отзвучали, а слову
И жить и звучать.
Кем был ты,
Как жил ты,
Не знаю.
А надо ли знать?

Над миром тревожным
Ты крылья любви
Распластал.
Ты Индию левым,
Аравию правым достал.

У нас и поныне
Сердца и горят и болят,
У нас и поныне
Над сердцем
Царицы царят.

У нас и поныне
Усладу другие берут,
У нас и поныне
Кровавые слезы текут.

Прости мне, Шота,
Что, влюбленный,
В порыве страстей
Любимую славил
Превыше царицы твоей.

Прости мне, Шота,
Что забылся
В своей похвальбе,
А помнил лишь право
Любовью быть равным тебе.

Не знаю,
Кем был ты,
Как жил,
Но, читая твой стих,
Тебя создаю я
По страсти героев твоих.

Как бог триединый,
Во всех ты героях един:
В любви Автандила
И в нежных очах Тинатин.

Ты в каждой слезинке,
В кровинке
Отверстых их ран,
В тоске Тариэла
И в муках Нестан-Дареджан.

А что мне с того,
Что в чужом
Палестинском краю
Однажды найдут
Долговую расписку твою?

Унижен ли был ты,
Оболган ли был ты за труд?
Да мало ли лгали...
И многих еще оболгут!

Ах, что мне догадки!
В твой век, Руставели,
И в наш
Доподлинна песня,
А все остальное —
Мираж!

Во имя той песни,
Что пели мы все
И не спели,
Оставьте мне тайну
Великой судьбы
Руставели!

Л. ГРАФОВА

Фото М. САВИНА.

СЛАВНОЕ МОРЕ

...«Тайфун» плыл вдоль полуострова Святой Нос. Берег был то синим от пышной хвои, то желто-зеленым от лиственницы, то вдруг его делали багровым спускавшиеся к воде скалы. И только один цвет — белый — реже всего встречался на берегу. Белым выкрашено жилье — бревенчатые домики, а их здесь можно пересчитать по пальцам.

Первая остановка — маяк. Он светит по ночам на самом краю Святого Носа. Мы шли по узкой полоске земли к домику маячника. Ветер, дувший буквально со всех сторон, пел каменную песню в береговых нагромождениях скал. Но в доме топилась печь, пахло горячим хлебом. Хозяева — Нина и Виктор Подымахины уже восемь лет безвыездно живут здесь. Восемь лет подряд по восемь раз в сутки он или она идет к приборам, чтоб потом передать по рации метеорологические наблюдения. Приборы всего в двухстах метрах от дома. Но когда снег и туман, эти метры становятся очень длинными. Ветер не утихает никогда...

Пустынно... Но ни одним словом ни Виктор, ни Нина не жаловались на жизнь. Они говорят, что им здесь нравится, что много раз их звали работать на Большую землю, а они никак от Святого Носа оторваться не могут.

— Вы же поймите, в каком месте живем,— все настроения Байкала как на ладони. Это все равно, что целая Третьяковка каждую минуту перед глазами!

Виктор со знанием дела говорит о проекте, по которому Байкал должен стать национальным парком СССР:

— Первый такой парк в нашей стране будет, и, наверно, один из лучших в мире. Говорят, хороший национальный парк в Америке. Так он почти на десяти тысячах квадратных километров. А байкальский на целых сорок тысяч протянется! Наш Святой Нос тоже в его зону войдет... Я в газете читал, что 500 тысяч туристов в год смогут отдыхать на Байкале!

Нина принесла нам в дорогу подарки — варенье из лесных ягод и фиолетовые шишки, какие бывают только в лесах на Байкале.

Вдвоем Виктор и Нина провожали нас к «Тайфуну», показывали по пути свои владения. Огород, где удалось приручить картошку, построенная прошлым летом баня, детская площадка...

Скоро их маленький дом заслонили большие камни Святого Носа. С воды пейзаж открывался совсем по-новому. В его величии было что-то влекущее, что-то объясняющее гордость тех двух людей, которые уже стали невидимыми на берегу.

Что такое Байкал: море, озеро? Только вдали от него можно сомневаться и прислушиваться к здравому голосу теории. У самих байкальцев не существует двух мнений — конечно, море! И рыбаки здесь ходят в море, и бури бывают морские. Да, море как море. Только как бы далеко ни заплыл корабль в этом огромном море, его обязательно будут провожать берега. Хоть призрачной дымкой на горизонте обязательно видны они. А человек все-таки больше всего на свете любит землю.

Славное море, благодатный Байкал. Наверное, у него можно учиться доброте...

Наш «Тайфун» ждал одного рыбака. А этот рыбак искал собаку. Из-за собаки на целых полчаса мы задержались в Усть-Баргузине. Капитан «Тайфуна» Анатолий Леликов рассматривал берег в бинокль, заметно нервничал, но команды к отходу не давал. Конечно, это было нарушение инструкции...

А потом мы заходили в один поселок, чтоб взять демобилизованного солдата, который спешил в Чивыркуйский залив на свидание к невесте. А потом бросили якорь в устье Больших Черемшан, и команда «Тайфуна» помогала рыбацкой бригаде поднимать ставной невод. Все это тоже не входило в функции рыбоохранного судна, но капитана просили помочь, и он, посоветовавшись с экипажем, отвечал свое всегдашнее:

— Можно.

Это «можно» часто слышится на Байкале на особом, емком байкальском диалекте.

У капитана Анатолия Леликова тонкий профиль. По возрасту он младший в команде и поэтому старается казаться строгим, но редко бывает таким. И все-таки Леликова уважают. Они знают, каким становится Анатолий в опасную минуту (а у инспекторов рыбоохраны ой как много таких минут!). На него шли с ножом, шли с топором. Однажды браконьер устроил на Анатолия засаду и стрелял в него... Сейчас «Тайфун» идет на встречу с четырьмя такими злодеями, которые построили избушку в лесу и воруют рыбу в местах нерестилищ. Наверно, у браконьеров и оружие есть... Брать их придется ночью, без огней.

А пока в кубрике за обедом хохот. Рыбак Михаил Манхаев, которого мы так долго ждали в Усть-Баргузине, рассказывает, зачем ему нужна собака. Оказывается, все дело в медведе. Медведь повадился ходить по ночам к палатке, где живет бригада. По доброте душевной рыбаки избаловали его — то рыбы подбросят, то хлеба. А он так осмелел, что чуть ли не здороваться лезет. Нет, не хотят рыбаки убивать медведя. Вот и везет Манхаев на всякий случай собаку.

...Плывут навстречу Ушканьи острова. Те самые, где водится неведь откуда взявшаяся на Байкале нерпа и где никто не живет. Моряки считают Ушканьи «колдовскими островами».

— Сейчас-то они, как миленькие, на месте, ну, а сколько раз бывало: проплываем мимо, а островов нет. Потом вдруг в самом небе покажутся. Или другой фокус: четыре острова друг на дружку карабкаются, да еще синий замок наверху поднимется.

...Чивыркуйский залив — конечная цель нашего плавания — приближается медленно. «Тайфун», самый быстроходный во всем усть-баргузинском флоте, будто потерял свою прыть. Или его удерживают берега, такие, что просто грех проплывать мимо быстро? Команда четко несет вахту, но нет-нет и чей-то взгляд скосится в сторону. Даже они, бывалые, десятки раз проплывавшие здесь, не могут совладать с обаянием этих берегов. В свободную минуту выскакивает из радиорубки радист Борис Чиков: «Нет, вы только посмотрите, как солнце сопки обижает! Одни радуются, а другие впотьмах стоят».

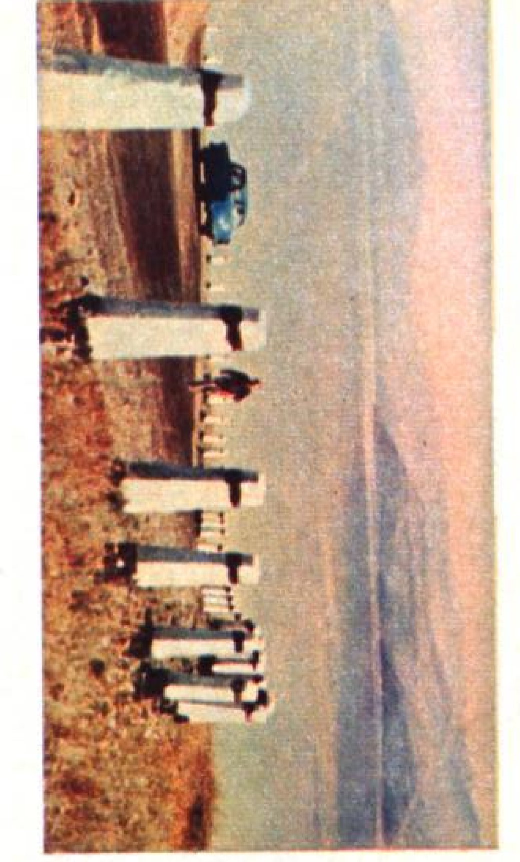
Чувство, которое овладевает каждым на Байкале, обязательно требует сопереживания, и еще поэтому добрее, мягче становятся здесь друг к другу люди.

Сила красоты... Конечно, она не универсальна. Не всегда силой

Еще до зари выходят на промысел рыбаки.

Тракт спускается к Култуку.

Остров Бакланий. Здесь работают ученые-лимнологи.

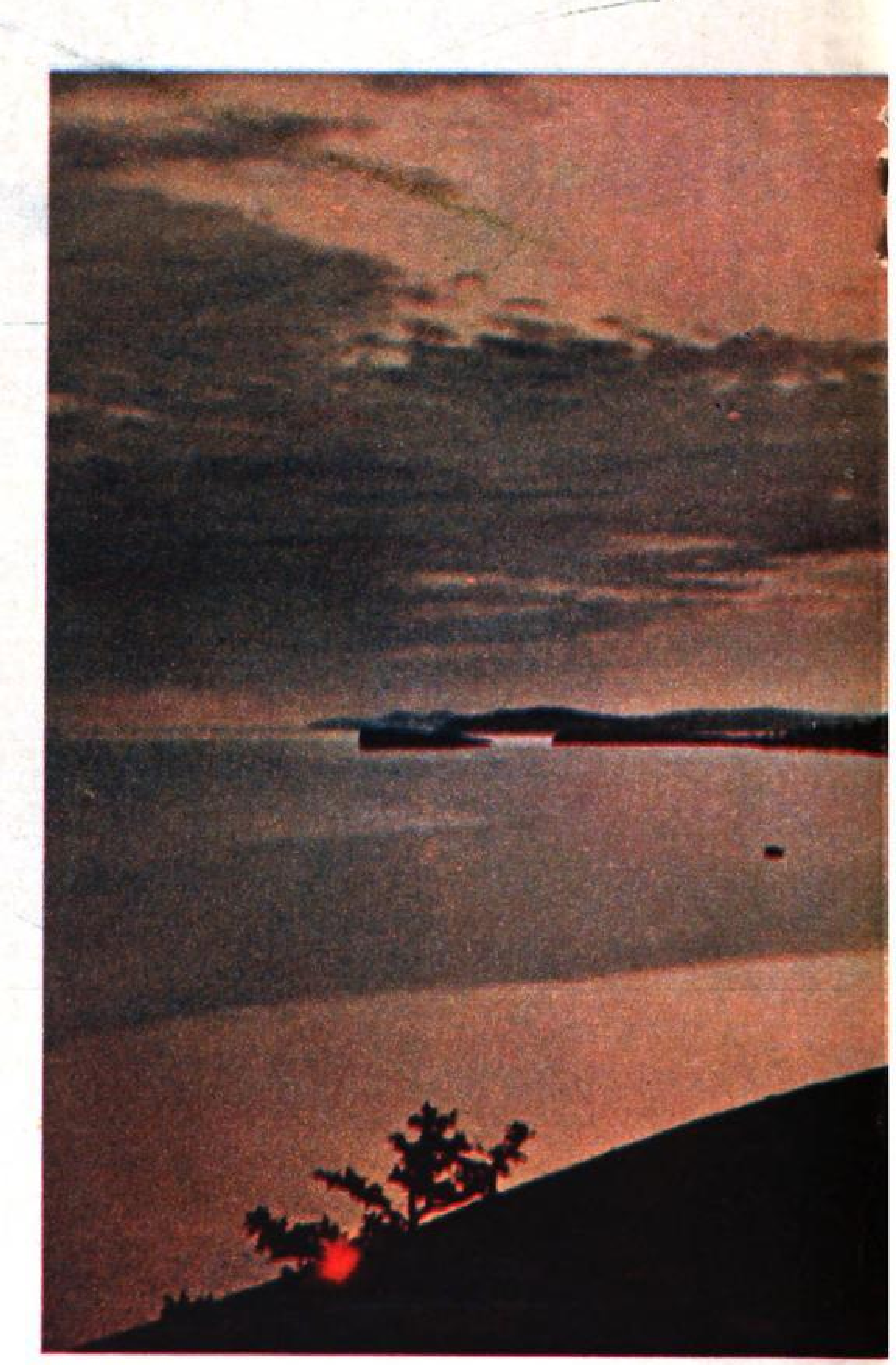

Москвичка Евгения Донская провела свой отпуск на Байкале.

Восход солнца на Байкале.

Ленинградские туристы.

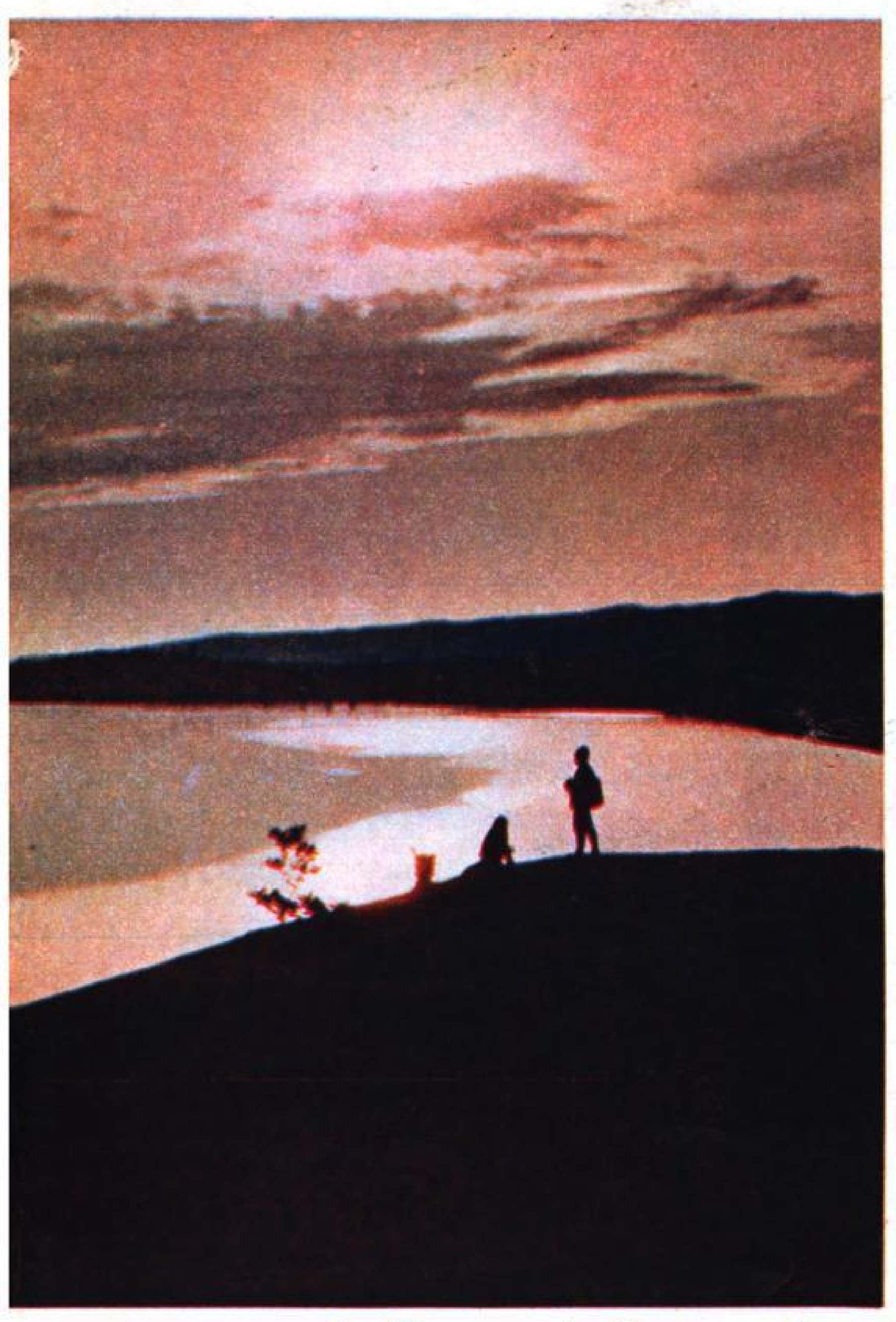
Раннее утро.

Прибрежные пещеры.

Геологи и геофизики ведут изучение земной коры Прибайкалья.

Витя Носов — юный рыбак с острова Ольхон.

В таежной чащобе.

Ходульные деревья в бухте Песчаной.

красоты можно переделать подлеца. Есть глухие сердца и на Байкале. Черным росчерком в памяти осталась встреча с одним лесником, с его большим, добротным хозяйством, где ястреб на шесте — отпугивать птицу... Об этом человеке ходит недобрая слава как о браконьере. Мы пришли к леснику с капитаном «Тайфуна». Хозяин заискивающе поглядывал на Анатолия и все жаловался на тяготы своего бытия... А на сетях, что растянуты на вешалках, серебряными гривенниками засохла рыбья чешуя.

— В заказниках ловит,— сказал мне Анатолий, когда мы вернулись на борт «Тайфуна».— Знаю точно, да не поймал еще... Не заметен ему Байкал, не нужен...

Природа воспитывает исподволь. В каждом человеке заложена тяга к красоте и способность в той или иной мере отражать эту красоту в своем характере. На Байкале такой способности развиться легче, чем, допустим, в сутолоке города. Наш стремительный век, подарив горожанину скорости, сделав доступными все расстояния, лишил его возможности задумываться в пути, отнял прелесть спокойного созерцания. Не потому ли иные люди считают природу чем-то прикладным, второстепенным, и забывается порой, что в воспитании чувств она могла бы играть роль не меньшую, чем искусство.

...К ночи мы приплыли в Покойники. Свет в поселке уже выключили, и нас встретил одинокий красный глаз туристского костра. Горел он будто и не на земле и не в небе, а просто в темноте. Швартуясь, «Тайфун» дал сиреной свое обычное приветствие, но прозвучало оно зловеще и странно: эхо подхватили горы. Уже через несколько минут вспыхнуло электричеством длинное здание на пристани — рыбоприемный пункт. От него к нам навстречу быстро шла женщина.

Даже телогрейка, даже высокие, наверное, охотничьи сапоги не скрывали статной ее фигуры. Нетрудно было догадаться, что это она, та самая королева Марго, про которую не раз вспоминала в плавании команда «Тайфуна». В общем-то меня пугали ею: «Если Марго не захочет, ни один корреспондент на землю Покойников не ступит». Моряки всегда говорят не то всерьез, не то в шутку. Так говорили они и о королеве Марго. Но вот вступила она на борт судна, и я сразу увидела, как серьезно и почтительно относятся к ней.

Мария Павловна Афанасьева (наконец-то я услышала настоящее имя королевы Марго!) — мастер рыбоприемного пункта. Она встречает и провожает все корабли, которые приходят с уловом и отправляются за ним. Ну, а на «Тайфуне», катере рыбоохраны, у Марии Павловны особых дел не было. Просто пришла узнать новости.

— Ну, как омуль на Ольхоне? Ловится?

— На днях все ставные невода штормом побило,— отвечает ей Леликов.

— Да что шторм, омуль и без штормов от сетей бегает. У него, наверно, своя техника безопасности выработалась,— говорит Манхаев, и рыбаки смеются.

— А нам вчера новые капроновые сети привезли,— тихо говорит Мария Павловна, и смех замолкает.

Издали прислушиваюсь к разговору и вскоре ловлю себя на том, что каждую реплику жду с нетерпением. Сначала ее манера говорить показалась мне несколько наигранной, но вот я все больше попадаю под власть этого необычного голоса. Слышатся в нем две главные интонации. Одна: «Я здесь хозяйка, расскажите мне все, я должна знать». Вторая: «Нет, что ни говорите, а все будет хорошо. Обязательно образуется».

Потом, несмотря на ночь, она ведет показывать свое хозяйство — рыбоприемный пункт. Пусто и холодно здесь. Только несколько десятков ящиков стоят с рыбой, сотня других валяется без дела.

— Завтра придет рефрижератор, чем загружать буду?— И такая в ее голосе боль...

Она говорит, что с каждым годом промысел омуля все беднеет. Подорвали его запасы в войну, когда были сняты все запреты, да и после войны до самых недавних пор существовал законно так называемый хаповый лов. Омуля, многострадально прошедшего через мели и перекаты речек, брали прямо на местах нерестилищ... Да и сегодня сколько еще браконьеров!

Она спрашивает: правда ли, что ученые придумали новый способ выращивания омулевых мальков до полуторамесячного возраста, так что эти мальки, попадая в море, уже не боятся хищников?

— Я и сама много про это думаю. Я ж техникум специальный кончила и курсы потом. В институт не удалось, но столько книжек про рыбу прочла и столько ее в глаза видела...

Когда мы возвратились на «Тайфун», Манхаева и его бригады на борту уже не было. Рыбаки забрали сеть и пошли в море. Они привяжут конец сети к лодке и будут дрейфовать с нею вместе. Обыкновенная рыбацкая ночь...

— Хоть бы была им удача,— вздохнула Марго.

А утром по узкой тропе я поднялась к ее дому. И вдруг в углу чисто вымытой комнаты увидела... рояль. Невероятно выглядел он, этот первый рояль полуострова Святой Нос. Нужно было везти его на поезде, потом на самолете, потом на попутном катере... Мария Павловна играет на рояле сама, учит музыке своих дочерей и соседских ребятишек. А еще королеве Марго, выросшей в городе, нужен этот рояль как символ покинутой городской обстановки, к которой она не хочет возвращаться («Что вы?! Байкал за сердце держит!»), но по которой тоскует.

И снова (уже в который раз!) представилось: прошло десять лет, и на этих дивных берегах — первый национальный парк СССР. Не одинокие селения, а здания санаториев и пансионатов. Как сказочно они вписываются в эту зелень, в эти волны и горы!.. Ничего не нарушив, а только подчеркнув... Будет ли?..

— А иначе нас ждет месть природы.— Это уж на произнесенный вслух мой вопрос отвечает старейшина байкальской науки Михаил Михайлович Кожов...

Я приехала к нему на другой, западный берег Байкала. В поселке Большие Коты расположена биологическая станция Иркутского государственного университета. Здесь вот уже сорок лет работает профессор Кожов. Сколько тайн Байкала успел он выведать за свою большую жизнь! И по-прежнему остается верен этим берегам и по-прежнему неутомим.

Прямо за окнами кожовского кабинета — Байкал. Он врывается в окна плеском волн и заполняет минуту тишины напоминанием о вечности. Михаил Михайлович рассказывает об интересных опытах ученого Топоркова, который занимается проблемой увеличения запасов омуля, о подводных наблюдениях Резинкова, который возглавляет группу водолазов, впервые спускающихся на холодное дно Байкала; о своих собственных наблюдениях над фауной Байкала — 1 200 видов животных живут здесь, и половина из них нигде больше не встречается.

— А сколько явлений природы позволяет нам наблюдать Байкал! Ведь это же самая настоящая лаборатория, чудом сохранившаяся в природе!

Трудно расставаться с Байкалом... Он входит в жизнь надолго, навсегда.

Байкал — Москва.

МУЗЕЮ 100 ЛЕТ

«Лето 6641 месяца июля 14 день почахъ рыти реку сю азъ Иванко Павловичь и крестъ сь поставхъ» — такова надпись на Стерженском кресте, экспонате Калининского областного краеведческого музея. Уже в XII столетии (год 6641 — это 1133 год нашей эры) жители Верхневолжья заботились об улучшении водных торговых путей и, начиная рыть каналы, ставили в ознаменование этого события межевые кресты. Таков и Стерженский крест — каменный, весом в пятьдесят семь пудов. Нашли его на берегу озера Стерж 100 лет назад, и он стал одним из первых жильцов музея. Одним из первых, потому что именно столетие минуло с тех пор, как жители Твери были свидетелями торжеств по случаю открытия городского историко - археологического музея. Расположился он в бывшем путевом дворце царей, воздвигнутом великим зодчим М. Казаковым и позже достроенном К. Росси.

В музее были собраны ценные археологические коллекции. Каменные орудия, украшения, посуда, целый комплекс предметов Фатьяновской культуры. И археологический отдел его стал настолько обширен и интересен, что в Твери проходил даже III Всероссийский археологический съезд.

К редким экспонатам музея относятся и астрономические часы, сделанные в XVIII веке ржевским механиком, оптиком и химиком Терентием Волосковым. Одиннадцать лет работал над ними механик-самоучка. Пять циферблатов этих часов показывали время, число, месяц, год, положение Луны и Солнца на небе.

Интересно представлено в музее оружие. Есть, например, здесь две пушки, принадлежавшие семье нашего славного земляка, героя Севастополя адмирала В. А. Корнилова. Эти пушки были захвачены у шведов в войну 1808 года дедом адмирала Корнилова и потом подарены ему императором Александром I.

В современной экспозиции большой раздел отведен истории Тверской морозовской мануфактуры, быту рабочих-ткачей.

Другой раздел музея рассказывает о жизни и деятельности в Тверском крае народников — Софьи Перовской, С. М. Степняка-Кравчинского, Веры Фигнер. Широко представлены экспонаты, раскрывающие революционное движение 1905—1917 годов. Музей располагает материалами о жизни и деятельности Михаила Ивановича Калинина.

Подолгу задерживаются посетители в залах, посвященных Великой Отечественной войне 1941—1945 годов. Около трехсот человек, уроженцев области, и среди них Лиза Чайкина, удостоены звания Героя Советского Союза.

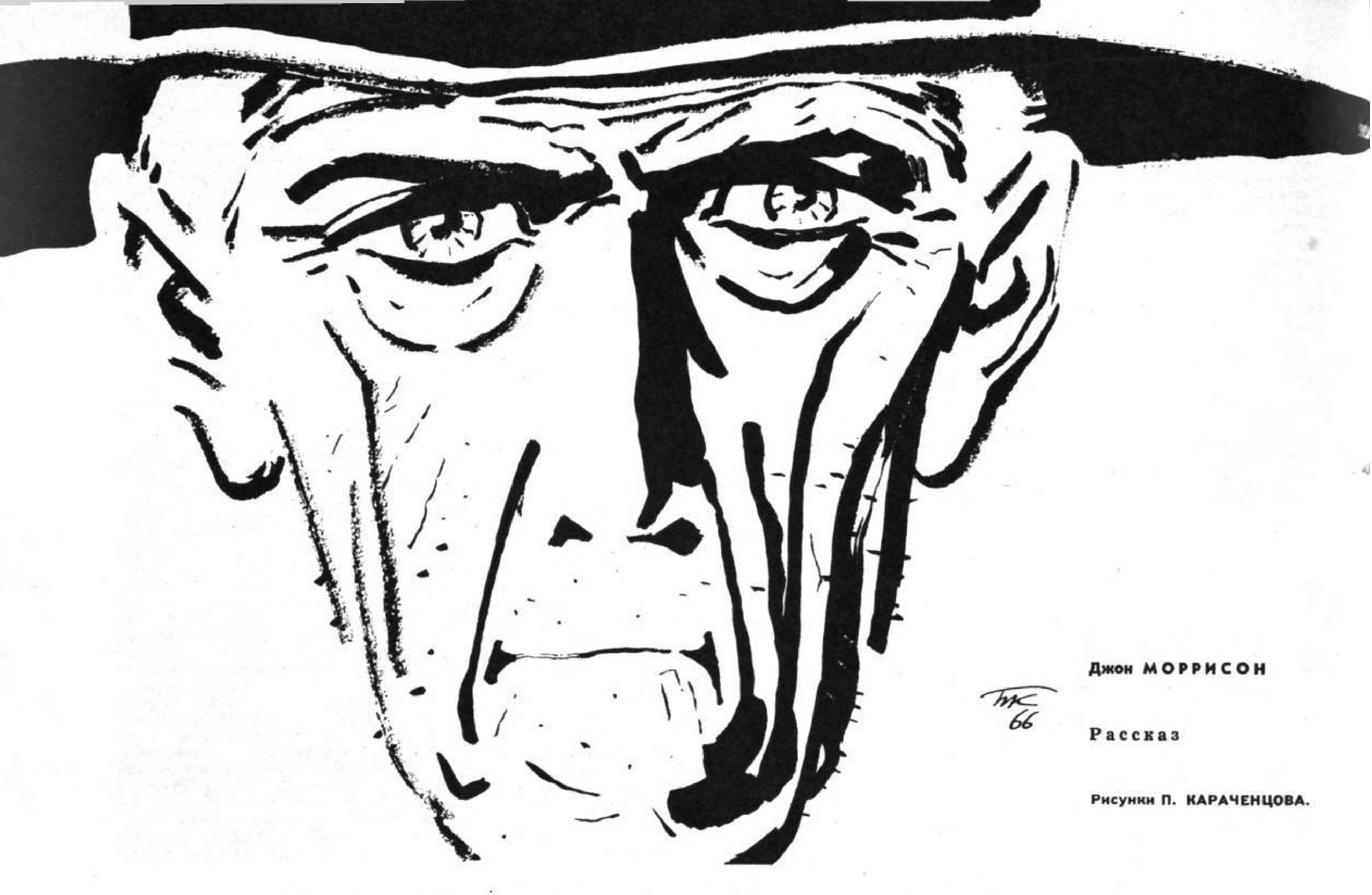
Большую помощь музею оказывают созданные на общественных началах краеведческие секции старых большевиков, ветеранов войны, историко-экономическая, литературная.

Члены этих секций и сотрудники музея собрали большое количество ценных материалов — всего здесь более 60 тысяч экспонатов. Но, к сожалению, многие ценные материалы не могут быть размещены в экспозиции за недостатком помещения. Та небольшая часть здания, которая сейчас принадлежит музею (а ведь некогда он занимал весь дворец!), не может удовлетворить его нужды. А между тем музей посещают туристы со всего Советского Союза и иностранные гости.

Л. ЧЕМБРОВСКАЯ,
сотрудник Калининского краеведческого музея

Путевой дворец, в котором ныне располагается Калининский областной краеведческий музей.

Джон МОРРИСОН

Рассказ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

НА СТАРОЙ ФЕРМЕ

Судьба свела меня с этим фермером в один дождливый зимний вечер где-то между Динсдэйлом и Вибой, в Центральной Виктории. Моя машина безнадежно застряла в грязи на немощеном проселке, в стороне от большой дороги. Место было безлюдное, но, оглядевшись, я заметил тянувшуюся почти рядом изгородь.

Я готов был любоваться каждой морщинкой на лице этого фермера: только он один мог помочь мне выбраться из этой глуши к ночи или, на худой конец, на следующее утро. Но странное дело: не успел он даже подойти к месту моей аварии, а во мне уже зародилась какая-то смутная неприязнь к этому человеку.

Жилой дом фермера стоял в каких-нибудь трехстах ярдах по ту сторону темнеющего выгона; я отчетливо видел и дом и надворные постройки среди нескольких деревьев. Когда мой мотор в последний раз надсадно взвыл и я убедился, что машина увязла еще глубже, я посмотрел с надеждой в сторону дома. Мне показалось, что на веранде маячит какая-то темная фигура. Однако хозяин не торопился; когда он наконец решился выйти и расспросить, что за беда стряслась, я уже прочно сидел на мели.

Разумеется, мне было не до церемонных приветствий. Впрочем, и сам человек, весь его вид и манеры не очень располагали к этому.

Медленно ступая, он подошел к изгороди и привычным жестом положил тяжелые руки на верхнюю перекладину. Лицо его выражало любопытство и нечто вроде удовольствия — он был явно не прочь поболтать с неожиданным собеседником. Традиционное гостеприимство обитателей австралийских зарослей объясняется скорее этой потребностью, чем готовностью оказать услугу ближнему. Я понимал это, но слишком уж бесцеремонным он оказался, как выяснилось в дальнейшем. Он и не подумал выйти из-за изгороди, чтобы посмотреть на колеса машины, и ни словом не выразил мне сочувствия. Просто я сел на мель, значит, на эту ночь я его пленник. Я и вправду почувствовал себя не потерпевшим кораблекрушение моряком, к которому подоспела помощь, а запутавшейся в паутине мухой, к которой уже крадется паук.

— Дело идет к ночи, мистер,— сказал он наконец.— Но утром мы вас в два счета выручим.

Из дальнейших его слов я понял, что у него есть лошадь и что она вытянет мою телегу как миленькая и даже не почувствует, во что ее впрягли.

Все это было верно. Мне не оставалось ничего, как поблагодарить его, выразить надежду, что я не доставлю беспокойства его супруге, и направиться вслед за ним к дому.

Если неврастеник — это человек, занятый исключительно самим собой, то, надо полагать, мой новый знакомый относился к разряду неврастеников. Лет ему было, наверное, под семьдесят, в движениях чувствовалась уже предательская скованность, но он был весь заряжен какой-то нетерпеливой энергией. Несмотря на сырую погоду, на нем была только фланелевая фуфайка без рукавов, с глубокими вырезами у плеч, как у какого-нибудь знаменитого футболиста. Руками он двигал на ходу, как веслами, и шаг у него был деревенский: широкий и спорый. Ноги в тяжелых башмаках он ставил на землю так, словно нацеливался раздавить что-то. Он, видимо, хотел поскорее провести меня в дом, и от быстрой ходьбы слегка задыхался, но это не мешало ему говорить, не переставая.

В каждой его фразе звучала как бы жалоба; но когда он поворачивал ко мне свою большую, круглую голову, я видел сверкающие из-под широкополой шляпы маленькие, острые и внимательные глаза. Лицо у него было грубое, красноватое, с крупными чертами. Видимо, по старой привычке он кривил рот и тогда становился похож на огрызающегося пса. В общем, он очень гармонировал с мрачным ландшафтом и быстро наступающей ночью. Место было равнинное, почти голое; с одной стороны ферму замыкала цепь невысоких холмов, с другой — маячило в полутьме что-то вроде перелеска.

Когда мы добрались до его жилья, я полагал, что раскусил его полностью, и уже прикидывал, как бы мне перед отходом ко сну не поругаться с ним: за время нашей пятиминутной прогулки он успел трижды грубо меня осадить.

Сначала я предложил ему сигарету, но он пробурчал, что в жизни не брал в рот этой гадости.

— Никогда не мог взять в толк,— объяснил он,— что приятного находят в курении люди. Будь я проклят, работаешь так, что себя выворачиваешь наизнанку, чтобы добыть немного денег, а тут изволь — отнеси их в лавку за горсть сушеной травы, напиханной в папиросную бумагу,— и пожалуйста! Да еще спички расходуй на это. Нет, мистер, по мне это один разврат!

Минутой позже я осмелился сказать, что погода как будто обещает улучшиться.

— Улучшиться?— Несколько шагов он сделал в молчании, словно давая себе время разжевать сказанную мною глупость.— Не раньше конца месяца, вот когда она улучшится! Дело идет к полнолунию. Если бы вы, мистер, столько присматривались к погоде, как я, вы бы знали, что к чему.

В третий раз — уже недалеко от дома — я увидел двух убитых орлов, распятых на проволочном заборе. В нос мне ударил удушливый смрад.

— Клинохвостые,— коротко объяснил он, отворяя калитку.— Прошлую неделю я ухлопал четырех.

Высказать свое мнение значило бы нарваться на новую грубость. Поэтому я только кивнул.

Но это не помогло: он был задира. Закрыв калитку и пройдя несколько шагов, он вдруг повернулся ко мне.

— Вы не из тех, не из натуралистов?

— Натуралистов? Нет, я не натуралист.

— А то вы даже... не испугались орлов.

— Не люблю смотреть на мертвых орлов.

— А я — на мертвых ягнят.

— А на мертвых кроликов? Молодых?

— Кроликов душит опоссум. И вот что я скажу вам, мистер: обойдите всю ферму — не встретите ни одного кролика.

— Опоссум?

— Опоссум. Ну, а те, что приезжали сюда, натуралисты, тоже для чего-то потрошили кроликов...

«Ну да,— подумал я,— попробуй тебе сказать, что не грех пожалеть и орлов, ты бы и ухом не повел!» Но надо было соблюдать приличия, и я больше не спорил. Меня только раздражало это упрямо повторяемое «мистер».

— Что ж,— сказал я,— пора, пожалуй, нам познакомиться. Я Боб Джонсон.

Он остановился и протянул мне руку. Рукопожатие у него было, как у профессионального борца.

— Боб Джонсон, да? Хорошее, простое имя, как и у меня. Ладно, буду звать вас просто Боб, согласны? А я Рой Дэвисон, для вас — Рой. Вам тут любой расскажет обо мне. Знают меня во всей округе.— Он пригнулся к моему уху: от него исходил запах сильного и здорового мужчины.— Не обессудьте, Боб, я не могу вам предложить ничего такого. Мы живем просто, я и моя миссис.

— Я и сам так живу. И потом я гость, вы приглашаете меня в свой дом.

— Это так.— Он последний раз мощно тряхнул мне руку и отпустил ее.— Человек может поделиться только тем, что имеет.

Он двинулся дальше, и через минуту мы уже входили во двор фермы.

Пока мы шли, я то и дело поглядывал издали, не блеснет ли свет в окнах. Я, конечно, не ожидал тут электричества и все-таки поразился: слабый, робкий огонек мерцал в одном-единственном окошке!

Хозяин оставил меня на минуту-другую, так что у меня было время оглядеться.

* * *

Издали все это выглядело как обычное владение мелкого фермера под сенью десятка деревьев, оставленных для защиты от солнца. Вблизи же на меня пахнуло чем-то неживым, каким-то тленом, словно передо мной была в миниатюре декорация города-призрака из американского ковбойского фильма. В полутьме это выглядело и вовсе жутко. Казалось бы, обычные амбары, навесы, загоны для скота, как везде в австралийских зарослях. Но на всем этом лежала печать заброшенности. Слишком вокруг было пусто и слишком тихо. Когда мы входили, залаяла собака, но тут же умолкла после сердитого окрика хозяина. И снова тишина. Я был рад услышать хоть какой-нибудь звук: похрустывание овса на зубах у лошади, возню кур, устраивающихся на ночь на насесте. Или увидеть на дворе какую-нибудь повозку. Ничего! Меня охватывало непреодолимое печальное ощущение угасания, изнеможения, распада, конца. Действующая ферма была бы полна бодрящих запахов: свежего молока, навоза, сена, пеньковых мешков; здесь — ни намека на все это. Только застоявшийся запах гниющего дерева, пыли, ржавчины, пересохшей кожи...

Самое жалкое зрелище являл собой дом. Таких маленьких и неблагоустроенных домов я не встречал даже на очень старых фермах. Я спрашивал себя: что за хозяйка живет в нем, если она даже цветника не сумела развести под окнами? И что это за муж у нее, не удосужившийся вскопать для этого несколько грядок?

Дом не многим отличался от какой-нибудь хижины под тростниковой крышей. Вход был устроен посередине фасада, четыре плохо отесанных столба поддерживали веранду, пол которой возвышался над голой землей не более чем на пять-шесть дюймов. Такое жилье первые поселенцы Австралии наскоро сооружали себе в те беспокойные и нелегкие времена. Расположение комнат я знал заранее как свои пять пальцев: оно одинаково на всем пространстве зарослей. Четыре комнатушки; две по фасаду разделены узким коридорчиком, ведущим в столовую. Возможно, есть и вторая веранда, сзади, с дощатой умывальной... Лампочка горела в одной из задних комнат. В дальней стене я увидел совсем крохотное окошко; оно в упор глядело в глухую стену овина...

Вернулся хозяин. Он, конечно, знал, что я осматриваю его хозяйство, и решил дать мне собраться с мыслями, прежде чем я войду в дом.

— Нынче я мало что могу показать вам, Боб. Но знаете, что я вам скажу?— Он снова придвинул голову к моему уху, прищурил глаза и, кривя рот, тоном, не допускающим возражения, объявил:— Ферма была одной из лучших во всей округе!

— Вы сами выбирали участок?

— Да, сам. Я, как вы это называете, пионер. Сам все и начинал.— Он протянул руки с растопыренными пальцами: от долгих лет тяжелого труда пальцы искривились, изогнулись, как бы для того, чтобы мгновенно крепко обхватывать черенок лопаты.— Вот этими двумя руками — все с самого начала! Когда мы приехали сюда, тут был сплошной самшитовый лес. Пришлось прорубать дорогу топором.

— Бульдозеров тогда не знали, а?

Он крепко и с удовольствием хлопнул меня по плечу.

— Какие там бульдозеры! Топор, клин, мотыга и огонь. Кланяешься каждому пню, рубишь, корчуешь, жжешь от зари до ночи, пока не свалишься с ног. Нынешние молодые не знают, что такое работа. Потому и головы у них пустые.

— А теперь вы, значит, на отдыхе?

— Хотите, называйте это отдыхом. Пока я на ногах, мне рано отдыхать. Хотя дела не так уж много. В былые годы я тут все засевал пшеницей, имел небольшое молочное стадо. А теперь несколько овец — вот и вся работа.

— Коров нет?

— Коров нет. Одна только, для дома.

— А семья ваша? Вся разъехалась?

— Три дочери. Все повыходили замуж и уехали. Осталось нас двое: я и моя миссис... Бычка она мне так и не принесла.

Последние слова он произнес с оттенком горечи и, кажется, тут же пожалел об этом. Мы уже входили в дом, но он снова разразился целой тирадой:

— Я не говорю, что она в этом виновата. Она у меня теперь немного не в себе. И к работе не так прилежна, как я, понятно вам? Приходится за ней самой присматривать. Встаю рано, готовлю нам обоим завтрак и все такое. Привычное дело. У меня ведь после женитьбы женщины на горбу сидели... Ну, тут осторожнее на ступеньках, идите прямо за мной.

* * *

Хозяйка оказалась женщиной довольно заурядной внешности, но с первого же взгляда мне почудился в ней какой-то затаенный вызов. Впрочем, свет керосиновой лампы придает драматичность тому, что электричество только освещает. Меня поразила прежде всего миниатюрность хозяйки, ее маленький рост; это так не вязалось с ее медведем-мужем! Дожидаясь нас, она стояла неподвижно у края стола, на котором горела старинная лампа с высокой ножкой. Чуть сутулая, с седыми волосами и худощавым, нервным личиком, она выглядела намного старше Роя. Сейчас на ее щеках проступил слабый румянец, она дышала немного напряженно, словно после быстрой ходьбы.

Я не знал, конечно, как ведет она себя в обычное время, но в эту минуту ей, видимо, хотелось казаться оживленной. На ней было темное платье, синее или зеленое — в тусклом свете трудно было различить,— но из добротной материи и недурно сшитое. Правда, сидело оно мешковато, как и всякая одежда, долго пролежавшая без употребления. От свежепричесанных блестящих волос исходил слабый запах кокосового масла, и это странно гармонировало с устоявшимся в комнате запахом сырого дерева: дом стоял на низком, к тому же осевшем фундаменте.

Во всем этом для меня не было ничего неожиданного. Удивлял только взгляд хозяйки, устремленный на ее мужа. Слегка приподняв голову, сжав губы в узкую черту, она смотрела на него расширенными глазами, смотрела так, будто он совершил нечто предосудительное, приведя меня в дом... Но уже через несколько секунд она отвела глаза: должно быть, заметила, что я стою за спиной Роя. Более того, она почувствовала, что я перехватил ее взгляд, и вдруг очень смутилась.

Что бы ни скрывалось за этим, Роя это нисколько не тронуло. Не обращая внимания на ее замешательство, он сказал насмешливо:

— Побойся бога, Эйда, с чего это тебе вздумалось наряжаться? Просто проезжий человек переночует у нас. Это мистер Джонсон. А это моя жена, Боб.

Она тотчас же улыбнулась. Это была неловкая улыбка женщины, не только душевно подавленной, но и просто отвыкшей от общения с посторонними людьми. Она все не двигалась с места, и мне пришлось обойти стол, чтобы поздороваться с ней. Рука у нее была маленькая, сухая, но пальцы крепко сжали мою.

— Мы слышали вас,— заговорила она дребезжащим голосом старухи.— И мы подумали, что кто-то попал в беду...

Я выразил надежду, что она не станет затруднять себя ради меня. В ответ она стала было извиняться за скромную еду и ночлег, какие я могу здесь найти, но Рой не дал ей договорить.

— Я уже сказал ему об этом. Помилуй бог, он знает, что мы его не ждали! Вот что, Боб, у нас бедновато, но все будет хорошо. Мы угостим вас куском холодной баранины, какой вы в жизни не едали.

— Ты бы лучше устроил раньше гостя.— Улыбка ее угасла.— Он, наверно, хотел бы умыться.

— Конечно, ему надо умыться. Идемте, Боб. Я вам покажу, где что.

Я собирался сказать хозяйке еще несколько вежливых слов, но Рой просто отодвинул жену в сторону, оказав ей не больше уважения, чем какой-нибудь служанке. Он зажег фонарь, и мы ушли. Я успел только пробормотать какое-то извинение и бросить ей взгляд, в котором она могла прочесть сочувствие.

Громоздкая фигура Роя и слабый свет фонаря только подчеркивали малые размеры помещения. В короткие минуты мы обошли коридор, кухню, спальню, заглянули в умывальную — все это было больше похоже на стойло с перегородками. Я невольно подумал о трех дочерях, которые родились и выросли здесь.

В отведенной мне комнате стены, фута на четыре от потолка, состояли из голых старых досок, а ниже шли обои с теми сентиментальными узорами из цветочных гирлянд, которые давным-давно вышли из моды вместе с салфеточками для кресел и высокими ботинками на пуговицах. Пол был покрыт потрескавшимся линолеумом; возле большой железной кровати с бронзовыми шишечками лежал коврик. В комнате стоя-

ли платяной шкаф, туалетный столик, старое кресло и какой-то круглый табурет — возможно, просто перекрытый кретоновой материей бочонок. Мебель была разнокалиберная. Над кроватью висел в рамке вышитый гладью текст: «Я — свет Вселенной». Я заметил две фотографии: семейную группу на стене и поясной портрет молодой женщины на туалетном столике рядом с полированной шкатулкой и морской раковиной, из которой торчали головные шпильки.

Все говорило о том, что мне уступили супружескую спальню. Но когда я попытался возражать, Рой отмахнулся от меня тем же жестом, что от жены.

— Не беспокойтесь на этот счет, Боб. Все в порядке. Мы рады гостю. Вы когда-нибудь спали на перине, а?

— Никогда.

Он провел рукой по аккуратно застеленной кровати.

— Придется вам попробовать. Сам я, правда, гроша медного не дал бы за всю эту рухлядь... Ну вот, сейчас зажгу другую лампу и тогда покажу вам умывальную.

Он как бы извинялся за небогатое свое гостеприимство, и в то же время было до смешного очевидно, что он и не думает извиняться. Он был вполне доволен собой.

— Бьюсь об заклад, вам не приходилось иметь дело с такими вещами, Боб,— сказал он, указывая на маленькую жестяную лампу, и осторожным точным движением, как это делают старики, подкрутил фитиль.

— Да, не приходилось, Рой. В городе ведь такая спешка, всегда и во всем...

— Потому у городских нервы, и очки они носят. Знаете, я ни за что не стану заводить электричество, пусть даже подведут его к самим воротам.

— Ну, электричество — это не только свет.

— Поэтому-то оно мне не по душе! Несколько лет назад я хотел поставить у себя маленький генератор: решил завести маслодельню с сыроварней. Но тут дочки стали разъезжаться. Я и подумал: для нас с Эйдой это дело будет не по силам. И знаете что? Эйда намертво вцепилась в меня: а разве плохо иметь электрическую плиту и электрический чайник, чтобы не разводить огонь каждое утро для чашки чаю? А электрическую сковородку для гренок? Ну, и электрические лампочки в доме и во дворе, чтобы не возиться с керосиновыми, как только стемнеет, и прочее, и прочее, только бы е й легче было жить!— Он взял фонарь; глаза его стали как две узкие щелочки, рот кривился.— Скажу вам, Боб: в том-то и беда нынче, что люди хотят, чтобы все давалось им легко! Скоро не будут знать, куда девать свободное время... Короче говоря, я поглядел на священное писание, что висит у меня в рамке на стене, топнул ногой и сказал жене: никакого электричества, никаких споров! Купил маленький бензиновый моторчик: это избавило Эйду от ручной дойки. А она и до сих пор меня попрекает. Ну, да вы ведь знаете женщин!..

Я подумал в эту минуту, что неплохо знаю и мужчин!

Умываясь в закутке, изображавшем умывальную, я слышал, как за стеной в столовой спорили супруги.

— Надо было дать ему немного горячей воды,— говорила Эйда.— На кухне есть сколько угодно...

— Ради бога, Эйда, перестань суетиться! Очень нужна ему твоя горячая вода — смыть пыль с рук!

— Хотя бы для приличия предложить. Ночь холодная, и вообще...

— Он человек молодой. Не беспокойся за него.

— А утром он когда уедет, рано?

— Как только вытащим машину. Ему надо к полудню в Мельбурн.

— А как ты вытащишь машину?

— Пустое дело. Запрягу Капитана, он вытянет в два счета.

— А где ты найдешь Капитана? Ведь темно будет.

— Найду. Вот куда делся недоуздок?..

— На заднем крыльце. Ты сам его туда сунул.

Весь этот диалог велся в неприятном тоне: так разговаривают люди, привыкшие больше молчать, когда они вдвоем. Я вошел, они сразу умолкли. Они стояли у стола и глядели друг на друга, но словно прислушивались к чему-то постороннему. В тишине можно было расслышать, как капли падают в таз в умывальной. Но вот издалека, со стороны шоссе — черт меня дернул съехать с него на проселочную дорогу! — донесся слабый гул мотора грузовой машины.

— Похоже, что это Керсоны,— сказала с важным видом Эйда.

— Керсоны уже час как проехали,— отрезал Рой.

— Значит, это Джордж Миллс возвращается из города.

— Не тот мотор! Больше похоже на Энди Фергюсона...

— Иенсены — вот кто это!— торжествуя, воскликнула Эйда.

Рой хотел было возразить, но заметил меня и поспешно сказал:

— Теперь вы знаете вашу комнату, Боб. Пойдите причешитесь или что там еще — и сразу сюда. Мы как раз собираемся садиться за стол...

Как я уже сказал, на стене «моей» комнаты висела семейная фотография. Я снова посмотрел на нее. Шестеро мужчин. Трое сидят, трое стоят возле дощатой хижины на фоне густого строевого леса. Все в этой фотографии говорило о давнем времени: убогая композиция, театральные позы персонажей, их одежда. Они, видимо, нарядились по этому случаю в воскресное платье. Короткие пиджаки, широчайшие брюки, пристегнутые булавками шейные платки, круглые шляпы на головах. Это были типичные пионеры зарослей, молодец к молодцу. Правда, я редко встречал такие мрачные физиономии: плотно сжатые рты, мощно выступающие скулы, холодные глаза, уставившиеся на фотокамеру, ни малейшего намека на улыбку. Стоять перед этой шестеркой было все равно как перед взводом солдат на казни. Все рослые мужчины, похожие друг на друга, как близнецы. Братья. Я поднял лампу, чтобы лучше разглядеть фотографию, но никак не мог узнать на ней Роя.

Я перевел глаза от этой могучей компании на туалетный столик, где стояла другая фотография. Да, это была она, та самая женщина, которая только что тихо проговорила за стеной: «Можешь начинать резать мясо».

Это был очень удачный портрет очаровательной девушки в блузке или платьице из черного вельвета, с изящным вырезом вокруг шеи, кажется, он называется «вырез сердечком». Только ракурс, избранный фотографом, был надуманным. Я бы предпочел портрет этой же девушки в профиль, глядящей вверх,— тогда была бы выразительно подчеркнута линия шеи, подымающейся с необыкновенной грацией из полуоткрытых плеч; и, наверное, легче было бы уловить выражение мечтательной наивности и молодого предчувствия. Хотя тогда было бы утеряно нечто более важное; на снимке, который был передо мной, она глядела сверху вниз, и взгляд ее выражал что-то среднее между веселым изумлением и мягкой приветливостью, словно она только что заметила вас и вот-вот заговорит с вами. Глаза расширены, брови чуть приподняты, губы только-только складываются в легкую улыбку. Каждая черта лица как бы по-детски округлена, но в крепком, маленьком подбородке уже угадывается что-то от Эйды. Она готова довериться дружеской, верной руке, но не позволит тащить себя насильно; ее можно победить, но никак не покорить...

«Она ни разу не принесла мне бычка»,— так, кажется, выразился Рой? Я поймал себя на том, что гляжу на кровать. Вот здесь она «принесла» трех телок. Три раза она лежала в этой жалкой комнате, пока Рой ездил за врачом или повивальной бабкой. И каково ей было, когда она говорила ему, что и на этот раз появилась на свет дочь! А взвод братьев сверлил ее глазами со стены...

Снова ее голос из кухни:

— Может, наденешь чистую рубашку?

И его гулкий, неприветливый ответ:

— Готовь чай, Эйда. Готовь чай. А насчет рубашки — мое дело.

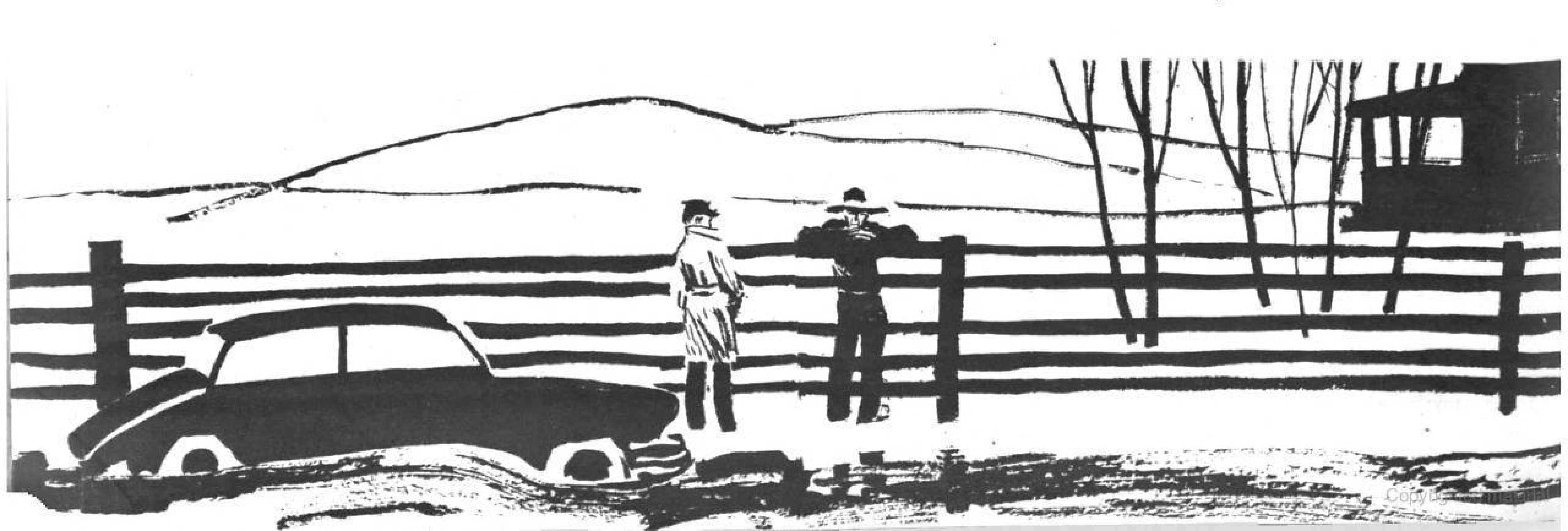
* * *

Хозяйка немало потрудилась — ужин получился на славу. Но тянулся он долго, казалось, не будет ему конца. Как только мы сели за стол, Рой завел разговор о лошадях и так и не отступал от этой темы. Холодная баранина («лучшей в жизни вы не пробовали»), маринованные зеленые томаты, вкусный хлеб, свежее масло, горячие лепешки — таков был ужин. Но в виде гарнира Рой все время подавал... Капитана и других его четвероногих сородичей.

— Капитан — самый надежный из всех коней, какие у меня были, а это что-нибудь да значит!— говорил Рой.— Не знаете, Боб, как теперь цены на лошадей?

— Боюсь, что не знаю.

— Я отдал за Капитана десять фунтов. Десять фунтов, а время было такое, что за никудышную лошаденку драли тридцать!

— Как же вам удалось так дешево?

— Он был плохо выезжен, вот и все. И в дурных руках: его хозяин в лошадях ничего не смыслил.— Рой стал поспешно дожевывать кусок, проглотил и продолжал:— Иду я по Главной улице в Вибе, гляжу — стоит этот парень возле лавки и держит под уздцы коня. Убей меня бог, стоит, как прилипший к коню, а тут же рядом хорошая коновязь: рельс на крепких столбах. И все разумные люди привязывают там лошадей... Мне стало любопытно, я подошел и заговорил с этим парнем. Он сказал мне, что коня этого нельзя привязывать: он ни за что не даст себя отвязать. Иначе говоря, конек был тугоузд, как мы это называем, я довольно их повидал. То есть такого можно, конечно, привязать, но стоит потом подойти — он почти что ложится и так натягивает веревку или ремень, что ее никакими силами не развяжешь. Не то чтобы лошадь капризничала или билась — нет, просто тянет и тянет ремень сколько позволяет шея и все больше затягивает узел. Поговорили мы с парнем, и кончилось тем, что я купил этого коня. Хозяин его сказал на прощание, что эта скотина у него в печенке сидела...

Рой сидел напротив меня, а Эйда—между нами, у конца стола. Она не поднимала глаз от тарелки, на лице ее застыло выражение унылой покорности. На ее месте я бы с интересом слушал эту историю: Рой был недурным рассказчиком, мешал только оттенок самодовольства и эгоизма, проступавший почти в каждой фразе. Но я знал, что его рассказы — правда, тем более что самый эпизод был воистину по-австралийски забавным.

— По дороге домой я решил: привяжу его.— Рой замолчал, разрезал мясо на несколько кусков и насадил их все сразу на свою вилку.— В полумиле от города, на берегу реки, есть крутой и скользкий глинистый обрыв, и почти у самого края там растет старое каучуковое дерево. Я надел на коня крепкую ременную узду и накрепко привязал поводьями к дереву. Его самого я поставил задом к обрыву, только и места оставалось, что для его четырех ног. Потом отошел на несколько шагов, подождал и вернулся к коню. Он, конечно, рванулся назад изо всех сил. Конь он сильный, но и дерево старое, надежное. Вот убей меня бог, рванулся он, передние ноги взвились вверх, задние вытянулись вперед из-под живота, а спина повисла над пропастью! И только два белых бешеных глаза глядят на меня. А ремни поводьев — на них можно было играть как на струнах гитары... Ну, у меня был наготове нож, острый, как бритва. Я подождал несколько секунд, чтобы эта скотина повисла в воздухе, а потом — раз!..

Мне очень хотелось рассмеяться, но на лице Роя не было и намека на улыбку.

— Боб, вот не встать мне из-за этого стола — конь три раза перевернулся в воздухе, прежде чем плюхнулся в воду! Ему, наверно, показалось, что он вырвал с корнем дерево. И он даже не подумал вылезать в ту сторону, где стоял я, махнул карьером по берегу, пока не наткнулся на первую изгородь... Клянусь вам, Боб, это его вылечило! На другой день можно было запрячь его хоть в детскую коляску...

Я уже не сомневался больше. Потом последовали другие истории о лошадях. О том же Капитане, о Сигаре, Рывке, Имбире...

Окончание следует.

Интервью «Огонька»

ЗАГЛЯНЕМ В НЕДРА АНТАРКТИДЫ

Десять лет назад советские геологи впервые высадились на бескрайних просторах Антарктиды, чтобы начать планомерные исследования ледяного континента. В Институте геологии Арктики наш корреспондент К. Черевков беседовал с одним из пионеров исследования антарктических недр, доктором геолого-минералогических наук профессором М. Г. Равичем. Вот его рассказ:

— Людям несведущим Антарктида представляется сплошной ледяной пустыней. На самом же деле Антарктида не только лед. Шестьсот тысяч квадратных километров — это примерно пять процентов всей территории материка — заняты скалистыми горами и каменными оазисами, разобщенными узкими ледниками. Теперь уже можно с уверенностью сказать, что горные хребты и каменные оазисы, возвышающиеся над вечным ледяным покровом, таят в себе несметные богатства.

Начало изучению геологической структуры материка положил норвежец К. Борхгревинк еще в конце XIX века. В двадцатом столетии интерес к познанию геологии Антарктиды заметно усилился. Однако систематические геологические исследования по-настоящему начались только в 1956 году в связи с проведением Международного геофизического года.

Конечно, десять лет — совсем небольшой срок для исследования такого огромного материка, как Антарктида, площадь которой на три миллиона квадратных километров превышает площадь Европы. Но объединенные усилия ученых двенадцати стран в это последнее десятилетие принесли нам несравненно больше сведений о природе материка, нежели все прошедшее столетие. До 1956 года было исследовано не более десяти процентов скалистых территорий, не покрытых ледяным панцирем, а ныне их изученность возросла в пять раз, причем более четверти обнаженных территорий отображено на геологических картах разных масштабов.

В многоплановых исследованиях важное место занимает изучение геологического строения Антарктиды, ее экономического потенциала, заключенного в недрах.

Заманчивая перспектива освоения богатств Антарктиды привлекает ученых разных стран. Людей науки не пугают каверзы суровой природы. Преодолевая бешеные ураганы, ледяные кручи, бездонные трещины в ледниках, геологи проникают все дальше и дальше в глубь материка. Приоритет в этом увлекательном поиске принадлежит советским и американским геологам. Их вклад в изучение Антарктиды равен вкладу всех ученых других десяти стран, участвующих в исследовании недр материка.

Наиболее интересные породы советские геологи встретили на Земле королевы Мод, протянувшейся более чем на три тысячи километров вдоль побережья Восточной Антарктиды. Высокие горы подняли здесь свои запорошенные снегом вершины прямо к солнцу. Издали они кажутся полупрозрачными, будто кристаллы дымчатого хрусталя. Горные цепи перегородили материк гигантскими каменными частоколами. Вершины напоминают разрушенные замки, китайские пагоды, иные похожи на драконов, на караваны верблюдов. А у подножия скал прилепились полукруглые палатки геологов, словно грибы в исполинском каменном лесу.

Советским геологам особенно трудно было вести разведку в конце лета. Сильные ураганы, свирепствующие здесь в это время года, как правило, начинаются на рассвете, когда особенно крепок сон после долгих и дальних маршрутов. Злой ветер старался, и порой небезуспешно, сплющить палатки и сорвать их с оттяжек — капроновых канатов. И тогда раздавался треск рвущихся канатов, подобный пушечному выстрелу. Молниеносно связавшись веревкой в единую цепь, мы крепили палатки. А потом, как репинские бурлаки, брели к самолетам и загружали их камнями, чтоб они не взлетели по воле ветра. На единоборство с ураганом уходило немало времени, и уставали мы от этой борьбы больше, чем от самых тяжелых походов.

Но суровая природа не сломила воли и упорства геологов. Шаг за шагом они пробирались туда, где еще не ступала нога человека. Карабкались на скалистые сопки, добывая ценные образцы пород полезных ископаемых, изучали геологическое строение материка. В результате настойчивых усилий советские геологи впервые исследовали кристаллический фундамент Антарктиды и обнаружили десятки новых пород: чарнокиты — древние граниты, анортозиты — редкие породы мрамора, нефелиновые сиениты, с которыми могут быть связаны богатые редкометальные руды. Поиски привели к открытию многообещающих признаков месторождений полезных ископаемых: слюды, горного хрусталя, берилла, графита, железных руд... Что же касается многочисленных пластов каменного угля, то они известны еще со времени первой экспедиции Р. Амундсена к Южному полюсу. Ученые утверждают, что недра Антарктиды содержат семь процентов известных в мире угольных запасов... Американские, английские геологи и ученые других стран нашли здесь медь, никель, свинец, цинк, олово, молибден, золото...

Однако нельзя не отметить еще слабую геологическую изученность континента. Не подлежит сомнению, что недра Антарктиды содержат множество пока еще не открытых руд и минералов. Поискам мешает мощный ледяной покров. Однако даже в свободных ото льда глыбовых горах могут таиться такие концентрации полезных ископаемых, которые, вероятно, окажутся выгодными для освоения, несмотря на тяжелые природные условия.

В этом нас убеждает геологическое строение Антарктиды. Как представляется сейчас ученым, это древняя гондванская платформа площадью около 13 миллионов квадратных километров. На северо-западе она окаймлена сравнительно молодыми складчатыми образованиями, которые занимают около двух миллионов квадратных километров.

Антарктическая платформа похожа на платформы Австралии, Африки, Бразилии. В незапамятные времена все они, видимо, были гигантским континентом южного полушария Земли, получившим наименование Гондвана. Геологическая история континента на протяжении сотен миллионов лет была единой. Поэтому недра современных гондванских платформ, в том числе и Антарктиды, должны содержать одинаковый гондванский комплекс полезных ископаемых, особое место среди которых занимают золото, алмазы, железные и медно-никелевые руды, а также самые значительные в мире запасы угля.

У читателей может возникнуть вопрос: а кому нужны полезные ископаемые на материке, закованном в лед, да к тому же находящиеся за многие тысячи километров от обжитых земель? Однако в век атомной техники и лед и расстояния уже не являются непреодолимым препятствием. Сейчас проектируются корабли крупной грузоподъемности. На них можно перевозить ценные руды из Антарктиды. Дальнейшее развитие техники еще более приблизит ледяной континент к цивилизованному миру и позволит вовлечь его недра в орбиту промышленной деятельности людей.

Научные исследования недр Антарктиды в разгаре. Этому содействует заключенный в декабре 1959 года договор о мирном использовании ледяного континента. Представители 12 стран — участниц исследования материка: СССР, США, Франции, Англии, Японии и других государств — объявили Антарктику первой на Земле Зоной мира, запретив там любые ядерные взрывы. По всей территории материка можно передвигаться без виз, людям науки предоставлена возможность вести исследования в любой точке Антарктиды.

Шумный перекресток Токио.

По городам Японии

Андрей ВЕРБЕНКО

Фото Ю. Сомова (АПН).

Японская березка.

Далеко ли от нас Япония? Если считать от Москвы, то далеко, а если измерить путь не от столицы, а от некоторых крайних точек советской земли? Окажется, что Япония — одна из самых ближайших соседок СССР. Только шестнадцать километров отделяют японский остров Хоккайдо от нашего Кунашира.

...От Иокагамы до Токио на автомашине дорога заняла около двух часов. Сопровождавшие нас японские друзья называли лежавшие на нашем пути города, но мы не заметили никакого разрыва между ними. Они так плотно прилегают друг к другу, точно Иокагама и Токио — один город. Мы едем по узеньким улицам, сплошь застроенным деревянными домами, и спрашиваем: «Далеко ли до Токио?»

— Вы уже 15 минут едете по Токио,— ответили наши спутники.

Убогие одноэтажные домики, пропитанный гарью воздух — окраина Токио. Город неоглядно велик, ему тесно, он ежегодно вырастает на триста тысяч человек.

Телевизионная башня — самое высокое сооружение в центре города, которым по праву гордятся токийцы. Они говорят, что их башня переросла Эйфелеву на 30 метров и пока является самой высокой телевизионной башней мира. Это «пока» означает, что они уже слыхали кое-что о нашем гиганте, строящемся в Останкине.

На этажах башни разместились музей современной науки, различные выставки. Фирма «Мицубиси» рекламирует сельскохозяйственные машины, фирма «Хитами» показывает новинки радиотехники и электроники. В смотровом зале множество автоматов. Один за монету в 10 иен обдает вас дешевым одеколоном, другой бойко торгует кока-колой, третий показывает на маленьком экране цветные слайды — виды японских городов. Есть автоматы-гадалки и предсказатели судьбы. Очередь к ним огромная. Ах, как люди хотят знать свое будущее! Опускаешь монетку, и через мгновение у тебя в руке билетик с многообещающим текстом.

Мы приехали в Японию не как туристы. Мы — это делегация журналистов агентства печати «Новости», приглашенная в страну Социалистической партией Японии, издательством «Кобунся» и агентством «Киодо Цусин».

В штабе Социалистической партии нас принял ее генеральный секретарь Нарита и другие руководящие деятели. Эта оппозиционная партия на последних выборах получила 12 миллионов голосов и имеет 145 депутатских мест. Партия активно борется за мир, за дружбу с Советским Союзом и другими социалистическими странами, выступает против американской агрессии во Вьетнаме.

После знакомства с парламентом у нас была запланирована встреча в агентстве «Киодо Цусин». Это — крупнейшее информационное агентство Японии, в котором работает более тысячи журналистов. Здание агентства расположено напротив американского посольства. Метрах в пятнадцати от него — пикетчики с плакатами «Янки, убирайтесь домой!».

В «Киодо Цусин» мы обсуждали пути улучшения обмена информацией.

Издательство «Кобунся» выпускает разнообразную литературу, в том числе и спортивную. Журнал «Бейсбол», например, выходит тиражом более 700 тысяч экземпляров. «Кобунся» выпустило пять книг о жизни советского народа. В октябре в этом издательстве выйдет в свет энциклопедический словарь «Советский Союз», подготовленный Большой Советской Энциклопедией и АПН.

В Японии выходит около 300 ежедневных газет с общим тиражом более 30 миллионов экземпляров, а если считать отдельно утренние и вечерние выпуски, то ежедневный тираж повышается на одну треть. Крупные центральные и местные газеты выпускаются ста компаниями, входящими в Японскую газетную ассоциацию.

Кроме этого, в стране выходит масса еженедельных и декадных, а также специализированных газет. Япония занимает первое место в мире по количеству названий и тиражам периодических изданий.

Советских журналистов любезно принимают в Асахи Симбун, ежедневный тираж которой (только утренний) достигает 4,7 миллиона экземпляров. Побывали и в «Майнити Симбун», основанной в 1872 году в Осаке. Она выходит также и в Нагое, Китакюсю общим тиражом 5,9 миллиона экземпляров. В стране издается 1 511 журналов и около 2,5 тысячи специализированных изданий общим тиражом в 788 миллионов экземпляров.

На встречу с нашей делегацией в Ассоциацию японских журналистов пришли почти все те, кто побывал или работал в Советском Союзе. Еще раз подумалось о том, какое огромное значение для журналистов имеет обмен делегациями и взаимное знакомство. Ведь именно журналисты помогают десяткам миллионов читателей, телезрителей и радиослушателей узнать о жизни соседней страны, если... если, конечно, журналисты дают правдивую информацию. Один из руководителей телевизионной компании Японии «Асахи Хосо», г-н Киёси Хара, побывавший недавно в Москве, говорит, обращаясь к нам:

— Признаюсь, господа, что когда я решил предпринять путешествие в Советский Союз, то ожидал встретить страну, где двери всех домов закрыты для иностранцев. Это результат того, что мне приходилось читать в американской да иногда и в нашей прессе о Советском Союзе. Но как я ошибся! Месяц пребывания в Советском Союзе был для меня весьма поучительным. Я увидел страну огромную, красивую, богатую...

От Фукуоки до Нагасаки автострада идет вдоль многочисленных заливов. Здесь живут рыбаки и крестьяне. Вновь и вновь видишь, как много труда приходится вкладывать японцам, чтобы отвоевать, создать землю. Восемьдесят процентов территории Японии покрыто горами. Всюду в стране идет эта борьба за землю. Медленно, но настойчиво японцы увеличивают площади, отвоевывая земли и у моря.

Нагасаки — сравнительно небольшой портовый город. Русские моряки издавна бывали здесь. Шофер-таксист показывает нам район, уничтоженный американской атомной бомбой. В том месте, над которым разорвалась бомба, ныне разбит Парк мира. В парке стоит величественный памятник жертвам атомной бомбардировки. Скульптор Китамура создал монумент-реквием, зовущий к миру. За парком бережно ухаживают, а множество туристов разных национальностей внимательно слушают рассказы гидов о нагасакской трагедии.

Новые районы Нагасаки выстроены со вкусом. Нам понравилось, как сооружают многоэтажные дома в крупнейших городах Японии. Строительная площадка ограждена щитами из недорогих материалов на всю высоту здания. Работа кипит за ними, а прохожие видят лишь красочную рекламу на щитах...

Однажды во время ужина к нам подошла девушка, отделившись от группы своих товарок, стоящих у входа. Ее шелковое кимоно переливалось матовым блеском в свете ламп.

— Меня зовут Фукуи,— сказала она.— Если вам скучно, я могу вам рассказать что-нибудь смешное или спеть.

Не успели ничего ответить, как она присела рядом с нами и вполголоса запела на японском языке. Это была «Катюша». Затем она спела куплет из песни «На позицию девушка провожала бойца», а потом — четыре строчки из романса «Очи черные». Фукуи — полуребенок с печальными глазами. Мы поблагодарили ее за эти песни... Наши спутники, японские журналисты, сказали нам, что около 6 миллионов девушек и женщин в стране заняты «развлечением мужчин». Их профессия узаконена, и многие из них объединены в профсоюзы.

У поселка Симабара дорогу преграждает залив. Чтобы его преодолеть, приходится пересесть на трехэтажный теплоход-паром. За десять минут на него погрузились 11 автобусов с пассажирами, 5 грузовых и 14 легковых автомобилей. Большинство пассажиров были школьники, совершавшие в порядке учебной программы экскурсии по историческим местам Японии. Когда школьники узнали, что их спутники — советские журналисты, они окружили нас и стали задавать множество вопросов. Ответив им, мы, в свою очередь, организовали походную викторину. И победителю обещали годовую бесплатную подписку на издающийся в Японии по материалам АПН журнал «Советский Союз сегодня». Ребята с восторгом отнеслись к этому предложению. Мы задали пассажирам два вопроса: «Что вы знаете об СССР? Кем вы собираетесь быть?»

Общительные и милые девушки и юноши 9 и 12-х классов очень хотели завоевать обещанную премию. Но ответы на вопросы показали, что они почти не знают историю нашей страны, ее культуру, прошлое и настоящее. Никто из них не знал Пушкина, зато все хорошо знали имя американского певца Фрэнка Синатра.

— Что вы хотите,— грустно заметил один из их классных наставников, немолодой уже человек с серьезными, умными глазами,— это плоды пропаганды американского образа жизни в нашей стра-

не и убожества школьных программ во всем, что касается социалистического мира.

Путешествуя по Японии, мы повсюду встречали автобусы, поезда, предоставленные в распоряжение молодежи. Опрятные, в школьной форме, под руководством своих преподавателей юноши и девушки совершают поездки по историческим местам страны.

— Каникулы? — спросили мы.

Оказалось, это своего рода обычай. Родители в течение года вносят деньги, а затем на эти средства дети совершают экскурсии. Такие поездки входят в учебную программу школ.

...Поднимаемся на вулкан Ассосаидзе Тембодай. Кратер вулкана протянулся в длину на 19 километров и в ширину — на 24 километра. На склонах разместились 11 деревень и три городка с населением в 50 тысяч человек. В центре кратера потухшего вулкана работают бульдозеристы и экскаваторы, готовят новые строительные площадки.

Осака — огромнейший, хорошо спланированный город, изрезанный каналами, с бесконечной сетью узких мостов. Осаку часто называют японской Венецией.

Пошел дождь, город запестрел зонтами, черными, голубыми, оранжевыми. Казалось, что мы попали на парад зонтов. Многие улицы Осаки покрыты стеклянными крышами. Жизнь под ними идет независимо от погоды.

Телевизионная компания «Майнити Хосо» попросила агентство печати «Новости» помочь в поездке ее корреспондентов на машине от Находки через Дальний Восток, Сибирь, Урал до Москвы, чтобы создать серию телевизионных очерков об СССР к 50-летию Советской власти.

— На машине? — удивляемся мы.— Это займет много времени...

— А что же нам делать? — сокрушенно отвечает президент компании.— Кто-то же должен финансировать поездку. Такое желание изъявила автомобильная компания, которая хочет рекламировать автомашины, объявив, что они прошли по Советской Сибири.

Автомобильная промышленность Японии развивается бурными темпами. В стране более 7 миллионов легковых автомашин.

На всех оживленных перекрестках и магистралях ребятишки безукоризненно соблюдают порядок перехода улицы. Там, где нет светофоров, на одной и другой стороне улицы устроены ниши, в которых лежат желтые флажки. Прежде чем перейти улицу, школьник берет такой флажок, поднимает его, и самый интенсивный поток машин останавливается.

Но вот поток машин остановился по другой причине. По улицам Токио идет колонна усталых людей. Они молча несут плакаты: «Мы все должны иметь работу и справедливую оплату», «Мы против несправедливых увольнений»...

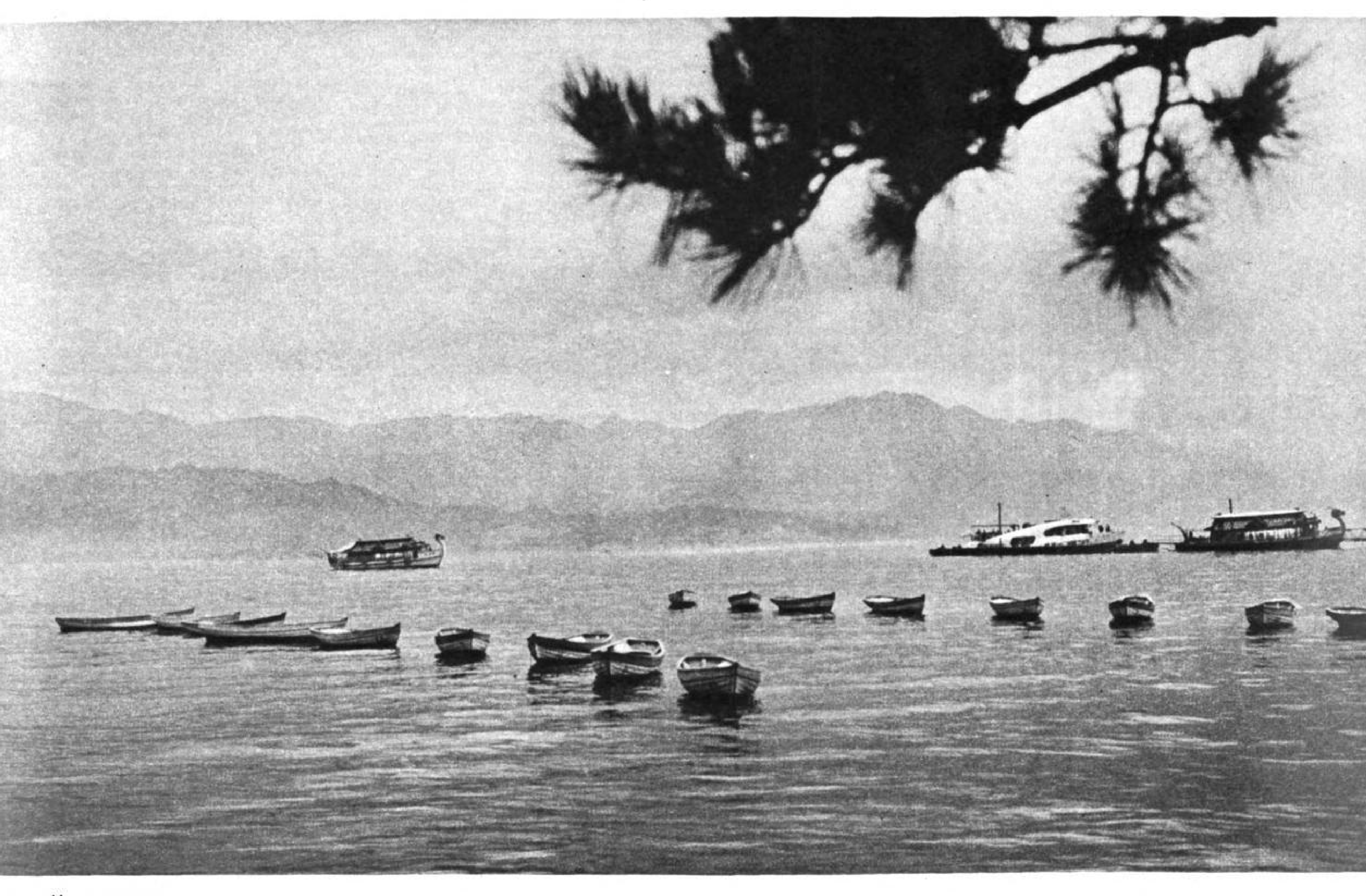
На Западе часто пишут и говорят о «чуде», которое совершила Япония, пережившая сокрушительный разгром во второй мировой войне, послевоенную разруху и, как по мановению волшебной палочки, воспрянувшая из пепла. И действительно, Япония стала высокоразвитой индустриальной державой. Она серьезный конкурент на мировом рынке для ведущих капиталистических государств. Однако сами японцы не говорят о «чуде», они хорошо знают, каким тяжелым и плохо оплачиваемым трудом достигнуто это процветание. Процветание далеко не для всех...

Мы не могли также не заметить массовых демонстраций японцев против американского засилья. Японское правительство позволило 30 мая войти в порт Иокосука американской атомной лодке «Снук». Почти вся японская пресса выразила отрицательное отношение к этому визиту. В Иокосуке произошли столкновения между демонстрантами, прибывшими в порт со всех концов страны, и полицейскими, которые применили силу, аресты. Волнения продолжались до 3 июня, пока «Снук» стояла в порту Иокосука. Гнев японцев понятен. Именно Япония первой в мире узнала ужас атомной бомбардировки...

В подлинном миролюбии японского народа в наши дни можно не сомневаться. Что же касается японского правительства, то не так давно министр иностранных дел Сиина заявил, что между Японией и США существует договор безопасности, который носит, как он сказал, оборонительный характер. Министр добавил, будто действия вооруженных сил США во Вьетнаме направлены на обеспечение безопасности на Дальнем Востоке. Такие заявления, как мы убедились, очень далеки от настроений японского народа!

Хочется закончить свои заметки словами Ходзо Авая, депутата японского парламента:

— Борьба нашего народа против планов Пентагона и потворства им подобна вечному огню. Ветер может пригнуть пламя к земле, отбросить его в сторону, но пламя не потушить. Широкое народное движение против американских баз, за прекращение агрессии США во Вьетнаме, за дружбу с соседними государствами будет крепнуть в нашей стране.

Море и сосны.

Вл. БАСКАКОВ

Прошло четыре десятилетия с того времени, как «Потемкин» потряс мир, но на белом полотне экрана битва идей не прекратилась. Она усилилась, изменив формы. Сейчас в странах Западной Европы никто формально не запрещает советские фильмы. Но есть немало способов не допустить или ограничить проникновение советских картин на широкий коммерческий экран — как раз в те кинотеатры, которые посещаются больше всего.

В то же время существуют целые районы мира, где советские фильмы запрещены. Мне рассказывали, что на Филиппинах даже безобидный фильм-сказка «Илья Муромец» шел без титульной шапки. Это делалось, очевидно, для того, чтобы зрители, не дай бог, не поняли, где сделан фильм,— может быть, в Голливуде: ведь там создают картины и про походы варваров на Рим и из жизни русских царей. Филиппинские цензоры, очевидно, убоялись: вдруг зрители узнают, что в Советском Союзе существует искусство!..

Можно назвать и иные районы мира, не столь отдаленные.

Но и там, где советские фильмы формально разрешены, имеются сотни способов загородить им дорогу на широкий экран. И очень часто это происходит даже не по вине национальных киноорганизаций. Просто в странах Латинской Америки, а в последние годы и Европы экран взят в цепкие руки американских кинomонополий. Мощные заокеанские киноцентры прибегают для этого к самым различным уловкам. Одна из главных — финансирование местной кинопродукции. Фильм национальный, а прокат его принадлежит «Метро Голдвин-Майер» или какой-нибудь другой фирме. И во все страны он идет под знаком американской кинокомпании.

И все же советские фильмы, как и фильмы других социалистических стран, несмотря на все эти обстоятельства, пробивают себе путь на экраны мира.

Десятилетие назад подлинным открытием для зарубежных зрителей явились три фильма —«Летят журавли», «Баллада о солдате» и «Судьба человека». Используя слова Михаила Кольцова, который объяснял триумф «Потемкина» в Европе тем, что это была «хорошая работа», можно сказать, что здесь работа тоже была качественная, хорошая. Поставленные советскими режиссерами фильмы не только познакомили зарубежных зрителей с совершенно новым для них миром и новыми героями, новыми отношениями между людьми, но и явились — каждый по-своему — крупным художественным открытием.

Появление героев цельных, верящих в идеалы, исполненных гуманизма и внутренней чистоты удивляло и поражало людей, привыкших видеть на экране демонстрацию пороков и психологических аномалий, крушение иллюзий, нередко воссозданных с мастерством и талантом.

Здесь же все было по-другому. Юноша, почти мальчик, Алеша Скворцов ясен и чист и в своем подвиге и в своих отношениях к девушке и товарищам, к попутчику-инвалиду... Солдат Андрей Соколов, прошедший, кажется, через все, что только может взвалить судьба на плечи одного человека, не только не утерял ни грана человеческого, но и сумел согреть своим сердцем маленького обездоленного мальчика-сироту.

Это был иной, новый мир. Это были люди, рожденные великой революцией. И экран знакомил с ними миллионы людей всех континентов.

На Брюссельской всемирной выставке получил главный приз фильм Я. Сегеля и Л. Кулиджанова «Дом, в котором я живу»— правдивый и талантливый рассказ о судьбе целого поколения. Маленький мальчик Сережа из одноименного фильма Г. Данелия и И. Таланкина смотрел с экрана своими большими, доверчивыми глазами на зрителей кинотеатров Скандинавии. Зрители видели «Сережу» и с огромной древней арены на мексиканском курорте Акапулько, где ежегодно показывают лучшие фильмы мира.

Потом на экраны мира вышел «Тихий Дон»— экранизация эпопеи М. Шолохова. В Англии и Японии с большим успехом прошел фильм Юлии Солнцевой, поставленный по сценарию Александра Довженко, «Повесть пламенных лет». Французский критик Жорж Садуль оценил как лучший фильм года «Зачарованную Десну», и в журнале «Кайе дю синема», где десять французских критиков ежемесячно дают советы, выставляют свои оценки (одна точка — смотреть не следует, две точки — надо посмотреть, три точки — обязательно надо посмотреть и четыре точки—шедевр), критики выставили «Зачарованной Десне» самые высокие баллы...

Недавно на Елисейских Полях в Париже, в кинотеатрах, которые обычно предоставляют свой экран американским супербоевикам, вдруг появилась афиша, извещающая зрителей о выходе украинского фильма «Тени забытых предков». На следующий день после премьеры все французские газеты написали восторженные отклики на эту поэтическую ленту. «Тени забытых предков»,— писала газета «Франс Суар»,— это подлинный шедевр киноискусства, необычайно красочный, поэтический фильм, быть может, самый красивый из всего, что мы с вами когда-либо видели».

В зарубежной печати написали много добрых слов об «Ивановом детстве» и иных лентах, созданных молодыми режиссерами.

Прошлым летом в Локарно проходил очередной кинофестиваль. Локарнский фестиваль не принадлежит к числу оживленных и шумных киносмотров мира. Звезды экрана заезжают сюда не часто. Главные зрители здесь — это богатые туристы, продюсеры и журналисты. Они просматривают и обсуждают фильмы, участвуют в пресс-конференциях. Так вот, на этом спокойном и респектабельном фестивале произошло событие довольно примечательное. Был показан советский фильм «Последний день каникул». Фильм как фильм — девочка, мальчик, первое чувство... Но картина произвела очень большое впечатление на зрителей и жюри, и прежде всего своей чистотой и искренностью... Фильму была присуждена одна из главных премий.

На пресс-конференции журналисты с удивлением спрашивали: где же сделан этот трогательный и поэтический фильм, на каком языке говорят его герои? Им отвечали: в Советской Литве. И идет он на литовском языке. Журналисты пожимали плечами: разве в Литве есть свой кинематограф? Им это было удивительно, тем более что в западной печати хватает всякого рода измышлений насчет Советской Прибалтики! А тут хорошо сделанный фильм, и такая высокая культура кинематографа, и отличные режиссеры, оператор, актеры!.. Представитель литовской кинематографии мог рассказать своим собеседникам, что «Последний день каникул» не единственный фильм, сделанный прибалтийской республикой: с успехом — и не только в нашей стране — идут «Живые герои», «Шаги в ночи», «Никто не хотел умирать»...

На IV Международном фестивале в Москве, как известно, в центре внимания представителей мировой прессы был Серго Закариадзе — главный герой фильма «Отец солдата». Да и сама эта картина, открывшая Московский международный форум кино, позже с большим успехом вышла премьерой в Афинах и Токио, в Будапеште и Берлине, в Сан-Франциско и Риме... Фильм, сделанный в Грузии, ныне шагает по экранам всего мира, рассказывая о подвиге советского народа и о характере советского человека — грузинского крестьянина, взявшего в руки оружие по долгу справедливости.

Все это — свидетельство развития и обогащения искусства братских союзных республик нашей страны.

Известно, что многие советские фильмы удостоены наград на международных кинофестивалях. Правда, не все из них нашли потом дорогу к зарубежному зрителю. И происходило это по разным причинам. Интересно заметить, что путь к сердцам зрителей находят за рубежом именно те наши фильмы, которые отличаются своеобразием, национальным колоритом, которые знакомят его с новым миром и новым человеком. И в то же время зарубежный зритель остается равнодушным к тем лентам, авторы которых стремились во что бы то ни стало не отстать от новомодных модернистских течений.

Откровенно публицистические картины —«Обыкновенный фашизм» и «Повесть пламенных лет»— пробили себе дорогу на широкий экран! На фестивале в Каннах один из главных призов получил советско-польский фильм, поставленный Сергеем Юткевичем,— «Ленин в Польше».

«Золотого льва святого Марка»— высшую премию фестиваля фильмов для юношества в Венеции — увезли фильмы о наших детях, пионерах, фильмы чистые, с незамутненной проблематикой: «Дикая собака Динго», «Звонят, откройте двери!». Летом этого года в миланском кинотеатре «Риц» состоялась премьера фильма режиссера Г. Данелия «Я шагаю по Москве». Фильм был восторженно принят зрителем и прессой. Кинокритик Пиетро Бианки в газете «Иль Джорно» в статье «Нежные воспоминания об одном дне, проведенном в Москве» характеризует этот фильм как «легкий, умный, полный не программного, а жизненного оптимизма».

«Замечательный «Гамлет»— так

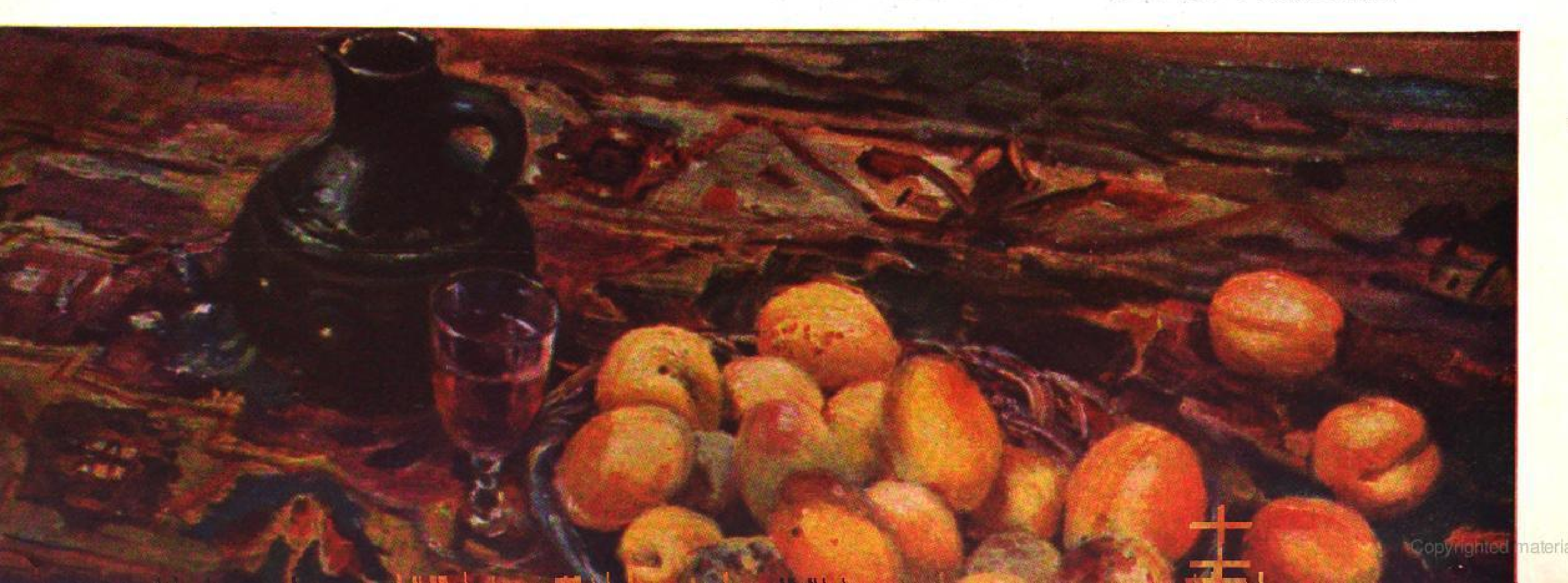
Участников фильма «Война и мир» приветствуют в Японии. В центре — С. Ф. Бондарчук.

Д. Налбандян. СБОРЩИЦА ВИНОГРАДА ГАЛСТЯН АСТИК.

Д. Налбандян. БАХЧИСАРАЙ.

НАТЮРМОРТ С АБРИКОСАМИ.

назвала одна из норвежских газет фильм Григория Козинцева. И даже датская печать, всегда с особой осторожностью и вниманием относящаяся к экранизациям этой трагедии Шекспира, отмечала, что «советский фильм импонирует зрителям, захватывает его».

А в Латинской Америке, в Чили, жюри в составе виднейших писателей, журналистов и актеров присудило советскому «Гамлету» пальму первенства среди 271 киноленты всех стран, показанной чилийскому зрителю в 1965 году.

Недавно с успехом прошел фестиваль советских фильмов в Токио, Осаке и Хиросиме. Здесь демонстрировались разные картины: «Великая Отечественная» и «Отец солдата», «Большой балет» и «Двое».

С особым интересом смотрят советские фильмы о революции, о борьбе с фашизмом африканские зрители.

Радостно озарялись лица людей, аплодирующих в Алжире «Чапаеву» и «Оптимистической трагедии». А актеры Борис Бабочкин и Маргарита Володина, присутствовавшие на просмотрах, сразу стали популярными в стране.

И вот последние новости. В Индии — в Дели и Бомбее — вышли «Бессмертный гарнизон», «Баллада о солдате», «Я купил папу», «Гамлет»... В Мадрасе создан индийско-советский киноклуб с целью «пропаганды благородных идеалов гуманизма в киноискусстве». В Лаосе состоялась премьера «Живых и мертвых».

Кстати, этот фильм идет в 22 странах мира, «Отец солдата» — в 40 странах, «Донская повесть» — в 20 странах, «Обыкновенный фашизм», «Великая Отечественная» — в 19 странах.

Мне довелось видеть, как приняли фильм Сергея Бондарчука «Война и мир» зрители Мексики. Это было на курорте Акапулько, где ежегодно проходит «фестиваль фестивалей». И когда вспыхнул гигантский экран в старинной испанской крепости Сан-Диего под черным небом вблизи океана и на экране возникли ландшафты России — река, луга и леса, когда юная Наташа закружилась в первом своем вальсе, когда русские люди вели бой с неприятелем, неизменно возникали аплодисменты.

Первые две серии монументального фильма, созданного С. Бондарчуком по роману Л. Толстого, вышли почти одновременно в Москве, Париже и Токио... «Так же, как и роман, — писал Робер Шазаль в газете «Франс Суар», — этот фильм производит грандиозное впечатление обстановкой действия, широтой показа и захватывающей психологией многочисленных персонажей».

«Под фильмом «Война и мир», — пишет «Вэн катр эр», — стоит подпись Сергея Бондарчука, замечательного постановщика фильма «Судьба человека». Отныне мы должны считаться с ним как с одним из крупнейших режиссеров нашей эпохи».

...Не просто лучшим советским фильмам пробиваться на зарубежный экран. Но, попадая в кинотеатры, они несут слово правды о нашей стране, о нашем человеке и нашем искусстве.

ГЕНРИХ РОТ — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНЖЕНЕР

Федор ШАХМАГОНОВ

Серия международных промышленных выставок в Советском Союзе открывает огромные возможности для укрепления торговых связей между странами с различными социальными системами. Эти выставки имеют своих энтузиастов.

Познакомимся с одним из них. Инженер Генрих Рот из Австрии, технический руководитель фирмы Гертнер, один из самых активных деятелей по установлению торговых связей между Советским Союзом и Западной Европой.

Мы встретились с ним накануне открытия международной выставки «Современные сельскохозяйственные машины и оборудование». Еще монтировались последние установки, и инженер Рот был буквально нарасхват. Этот сухой, легкий на ногу человек везде успевал. И ответить наладчику, и помочь в монтаже сложной установки, и побеседовать с корреспондентами, и дать консультацию представителям Министерства внешней торговли.

Рот — частый гость в Советском Союзе. Он объехал почти все города, где есть станкостроительные заводы. Это позволяет ему выбрать нужную продукцию на советских предприятиях и вместе с тем привезти новинку для какого-либо из них.

Мы останавливаемся возле станка одной из швейцарских фирм.

— А вы знаете, — спрашивает господин Рот, — на чьих станках делался этот станок? Он изготовлен на советском оборудовании, которое приобрели через нашу фирму швейцарцы.

У нас есть станки, приобретенные в Советском Союзе, которые работают без ремонта вот уже десять лет, — говорит господин Рот. — С полной трехсменной нагрузкой. Вот почему я активный сторонник продвижения советской продукции на Запад...

Господин Рот просит меня пройти к одному из соседних павильонов. Гости разложили огромные бревна и демонстрировали работу пилок на бензиновых моторчиках.

— Хорошие пилки... — заметил Рот. — Но у вас все это умеют делать и лучше и прочнее... Да, у нас это все интереснее...

У кого же — «у нас»? Господин Рот только что говорил о советской промышленности. И вдруг «у нас».

— «У нас» — это у Советского Союза и австрийской фирмы Гертнер... «У нас» — это у того, кто за широкую торговлю и против всяческих политических обострений... «У нас» — это у того, кто за дружбу между народами.

И тут технический руководитель фирмы Гертнер заговорил о Советском Союзе, о том, что значил в его судьбе советский народ.

Генрих Рот родился в 1903 году в семье австрийского инженера. Но теперь имеет все основания считать, что родился в Советском Союзе: его родной городок в Закарпатье — Турка — расположен ныне на территории Украинской ССР.

Учился Генрих Рот и в Австрии и в Германии — в политехнических институтах. Стал инженером, станкостроителем. Работал в Вене, а в 1938 году, когда Гитлер совершил аншлюс, бежал в Польшу. Он не мог по своим убеждениям принять фашистский режим. Да к тому же фашизм нес угрозу и его семье. Жена у господина Рота еврейка.

Бежал ночью, с трудом перешел границу. Устроился инженером во Львове. Во Львове встретил Советскую Армию.

— Многие мои коллеги бежали из Львова на Запад... Куда? К фашистам? Для меня это было исключено. В ту пору в кругах западных специалистов ходило много злых россказней о Советском Союзе. Я еще ничего не знал о советских людях. Но знал одно: надежда всех антифашистов, независимо от их убеждений, — Советский Союз.

Итак, в 1939 году Генрих Рот встретился с советскими людьми. Эта встреча определила его судьбу, определила на всю жизнь его симпатии. Он не стал коммунистом. Но у человека, любящего труд, не могут не вызвать симпатии люди, решившие своим трудом построить новое общество. Своим трудом — это главное. С первых же дней, как только Советская Армия пришла во Львов, Генрих Рот получил возможность отдать силы на борьбу со своим давним врагом — фашизмом: он становится главным механиком в Военстрое Киевского военного округа.

22 июня на рассвете гитлеровские войска вероломно напали на Советский Союз, овладели городом Турка, ворвались во Львов. Генрих Рот не успел выбраться из Львова. Он достает документы на имя польского гражданина Живача. Но он не хочет, чтобы его знания были использованы гитлеровцами. Инженер идет работать рядовым слесарем в немецкой фирме, занимавшейся ремонтом автомобилей. Но от глаз военных властей ему скрыться не удалось. Капитан Альберт, фашистский офицер, вызвал к себе Рота. У него в руках было досье с биографией австрийского подданного, бежавшего от фашистов. Роту грозил военный трибунал. Генрих Рот объяснил немецкому офицеру, что он скрыл свое имя и профессию из страха.

— Вы, господин офицер, сделаете ошибку, — это будет неприятно, но никто не скажет, что вы это сделали нарочно. Я сделаю ошибку, мне скажут, что это саботаж...

Может быть, капитан Альберт поверил этому рассуждению, а может, гитлеровцы просто крайне нуждались в технически грамотных людях, — как бы то ни было, но Генриха Рота назначили на инженерную должность.

В сентябре 1942 года гитлеровцы начали подготовку к одной из своих подлейших операций по истреблению евреев. Друзья посоветовали Роту бежать из Львова: жена его была внесена в списки тех, кто подлежит уничтожению. К тому времени Генрих Рот уже работал в подпольной организации движения Сопротивления. В его распоряжении было до десятка радиопередатчиков. Он сносился с польскими и югославскими партизанами.

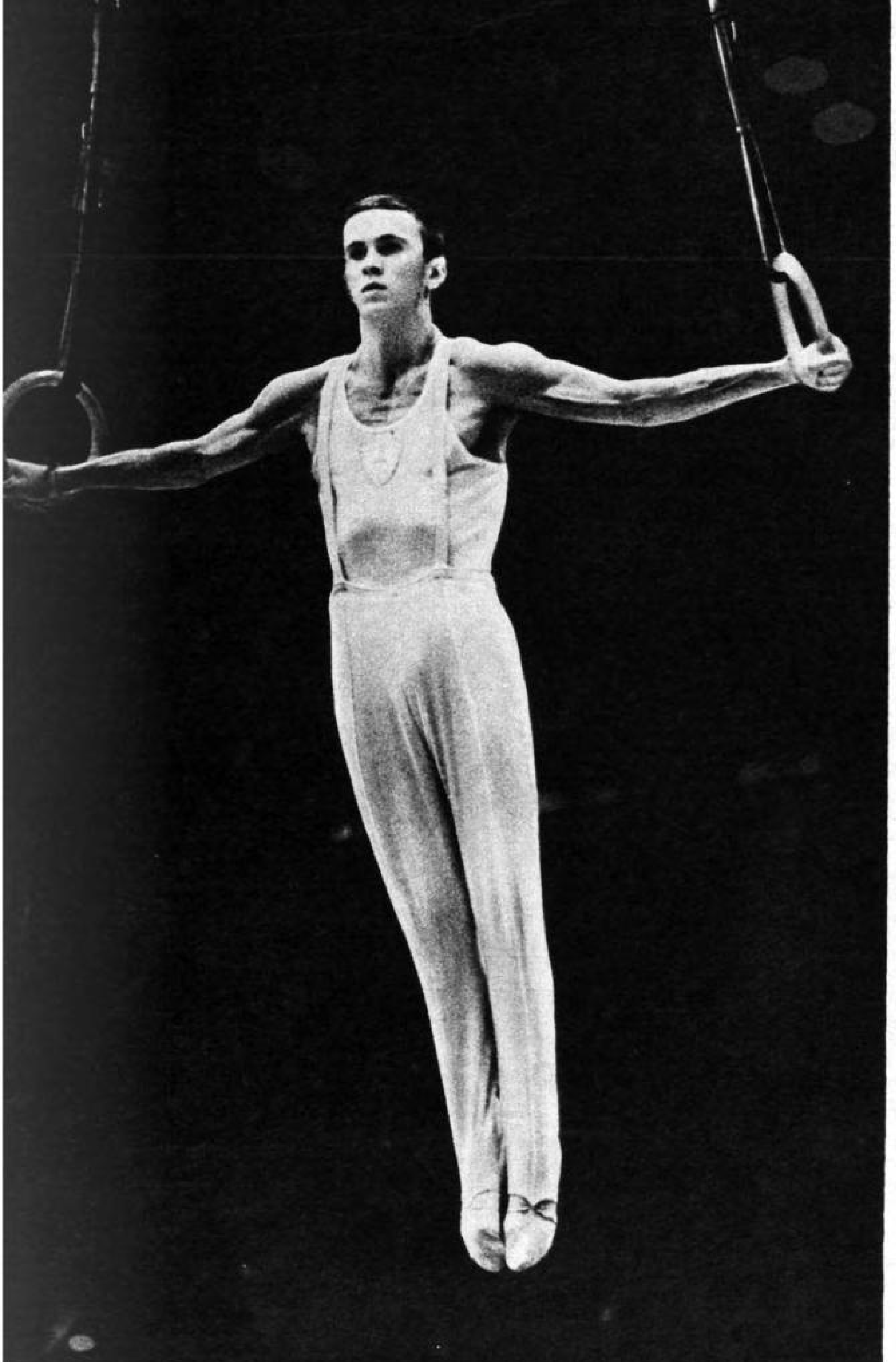
Итак, опять поддельные документы и побег, на этот раз в Венгрию.

Венгрия считалась союзником Гитлера, здесь не было немецкого оккупационного режима. Жену Рот провез нелегально и спрятал ее у друзей в Будапеште, на чердаке. Рот продолжал работу в подпольной антифашистской организации. У жены на руке открылась рана. Началась гангрена. Доктора пригласить невозможно. Рот сам делает жене операцию. И это его держит в Будапеште в часы, когда вновь надвигается на него коричневая чума. Гитлер оккупирует Венгрию.

Советскую Армию Генрих Рот встретил в Будапеште. И снова немедленно за работу. Рот поступает вольнонаемным механиком на танковый завод...

В шестьдесят три года, да еще после трудной жизни, не каждый сохранит желание работать. Господин Рот не просто работает, но и все время ищет новую работу. Он готовил австрийский павильон для выставки «Современные сельскохозяйственные машины и оборудование», через несколько дней включился в подготовку швейцарской промышленной выставки в Москве. А мысли его уже в Пакистане. Швейцарская фирма строит там завод. И господин Рот ищет возможности поставлять на этот завод станки советского производства.

Международный технический обмен имеет своих энтузиастов. Генрих Рот — представитель этой страстной и ищущей когорты.

Абсолютный чемпион мира Михаил Воронин.

Дортмундские сюрпризы

В. ВИКТОРОВ,

специальный корреспондент «Огонька»

Когда советские гимнастки завершили выступлением на ковре полную гимнастическую орбиту, состоящую из обязательной и произвольной программы, и под овации зрителей, заполнявших «Вестфаленхалле», покинули зал, журналисты со всех сторон ринулись к Наташе Кучинской и чуть ли не на руках понесли ее в пресс-центр.

— Я еще не выиграла,— пыталась отбиться от них Наташа, но ее голос тонул в басовом хоре, который требовал ответа сразу на сто вопросов.— Подождем до вечера, теперь ведь слово за Верой Чаславской!

Эта девочка после обязательной программы уступила правящей гимнастической королеве Вере Чаславской всего две десятых балла, а произвольную программу завершила настолько блистательно, что судьи дали ей исключительно высокую оценку — 9,9 балла! Да и на остальных снарядах — прыжках, брусьях и бревне — Наташа выступила очень удачно, потеряв из тридцати возможных меньше семи десятых балла.

Как же не расспросить ее, юную, обо всем: где она живет, что любит, чем увлекается? И среди прочих вопросов, на которые должна была дать ответ нетерпеливым журналистам Наташа, был и такой: где она занимается? Ответ Наташи привел искушенных газетчиков в изумление:

— В этом году я окончила школу и поступила в университет на факультет психологии...

Тут последовала долгая пауза. «Как вы сказали, либес фрейлейн? Психология?!» Наташа, улыбнувшись, сказала:

— Да, психология. Это новый факультет в нашем университете. Спорт — мое самое большое увлечение в жизни, а психология приобретает в нем все большее значение. Почему же не изучить психологию?

Не знаю, как прокомментировали эти слова Наташи Кучинской мои коллеги, но я подумал, что в них отражается одна из самых примечательных черт сегодняшнего спорта — его интеллектуальность. Надо сказать, что психологическая ситуация, сложившаяся на чемпионате мира,— кстати, не без участия Наташи Кучинской — отлично иллюстрирует это.

Чешские гимнастки начинали борьбу на чемпионате раньше советских и все великолепно выполнили обязательную программу. То, что Вера Чаславска, олимпийская чемпионка, бесспорно лучшая гимнастка мира, получила высокие оценки на всех четырех снарядах, никого не могло удивить. Но вместе с ней очень ровно и сильно выступили все ее подруги, показав, что команда Чехословакии зря времени не теряла и сделала большой шаг вперед.

Мы будем бороться не только за личное, но и за командное первенство! — как бы заявили чехословацкие спортсменки.

А через несколько часов, в ответ на это негласное заявление, советская команда выполнила обязательную программу еще лучше и на тысячные балла, но все же обогнала своих основных соперниц. Это ли встревожило Чаславску или, может быть, то, что ей самой после обязательной программы удалось оторваться от Наташи Кучинской всего на сто шестьдесят семь тысячных балла? Но когда мы встретились с Верой сразу же после соревнований, нам бросилась в глаза ее нервная взвинченность, я бы даже сказал, встревоженность. Как же она будет выступать дальше?

...Все это происходило утром, а в 6.30 вечера должна была выйти на помост Вера Чаславска и ее подруги. Но незадолго до этого часа разразился скандал, сорвавший все расписание чемпионата. Зал бурей возмущения ответил на грубейшую ошибку судей, которые за выступление на брусьях дали чрезвычайно низкую оценку американской гимнастке. Скандал продолжался около часа, и это оттянуло выход следующей смены.

— Каково ждать Вере Чаславской? — спросили мы тренера Ларисы Латыниной Александра Семеновича Мишакова.

— Да, если Чаславска выступит сегодня в свою силу, то она поистине выдающаяся спортсменка! — сказал Мишаков.

И Вера Чаславска выступила в свою силу. И повела за собой команду к победе. После часа томительного ожидания, выступая в гудящем зале, Чаславска волей жребия сразу же оказалась у злополучных брусьев, где только что разгорелся скандал с американской гимнасткой, где недавно Наташа Кучинская за свою произвольную комбинацию получила высокую оценку 9,833 балла, где в Японии, на олимпиаде, сама Вера понесла самый большой урон, сорвавшись со снаряда и уступив золотую медаль нашей Полине Астаховой. И, несмотря на все это, Чаславска блестяще выполнила свою комбинацию, получив точно такую же оценку, как и Кучинская. Затем она сразу подошла к бревну, этому коварному снаряду, на котором, как известно, чаще всего случаются катастрофы. Здесь Чаславской тоже надо было не отстать от Кучинской. На сей раз задача эта оказалась не по плечу даже ей: Вера проиграла тридцать три сотых балла. После этого она оказалась на ковре для вольных упражнений, где Наташа Кучинская добилась своего наибольшего триумфа — 9,9 балла. Не меньше! Вот какая задача стояла перед Чаславской, и она выполнила ее. Потом, на прыжках, выиграв совсем немного у своей юной соперницы, доказала, что она действительно выдающаяся спортсменка, действительно абсолютная чемпионка мира. Всего около четырех сотых балла отделяли золотую призершу от серебряной.

Это был большой день чехословацкой гимнастики. Вера Чаславска и ее подруги сумели не только догнать советскую команду, но и обогнать ее после вольных упражнений и закрепить свою победу.

Если серебряная медаль для Наташи Кучинской — огромный

Воля, собранность, высокое мастерство отличали Веру Чаславску.

успех, то серебряная медаль для советской команды, еще ни разу не уступавшей первое место, начиная с 1952 года, никак нельзя признать удачей.

Чего же не хватает нашей команде? Прежде всего ровности в выступлениях всех спортсменов. Впрочем, есть основания рассчитывать, что команда быстро окрепнет: ведь в ее составе молодые спортсменки отличного класса, ровесницы Наташи Кучинской — Лариса Петрик, Ольга Харлова и чуть постарше — Зинаида Дружинина. Да, новое поколение гимнасток появилось на большом помосте и неплохо заявило о себе в Дортмунде!

Наташа Кучинская — бесспорная премьерша в команде. Это она подтвердила, когда разыгрывалось первенство на отдельных снарядах. В шестерке лучших мы видели преимущественно фамилию Наташи Кучинской, которая выступала на всех четырех снарядах. Рядом с ней мелькали фамилии чехословацких гимнасток, японок, спортсменок из ГДР и, к сожалению, не очень часто фамилии наших спортсменок. И все же этот последний день гимнастического чемпионата был для нас одним из самых радостных.

Вернемся теперь к началу чемпионата, к другому нашему молодому триумфатору, добившемуся еще больших результатов, чем Кучинская,— Михаилу Воронину.

Отправляясь в Дортмунд, мы были уверены в победе нашей женской команды и боялись признаться себе в том, что питаем надежду на победу в личном первенстве Сергея Диомидова или Михаила Воронина. Известно, что двум молодым лидерам сборной СССР предстояла борьба с прославленными гимнастами Японии, которых возглавлял олимпийский чемпион Эндо.

Мы понимали, что в командной борьбе с ними будет трудно спорить в Дортмунде. Но вот личное первенство?..

В свое время японским кудесникам успешно противостояли такие сильнейшие гимнасты, как Борис Шахлин и Юрий Титов, но теперь они хоть и находятся в команде, однако завершают свой спортивный путь. Воронину же и Диомидову пока не хватает опыта для борьбы с мастерами такого класса, как Эндо, Мицукури, Накаяма, Като...

И вот они, дортмундские сюрпризы: наша женская команда на втором месте, а Михаил Воронин — абсолютный чемпион мира. Надо сказать, что и тут не обошлось без тонких психологических нюансов. Издавна японские спортсмены славятся своим спокойствием. Но, видимо, слишком велико нервное напряжение, которого требует от спортсменов современная гимнастика. В этом мы могли убедиться еще в Токио, когда Эндо, уже без пяти минут олимпийский чемпион, едва не потерял золотой медали, допустив грубый промах на коне. Здесь, в Дортмунде, он на этом снаряде опять сразу отошел на второй план, получив за обязательную комбинацию всего 9,45 балла. (За произвольную комбинацию на коне Эндо получил совсем мало — 8,95 балла и в итоге оказался лишь на седьмом месте.)

А вскоре рухнули надежды японцев, которые они возлагали на молодого и сильного Като. Выполняя обязательную комбинацию на перекладине, Като внезапно сорвался, не использовал своей второй попытки, получил всего лишь 9,1 балла и выбыл из борьбы так же, как и Накаяма, неудачно выполнивший свою комбинацию на брусьях. Эта серия провалов в японской команде была поистине сенсацией чемпионата. Но и нас ожидали тяжелые разочарования. Совершенно неожиданно сорвался на обязательном вольном упражнении Диомидов и получил всего 9,15 балла. Это фактически лишало его возможности добиваться личного первенства. Воронин же продемонстрировал удивительное спокойствие и большое самообладание. Он великолепно выступал на каждом снаряде, после обязательной программы стал лидером чемпионата, а через день закрепил свой успех, пройдя сквозь все испытания исключительно сложной произвольной программы. Самая наинизшая его оценка, полученная на прыжках,— 9,6 балла, а самая высокая на кольцах — 9,9. В итоге он набрал небывало высокую сумму — 116,15 балла. Такого результата еще никто не показывал за всю историю гимнастики!

Второй призер чемпионата Цуруми отстал от Воронина на девять десятых балла. Что и говорить, убедительный разрыв.

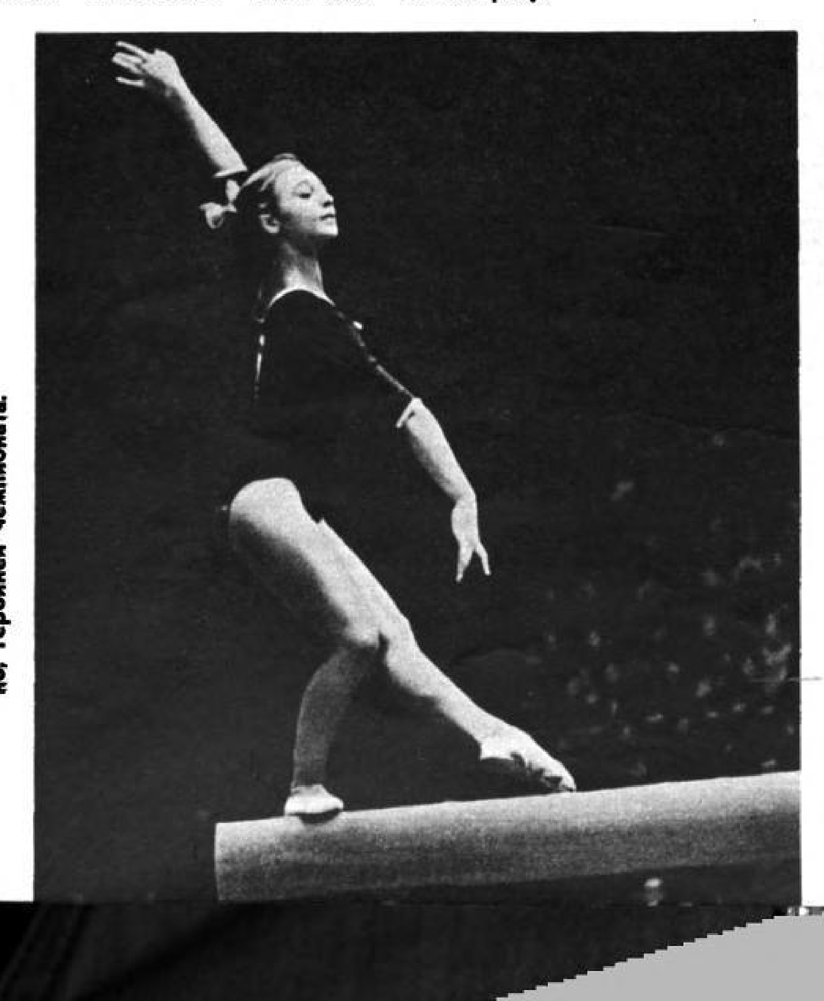
И после этого выдающегося успеха мы еще имели возможность порадоваться за Михаила Воронина, за нашу гимнастику. Соревнуясь на отдельных снарядах, Воронин получил золотую медаль в упражнениях на кольцах и серебряные за комбинации на коне и на брусьях.

К сожалению, очень сильному молодому гимнасту Сергею Диомидову не хватило самообладания. Показав в обязательной программе слабый результат на ковре, он еще больше ухудшил свое положение в произвольной программе и только в борьбе за золотую медаль на брусьях нашел себя, заслуженно став сильнейшим...

Однако утешать себя успехами Воронина, золотой медалью Диомидова никак нельзя. Японская команда пока еще значительно сильнее нашей. Она представляет из себя исключительно ровный ансамбль, и советским тренерам и гимнастам предстоит много поработать, чтобы в Мехико дать бой своим соперникам.

...А завершился чемпионат полнейшим триумфом Наташи Кучинской. Уступив звание абсолютной чемпионки мира Чаславской, Наташа в последний день снова встретилась с ней, на этот раз в борьбе на отдельных снарядах, и трижды поднималась на высшую ступень пьедестала почета. И в этом был, пожалуй, самый большой сюрприз Дортмунда.

Дортмунд,
по телефону.

Наташа Кучинская была, бесспорно, героиней чемпионата.

ЛЕДОВЫЙ КОМИССАР

О. Ю. Шмидт. 1891—1956.

Обсуждается план экспедиции на Северный полюс. Справа от О. Ю. Шмидта М. Т. Слепнев; слева — Н. П. Каманин — отважные летчики, первые Герои Советского Союза.

Отъезд экспедиции, высадившей отважную четверку папанинцев. Май 1937 года.

В полярных льдах не прекращалась работа над математическими исследованиями.

Отто Юльевичу Шмидту исполнилось бы сейчас 75 лет...

Имя его стало легендарным еще при жизни. Математик, географ, геофизик, астроном, философ-естествоиспытатель, историк науки, академик О. Ю. Шмидт особенно прославился как руководитель крупнейших арктических экспедиций. Он доказал возможность прохождения Северного морского пути в одну навигацию, руководил первыми советскими полярниками, высадившимися на Северном полюсе. Интересно, что и на льдине руководитель всех работ О. Ю. Шмидт оставался профессором, ученым-энциклопедистом. В своей палатке Отто Юльевич вел семинары по диалектическому материализму. В дневниках челюскинцев рассказывается, что Отто Юльевич проводил беседы на самые различные темы: о социализме, пролетарской диктатуре и государстве, о будущем социалистическом обществе, о проблемах эволюционной теории и психоанализа, о советской поэзии, о творчестве Гейне, о современной науке. На льдине обсуждалась мысль о необходимости создания в нашей стране научно-исследовательского института для изучения различных теоретических научных проблем вне зависимости от принадлежности к той или иной дисциплине.

В дни челюскинской эпопеи весны 1934 года во всем мире печатались сообщения из ледового лагеря Шмидта. «Ледовым комиссаром» называли его в ту пору. Во всем мире дети играли в лагерь Шмидта, в челюскинцев.

Отто Юльевич собирался написать работу о научном изучении Арктики. Сохранилась его рукописная заметка, помеченная маем 1942 года: «Написать историю научного освещения Арктики. Обычно либо стараются перечислить все древние упоминания и все дальнейшие экспедиции — это полезно, но это не наука. Или же описывают подробно — с приключениями главнейшие экспедиции. Это занимательно, но тем более не наука. Хотел бы изложить историю постановки и решения проблем, смену незнания знанием в историческом развитии в связи с общим ростом науки и конкретными условиями эпох — до советской включительно».

Задумал он написать свои арктические воспоминания. Однако тяжелая болезнь — туберкулез легких — не позволила осуществить эти замыслы. Последние годы жизни Героя Советского Союза коммуниста с 1918 года Отто Юльевича Шмидта были не менее героическими, чем годы его прославленных экспедиций. Схваченный болезнью, большую часть времени вынужденный проводить в постели, ученый самоотверженно трудился над новой теорией происхождения Земли и планет.

Яркая жизнь Отто Юльевича Шмидта, его многосторонняя научная деятельность и сейчас привлекают большое внимание. «Огонек» публикует подборку малоизвестных фотографий, рассказывающих о жизни ледового комиссара.

Забавные мелочи забавные

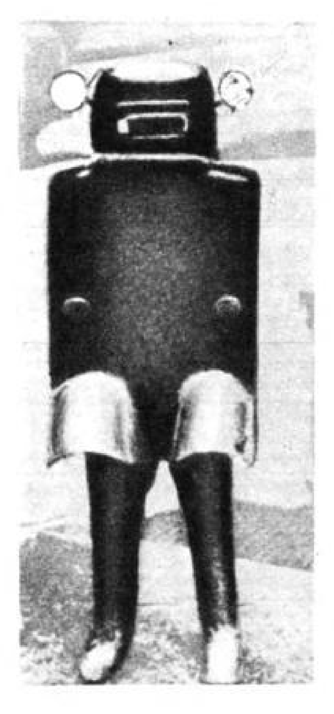

«ЧИСТИ САМ»

На улицах Каунаса можно не искать чистильщика обуви. К вашим услугам набор щеток и ваксы любых цветов. Есть, конечно, и щель для трехкопеечной монеты.

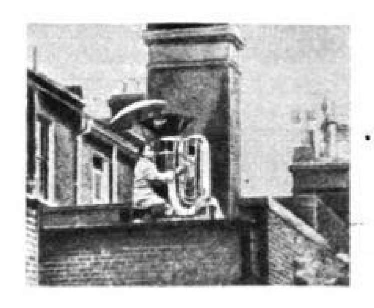
Фото А. МИХАЛКОВА.

МУКИ СО «СТАРЫМ ДЖО»

«Старый Джо» — духовой инструмент, самая большая труба в мире: ее высота — два метра, весит она пятьдесят килограммов, а диаметр отверстия больше метра. На этой трубе, изготовленной 70 лет назад, сейчас играет лондонец Рон Снайдер. Репетиции музыканта связаны с большими трудностями: чтобы не беспокоить соседей, которые уже не раз жаловались на него, Рону приходится забираться на крышу.

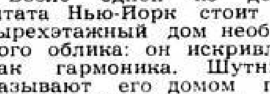

ЛЕБЕДЬ ПОД БЕРЕЗОЙ

Этим летом я отдыхал в санатории «Борок» в Смоленской области. Однажды, когда мы ходили по грибы, я нашел интересный подберезовик, который очень напоминает плавающего лебедя.

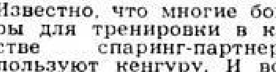
И. УДАЛЫХ

ДОМ ДЛЯ ПРОВЕРКИ

Возле одной из дорог штата Нью-Йорк стоит четырехэтажный дом необычного облика: он искривлен, как гармоника. Шутники называют его домом пробы. Ни один водитель под хмельком не проедет мимо, чтобы не остановиться и не постараться определить, на самом ли деле у дома такой облик или же это результат выпитого виски.

ТОЛЬКО В ПОСЛЕДНЕМ РАУНДЕ...

Известно, что многие боксеры для тренировки в качестве спаринг-партнера используют кенгуру. И вот недавно такой кенгуру-боксер с перчатками на лапах выскочил из квартиры одного японца на токийские улицы, вызвав панику среди прохожих. В погоню за боксером устремилось несколько полицейских машин. Окруженный кенгуру отчаянно отбивался, показывая незаурядное мастерство, и был побежден только после упорной борьбы.

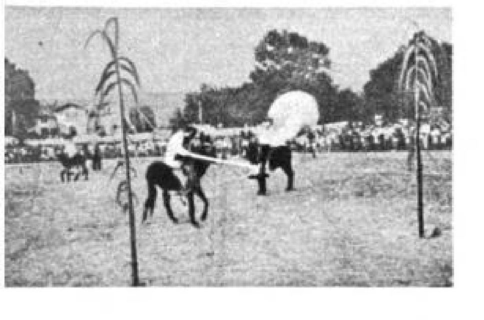
РОБОТ

В таком стальном панцире полицейский города Детройта (США) похож на робота. В броне четыре отверстия: для глаз и оружия. В верхней части два сильных прожектора.

ПОЛИЦИЯ И МОДА

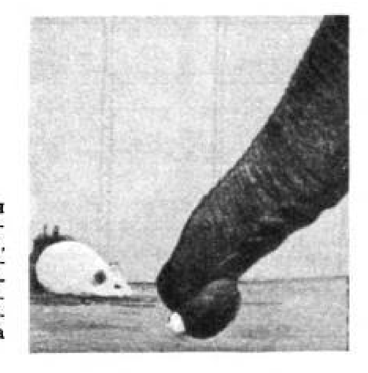

Французский законодатель мод Жак Эстерель упорно предлагает свою «мини-моду» с ультракороткими платьями. Однако это не все принимают с восторгом. Одной из парижских красавиц, появившейся в таком платье на улице, пришлось пройти в ближайший участок в сопровождении ажана.

ПОЛО НА ОСЛАХ

Поло — всем известная спортивная игра в мяч верхом на лошадях. Однако, оказывается, лошадей можно заменить и другими животными. На одном югославском курорте было проведено состязание в поло на ослах.

ЗАБОТЛИВЫЙ СОСЕД

Говорят, слоны боятся мышей. Что это не совсем верно, доказал Ганнибал, слон из Уэльского зоопарка (Великобритания). Он так подружился с белой мышью, живущей в норе под его клеткой, что делится с ней всеми лакомствами, получаемыми от посетителей.

Лев САМОЙЛОВ, Михаил ВИРТ

ГЛАВА 11

БЕГСТВО ЛУНЕВА

Ночью Луневу снились кошмарные сны. То в темной подворотне его загонял в угол Лаше и вытаскивал огромный, почему-то желтый нож, то виделся Семен Мухин, сидевший на полу и сердито грозивший пальцем. Потом замелькали столики пивного бара, смеющийся буфетчик, бегущий следом оперативник в белой рубашке. Виктор хрипел, метался, бормотал невнятные слова, в конце концов вскакивал и некоторое время сидел на диване, тяжело дыша и уставившись в одну точку. Чуть успокоившись, он ложился, снова засыпал, и все начиналось сызнова.

В баре посетителей еще не было. Лунев пришел первым. Безлюдное, полутемное помещение знакомого полуподвальчика слегка успокоило вконец расшалившиеся нервы. За прилавком копошился буфетчик, в зале скребком и веником сердито орудовала уборщица тетя Феня, то и дело недобрым словом поминая неопрятных посетителей. Сейчас Виктору было не до ворчания уборщицы. Не здороваясь с ней, он быстро прошагал к буфету и, перегнувшись через стойку, хриплым от волнения голосом попросил:

— Дядя Саня, да оторвись ты, разговор есть.

Буфетчик отозвался не сразу. Минуту-другую он еще передвигал бутылки, гремел посудой, потом обернулся и с удивлением воззрился на парня.

— Витек, ты что это спозаранку? Не работаешь, что ли?

— Потом, потом,— нетерпеливо перебил Лунев.— Разговор есть серьезный. Я к тебе, как к отцу родному. Не с кем мне больше...

Недоверчиво хмыкнув, буфетчик приоткрыл створку прилавка, пропустил к себе Виктора и вместе с ним прошел в крохотную заднюю комнатушку, видимо, служившую одновременно и складским помещением и бухгалтерией.

— Сидай, хлопец,— показал он на колченогий стул в глубине комнаты, сам взгромоздился на бочонок, смахнув с него несколько листков бумаги.— Что стряслось? Да на тебе лица нет. Мать померла?

— Жива мать, в санатории отдыхает. Не о ней разговор. В беду я попал, да в такую, что не знаю, унесу ли ноги.

И, не ожидая дальнейших расспросов, Виктор поведал внимательно слушавшему буфетчику все, что случилось с ним за последние три дня. Торопливо, но обстоятельно рассказал о поручении Якова Васильевича, о посещении в тот же день старика Мухина, о встрече с Лаше и полученных деньгах, о том, как был «зацапан». Оперативники с Петровки, 38, выглядели в пересказе Лунева всезнающими и всевидящими.

— Они мою житуху во как изучили: от корки и до корки!— не без хвастовства сказал Лунев, а потом признался, что, боясь, как бы ему не пришили дело, выложил на допросе большому начальнику по имени Федор Георгиевич все о Мухине, о Якове Васильевиче и о Лаше.

Но буфетчика мало интересовали подробности. Задав Виктору несколько вопросов о встрече с Яковом Васильевичем и Лаше, полюбопытствовал, не скрыл ли парень чего на Петровке, и осуждающе покачал головой.

— Зря болтал. За такое знаешь что бывает...

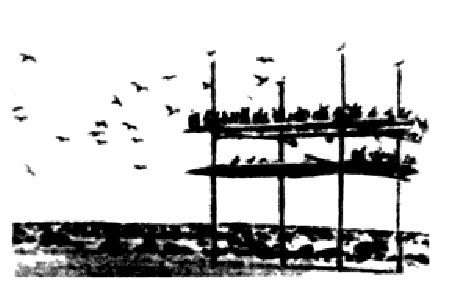
Продолжение. См. «Огонек» №№ 36—39.

ЗАБОТЫ МАЛЕНЬКОЙ СИЛЬВИИ

Пятнадцатилетняя француженка Сильвия Свец, выступая на одном радиоконкурсе, получила в виде премии красивую собаку Лину далматинской породы. Вскоре собака ощенилась двенадцатью щенятами, а спустя немного одна из дочерей Лины тоже принесла двенадцать щенят. Чем окончится такое размножение, сказать трудно. Пока все это потомство находится на попечении маленькой Сильвии и ее родных.

●

СТОЯНКИ ДЛЯ ПЕРНАТЫХ

На юго-западных берегах Африки птицы наносят большой ущерб линиям электропередач. Пернатые садятся на провода, которые под их тяжестью обрываются. Чтобы отвлечь птиц от проводов, там установили вдоль линий специальные платформы. Птицы охотно воспользовались этим изобретением.

КАК МЫ ВЕРНУЛИ ГАРМОНИЮ

Илия ПОПОВСКИ

Рассказ

На проходившем недавно в Софии международном конкурсе на лучшую европейскую юмореску 1966 года этот рассказ получил вторую премию.

Годами был у нас в доме такой обычай: что ни случись — виноват Нацко, сыночек наш, будь он жив и здоров!..

Обнаружилась, скажем, разбитая чашка в кухне — жена тотчас кричит:

— Эх ты, раззява! Где у тебя глаза были?!.

— Не понимаю твоих инсинуаций! — не даюсь я ей живым в руки.— Если ты считаешь, что разбил эту чашку я, то жестоко ошибаешься!

— Ага! Значит, по-твоему, это я ее разбила?

— Я не утверждаю, что ты. Я только говорю, что не я!..

Ну и, конечно, приходим к выводу, что разбил чашку Нацко. Кто же еще мог?..

А он, папина радость, такой смирненький, такой миролюбивый. Пожимает плечиками, улыбается: что, мол, поделаешь, бывает, такое уж вышло стечение обстоятельств...

Ясно, мы его никогда не били, не наказывали. Во-первых, дитя; во-вторых, сам признал свою вину, отнесся но всему самокритично, и всякое применение принудительных мер внушения было бы и излишне и непедагогично.

Вот так и жили мы все трое в полной, идеальной гармонии.

Пролил, скажем, кто-то чернила на новый ковер. Кто? Нацко... Забыл кто-то выключить электроплитку и сгорела яичница вместе со сковородкой — кто это сделал? Опять же Нацко...

Вспоминается мне один комический случай. Однажды снует жена, как всегда, по дому, и вдруг слышу я ее писклявое сопрано:

— Боже мой! Люди! Вчера купила я целый литр раньи!..

— И что случилось? — спрашиваю.

— Пропала ранья, чуть-чуть на донышке осталось...

— А почему ты именно мне об этом сообщаешь? Что я, по-твоему, псих, чтобы выпить литр раньи?!.

— А я? Ты же знаешь, что я не пью!..

Продискутировали мы эту проблему, рассмотрели вопрос по частям и в целом, но факт остался фактом: раньи-то в бутылке нет... Кто-то выпил... Как ни крути, выходит, Нацко. Спросили мы его, а он, птенец глупенький, молчит, улыбается, плечиками пожимает...

Так все и шло до конца прошлого месяца.

...Настало одно прекрасное утро. Туман. Прохладно. Стою я в ванной, бреюсь электробритвой моего Нацко и оптимистически посвистываю. Вдруг раздается энергичный монолог моей супруги:

— Боже мой, да ведь это форменный скандал! Вчера вечером своими руками положила в холодильник полкило ветчины, а сейчас там ни кусочка!.. Опять ты ночью лазил туда, обжора несчастный! Вот подожди, повысится у тебя давление, разразится гастрит, на глаза мне не показывайся!..

— На кого нацелено острие твоей критики? — кричу жене из ванной.

— На того, кто съел ветчину. На тебя, разумеется!..

— Прости, моя дорогая, но я и пальцем не дотронулся до инкриминируемого мне вышеуказанного пищевого продукта!..

— Неужели?.. Значит, я сама ее съела?

— Этого я не говорю. Я лишь утверждаю, что я ее не ел.

— Кто же тогда?..

В это время в ванную вошел Нацко, наш повзрослевший сын.

— Тогда, значит, Нацко! — кричит жена, используя наш многолетний опыт.

— Конечно, он,— поддержал я.

И вот тут-то и произошло э т о...

Сын нагнулся надо мной и, не улыбаясь, не пожимая плечами, говорит:

— Слушай, папа, я не трогал эту ветчину!..

Вошла жена.

— Что ты говоришь, сынок?

— Не трогал я вашу ветчину!

— Ну, не надо запираться, сыночек! Ну, взял, ну, съел, и что тут, в общем-то, такого! Съел, и на здоровье!.. Мы ведь и покупали ее для тебя...

— Говорю вам, не брал я этой ветчины,— басит сын.

— Ну тогда, конечно, ее съел твой ненасытный папаша!

Тут принципиально взорвался я:

— Ты не имеешь права оскорблять меня! Я заявил вполне официально: ветчину я не ел!..

— Ну, ладно, ладно. Ты не ел, я не ела, Нацко не ел. А ветчины-то нет?..

Постояли мы все трое, посмотрели друг на друга. Минуту, две... Что делать?

— Хорошо,— загремел я, вполне законно разгневанный.— Хорошо! Хоть я и невинен, как Мария Магдалина, принимаю вину на себя! Но, учтите, с одной только целью: сохранить мир в доме!.. А в будущем... В будущем... Знаешь что, быстро переселяй к нам свою маму,— тихо заканчиваю я, обращаясь к жене.

Жена молниеносно понимает мою идею и больше не произносит ни слова.

Не прошло и трех дней, как моя теща переехала к нам.

И вот теперь в наш дом вернулось прежнее единство, прежняя гармония.

Сегодня, например, жена подняла панику:

— Гром тебя срази! Вчера купила две пачки сигарет для гостей, а ты...

— Что «ты»?! — зарычал я.— Почему «ты»?!

— Потому что ты их выкурил! Ты!..

— Сохрани боже! Я и понятия не имел, что у тебя есть сигареты!..

— В этом доме человек может с ума сойти! — кричит жена.— Ты не курил, я не курила...

— Это Нацко,— стихийно вырвалось у меня.

— Не вмешивайте меня в эти дела! — крикнул сын из другой комнаты.— Во-первых, я не курю, а во-вторых, не переношу я этого вашего фильтра!..

— Но ведь не могли же сигареты испариться...

И вдруг жена бросила на меня этакий теплый, нежный взгляд.

— Милый, я вспомнила... Это мама...

— Но ведь она не курит?

— Ах, дорогой, знаешь, старый, что малый... Думаешь, помнит она: курит или нет?..

Так в нашей семье вновь наступили мир и благоденствие. Мы, все трое, можем делать все что угодно, теперь это не имеет никакого значения. Ведь есть на свете теща, представитель старшего поколения. Сидит старушка на кухне, только пожимает плечиками, улыбается... И принимает любую критику молча, не вступая с нами в споры...

Это, в общем-то, и не удивительно: она совершенно глуха.

С сербскохорватского перевел Г. Кофман.

У ребят руки длинные. Дурак ты, парень, сам на нож лезешь.

— Понял я это, дядя Саня, да уже поздно. Как вчера ночью у дома в воротах встретил Лаше, чуть от страха не помер. Страшный он человек, настоящая тигра.

— Ах вот как, Лаше встретил! О чем он тебя спрашивал? — оживился буфетчик.

Выслушав Виктора, он почесал затылок.

— И чего тебе, теленку, понадобилось с хищником дружбу сводить! Вот что, голуба, хватит разговора, мотай из города. И чем быстрее, тем лучше, пока цел.— Буфетчик тяжело поднялся.— Здесь выйдешь.— И он толкнул маленькую дверцу в углу комнатушки.

Лунев ушел.

В этот вечер буфетчик недолго пробыл в баре. Сославшись на семейные дела, он передал хозяйство тете Фене и рано ушел с работы.

Щелкнул замок, звякнула цепочка второго для надежности запора, и обитая войлоком дверь неслышно открылась. На пороге стоял Яков Васильевич. Одетый в цветной плюшевый халат с кистями, в шлепанцах на босу ногу, простоволосый и небритый, он напоминал запившего купца.

— Александр Степанович! Какими судьбами в наших краях? — засуетился Яшка.— Чем обязан? Прошу, прошу...

Гость ответил не сразу. Вошел, огляделся и негромко спросил:

— Есть кто дома?

Яков Васильевич мотнул головой. Ему не терпелось побыстрее узнать причину столь неожиданного прихода. Но гость не спеша потянулся к дивану, где в беспорядке были раскинуты беговые программки, наугад взял одну и стал листать.

— Скажи, пожалуйста... Апикс-Ганновер,— и многозначительно покрутил головой.

— Сыграть хотите, Александр Степанович? Для вас все сделаю... Можно наверняка.

— Не до этого, Яков Васильевич, дело у меня к тебе серьезное, куда серьезнее, чем эта шарашкина фабрика.— Он кивнул в сторону программок.

— Что случилось? — В голосе хозяина прозвучала тревога.

— Только что у себя в баре услыхал я одну историю. Поганую историю. Пришел предупредить. Уж не знаю, будешь ли ты и твой дружок мне благодарны. Серьезное дело.

— О чем разговор! Услуг я никогда не забываю и не торгуюсь.

— Лады! И по этому пунктику, значит, договорились.

— Что случилось?

— Витьку Лунева знаешь?

— Какого Лунева? Пацана этого? Видел.

— На другой день после убийства Мухина уголовный розыск взял его. Раскололи парня. Выложил он им все, что знал: и про твое поручение зайти к Мухину и про посещение Лаше мухиновской квартиры...

— Сволочь! — сквозь зубы процедил Яков Васильевич.

— При чем тут мальчишка! Зачем сволочишь? Его Федор Гончаров допрашивал.

— Гончаров?! — упавшим голосом повторил Пузач.— Да, против такого Витьке не выстоять. Не по плечу.

— То-то и оно! Придется сматываться, Яков Васильевич.

— Это почему же? — вскинулся хозяин.— Я слышал, что старика дочернин хахаль убил. Я-то тут при чем?

— Тебе виднее,— флегматично ответил буфетчик и потянулся к беговой программке.

— Хватит ерундой заниматься,— не выдержал Пузач.— Говори все, что слышал. Ведь знаешь, за мной не пропадет.

— Знаю. Вот я и пришел обо всем рассказать, да, видать, тебе неинтересно. Чего ты мне комедию ломаешь: дочернин хахаль... Я, мол, ни при чем... Кому мозги вкручиваешь?! Или, думаешь, Гончаров хуже тебя соображает?

— Ты меня не коли,— огрызнулся Пузач.

— А мне-то что? — усмехнулся гость.— Я к тебе по старому знакомству наведался. Знаю, калач ты тертый, в разных переделках бывал. Устоишь. Да не хлипок ли твой помощничек?

— Клеить мне никого не надо. Он сам по себе, я сам по себе. А вообще за Ремку не тревожься. Он у меня во где! — Яков Васильевич сжал мясистый кулак.— В огонь за меня пойдет, скажу, чтобы утоп,— утопнет.

— Ври, да не завирайся,— недоверчиво протянул Александр Степанович.

— А что, точно! — пуще прежнего распалился Пузач.— Если бы не я, знаешь, где бы Ремка сейчас находился?

— Меня ваши дела не интересуют,— оборвал гость.— Смотри, как бы самого не упекли. И зачем на мокрое дело полез?

— Какое мокрое? Чего мелешь? — Хозяин боязливо огляделся по сторонам.

Гость не ответил, отмахнулся, как от назойливой мухи: опять, дескать, свое.

Яков Васильевич долго, неотрывно смотрел на буфетчика, будто хотел просверлить его взглядом. Потом решительно встал, вышел в соседнюю комнату, повозился где-то в сенцах и вернулся, неся в руке два кольца.

— Хотя за мной ничего такого нет, но Яшка услуг не забывает.— Он протянул кольца бу-

НАША ГОСТЬЯ — АННА МАНЬЯНИ

Анна Маньяни... Великолепную актрису Италии запомнили советские зрители в фильмах «Рим — открытый город», «Самая красивая», «Мечты на дорогах», где она создала характер женщины грубоватой и резкой, настойчивой, но при этом наделенной такой чудесной убежденностью, которая внушает уважение и позволяет понять и полюбить ее... В спектакле «Волчица» Римского драматического театра, поставленном Ф. Дзеффирели по драме Д. Верга, актриса играет главную роль.

— Роль Пины давно влекла меня,— рассказывала нам Анна Маньяни.— Несколько лет назад я была приглашена в кино на эту роль, но сценарий искажал пьесу, и я отказалась от съемок. Зато с огромной радостью приняла я предложение Франко Дзеффирели сыграть Пину в его спектакле. Образ этот трагичен: мать взрослой девушки полюбила молодого парня Нанни, а он становится мужем ее дочери. Мне хотелось раскрыть трагедию поздней любви, показав страсть, сжигающую человека, заставляющую предпочесть смерть смирению перед судьбой... Меня в искусстве всегда привлекали люди огромной воли, идущие к своей цели наперекор всему,— личности цельные и значительные...

Жаль,— продолжала Маньяни,— что ваши зрители не видели моих любимых фильмов: «Чудо», «Человеческий голос», «Мама Рома»... Сейчас я не снимаюсь. Мне предложили роль в американском фильме «Боинг-Боинг», а я отказалась: не хочу играть неинтересные роли. После десятилетнего перерыва вернулась в театр и счастлива! Работа в театре приносит мне огромное творческое удовлетворение.

На снимке: Анна Маньяни в спектакле «Волчица».

Фото А. Канашевича.

ПОСЛУШНЫЕ ПАЦИЕНТЫ

Фото А. Устинова.

Как известно, животные тоже иногда чувствуют недомогание, хотя и не могут сказать, что у них болит. Очень грустно бывает глядеть на захворавшую собаку или кролика. Но хозяевам расстраиваться не следует, нужно поспешить с больным к доктору.

Фотокорреспондент побывал в одной из ветеринарных лечебниц Москвы, обслуживающей Киевский и Ленинский районы, и вот какие сценки он там увидел.

Юннаты детского парка в Филях Катя Ларионова и Сережа Киреев принесли на прием заболевшую крольчиху и ее крольчонка.

Санитарка Антонина Егоровна Мосолова взяла под свою опеку трех цыплят. Чтобы преодолеть отставание в росте, им необходимо облучение кварцевой лампой.

После выступления «Огонька»

«АРХИМЕД И ОБЩЕПИТ»

Опубликованный в журнале «Огонек» № 33 за 1966 год фельетон «Архимед и общепит» обсужден в коллективах предприятий трестов столовых и ресторанов Новосибирска.

Управление общественного питания Новосибирского облисполкома провело расширенное оперативное совещание с участием директоров трестов, ресторанов и кафе, на котором был обсужден фельетон «Архимед и общепит».

Изложенные в фельетоне факты низкого уровня культуры обслуживания в отдельных ресторанах и кафе Новосибирска, в частности в кафе «Эврика», подтвердились.

Директору кафе И. Н. Бойнову объявлен строгий выговор. Проведены семинары с администраторами и официантами кафе. Организованы курсы (без отрыва от производства) повышения квалификации официантов. Установлен контроль за соблюдением ассортиментного минимума для кафе.

Для усиления контроля за работой в кафе введена должность администратора.

В первой половине сентября намечено провести актив работников общественного питания города.

П. МОСКВИНА,
начальник управления общественного питания облисполкома

фетчику.— Подбери хорошего покупателя. Что выручишь — пополам.

— Добре,— без особого энтузиазма согласился гость и сунул кольца в карман.— Вот это уже подходящее дело, а ты обмозгуй, что к чему. Если непричастен,— о чем разговор, тогда все в порядке, а если твоих рук,— выкручивайся. Не мне тебя учить. Ну, я пошел. Мне тут задерживаться тоже ни к чему. Будь здоров. Заходи.— Он пожал руку Якову Васильевичу и направился к двери.

Проехав в трамвае несколько остановок, Александр Степанович вышел, поискал телефон-автомат, зашел, плотно прикрыл за собой дверь кабины и набрал нужный номер. Раздался характерный щелчок. На другом конце города кто-то поднял трубку.

ГЛАВА 12

НЕОЖИДАННЫЙ ВИЗИТ

Сегодня прокурор Сергей Сергеевич слегка волновался. Он вновь перечитал дело — следовало кое-что освежить в памяти,— посмотрел на стенные часы — что-то опаздывает подполковник — и потянулся к звонку, чтобы пригласить к себе следователя Николая Петровича Куликова и вызвать подследственного.

Только очень наблюдательный человек сумел бы подметить едва уловимые изменения, происшедшие в поведении Зотова. Он вошел, держа руки за спиной, слегка сутулясь, не поднимая глаз.

Обычно безразличный ко всему, что происходит вокруг, Зотов сейчас даже не пытался скрыть удивление при виде нового человека, с откровенным любопытством разглядывавшего его.

— Как на медкомиссии,— невесело пошутил он.

— А что же, удачное сравнение,— улыбнулся прокурор,— мы сейчас и есть медкомиссия, и диагноз нам нужно поставить быстро и точно.

Зотов никак не реагировал на реплику. Задумавшись, он смотрел в открытое окно.

— Вот что, гражданин Зотов,— уже резко продолжил прокурор.— На прошлом допросе вы заявили, что убили Мухина. Всякое признание обвиняемым своей вины должно быть подкреплено фактами. Таких фактов мы не нашли, более того, вы запутали дело. Чем вы при этом руководствовались, я могу только догадываться. А ваше поведение сравнимо лишь с поведением истерика.

— Спасибо за сравнение,— глухо сказал Зотов и опустил голову.

— Благодарить, скажем прямо, не за что. Да и от нас ты вряд ли благодарность услышишь,— перешел на «ты» Сергей Сергеевич,— целую неделю следователю голову морочишь. Мутная страстишка, да-да, именно страстишка, заслонила все: и логику и разум. Вначале все отрицал, потом в молчанку играл, потом завопил: вяжите, я убийца! Хорош бы ты был, если бы мы формально подошли к делу, не цацкались с тобой.

— И правильно сделали бы.

— Нет, некрепкий у тебя характер, скисаешь в минуты беды. А то, что по твоей милости по советской земле бандит ходит, что за эти дни он еще кого может убить, это тебя не касается.

— Не убивал я...— негромко сказал Зотов и поднял голову.— Можете не верить, не убивал.

— Так какие же твои показания в конце концов правильные: те, которые ты дал на очной ставке, или те, которые даешь сейчас?

— Не убивал я.

— Может быть, тебя принуждали давать показания, угрожали?

— Никто мне не угрожал.

Наступило молчание.

Опоздавший к началу разговора и поэтому примостившийся на стуле возле двери, подполковник Гончаров спросил:

— Скажите, Зотов, когда вы вошли, вернее, вбежали в комнату Мухина, вы никого там не застали?

— Никого.

— Окно было открыто?

— Нет, закрыто. Это я точно помню.

— А шкаф, платяной шкаф тоже закрыт?

— Не помню, по-моему, да,— после короткого раздумья ответил Зотов.

— Еще вопрос. На столе у Мухина вы не заметили чего-нибудь такого особенного?

— Нет.

— Скажем, каких-нибудь драгоценностей?

— Нет.

— Где был хозяин, когда вы вошли?

— Сидел на диване.

— Повторите все, о чем вы говорили с Мухиным.

Однако допрос пришлось прервать. В кабинет вошел секретарь и о чем-то тихо доложил прокурору. Судя по округлившимся глазам Сергея Сергеевича, секретарь сообщил что-то весьма интересное. Когда Зотова увели, прокурор поочередно оглядел Гончарова и Куликова, будто видел их впервые, и произнес негромко, ни к кому не обращаясь:

— Еще один сюрприз. В приемной дожидается Лаше. Он хочет дать показания об убийстве Семена Мухина, очевидцем которого непосредственно является. Что скажете?

Отозвался Гончаров:

— Сергей Сергеевич, я не успел сообщить

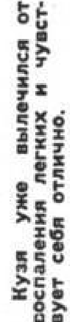

Врач Лев Ильич Фейгин сначала выслушал пациента, затем поставил диагноз и назначил лечение. Хозяева боксера Бема могут не волноваться: он поправится.

А. Г. Козлова привезла этого попугая из жарких стран. В Москве он занемог, а в чем дело — неизвестно, хотя попугай говорящий, знает пятьдесят слов.
Врач Юлиан Сергеевич Селю быстро определил: не хватает витаминов, надо сделать укол.

Кузя уже вылечился от воспаления легких и чувствует себя отлично.

вам о донесении, которое получил сегодня. Когда ознакомитесь с ним, поймете, что я крепко просчитался. Давайте посмотрим спектакль, приготовленный нам Лаше.

Федор Георгиевич подошел к столу. Он хотел внимательно вглядеться в неожиданного посетителя.

В сером костюме модного покроя, в узких замшевых туфлях, с ярким галстуком, Лаше напоминал манекенщика на демонстрации новых образцов одежды. Он вошел уверенно, улыбнулся присутствующим и направился к столу, где его стоя ждал Сергей Сергеевич.

«Хлыщ!» — подумал Гончаров и тут же отказался от этой чересчур поспешной характеристики.

Федор Георгиевич отдавал должное хладнокровию и выдержке Лаше.

Без запинок, будто выученный урок, тот рассказал о своем посещении квартиры Мухина. Рассказал о том, что бывал у него раньше, когда трудно было с деньгами.

— Мухин — ростовщик, скупщик ценностей. Да вы об этом, наверное, знаете не хуже меня,— доверительно признался Лаше.

Что же, не стоит его разубеждать, хотя о подпольных делах Семена Мухина до самой его смерти в угрозыске ничего не было известно. Печально, но факт.

Да, Лаше принес Мухину нитку жемчуга. Недавний подарок матери. Он берег родительский дар сколько мог, но сейчас трудно с деньгами, и он решил продать. Почему не отнес в комиссионный магазин? Мало платят.

Лаше пришел к Мухину в девять часов вечера. Отворил сам Семен Федотыч. Гончаров мысленно зафиксировал, что в этом вопросе Лаше точен. Соседка в девять часов еще не вернулась из церкви. А дальше? Дальше гость и хозяин прошли в комнату, и начался торг.

— Я еще днем подослал к Мухину одного паренька,— пояснил Лаше,— предупредить о своем приходе, назвать цену жемчуга.

— Какую?

— Пятьсот рублей. Я завысил цену, зная по прошлому, что старик будет торговаться как окаянный. Но деловой разговор в самом начале был сорван каким-то бешеным, ворвавшимся в комнату.

Со слов Лаше, он еле успел схватить со стола жемчуг и спрятаться за платяной шкаф возле стены, недалеко от окна. Затем начался какой-то непонятный ему разговор:

«— Отдашь за меня?!

— Не отдам.

— Убью!

— Попробуй! Вон отсюда, голодранец, рвань!»

— Бешеный схватил что-то, кажется, пресс-папье, ударил Мухина и кинулся обратно из комнаты.

Лаше признался, что в этот момент он крепко струхнул. В доме его никто не знает. В руке жемчуг. Всякое могли подумать.

— Каким путем вы бежали?— поинтересовался Сергей Сергеевич.

— Через окно.

— Окно было открыто?

— Да.

— А куда дели жемчуг?

— Я же сказал: схватил его, когда прятался за шкаф. Вот он.— Лаше вытащил из кармана и положил на стол нитку с тускло поблескивающими горошинами.— Семейное, можете проверить.

— Зачем же? Мы вам верим...

— А почему вы прятались?— задал вопрос Куликов.

— Не знаю,— признался Лаше.— Семен Федотыч махнул мне рукой, когда постучали в дверь. Показал в сторону шкафа, дескать, туда... Он не хотел, чтобы меня кто-то увидел.

— Зачем вы сюда пришли, Лаше?— неожиданно спросил Гончаров.

— Я узнал от паренька, которого посылал к Мухину, что старик убит. Вначале я думал, что бешеный просто стукнул его, и он потерял сознание. Можете не верить, но это так. А раз человек убит, значит, начался розыск и следствие. Я не хочу покрывать убийцу и не хочу, чтобы подумали, будто я прячусь. Попадать в поле вашего внимания не особенно приятно, ну, а уж коли пришлось, так с открытым сердцем.

— В каком месте комнаты упал от удара Мухин?

Лаше чуть помедлил:

— Возле дивана, ближе к двери.

— Я вас попрошу,— вмешался прокурор,— опишите все, что на ваших глазах произошло в комнате Мухина. Не торопясь, обстоятельно. Если что запамятовали, так и пишите.

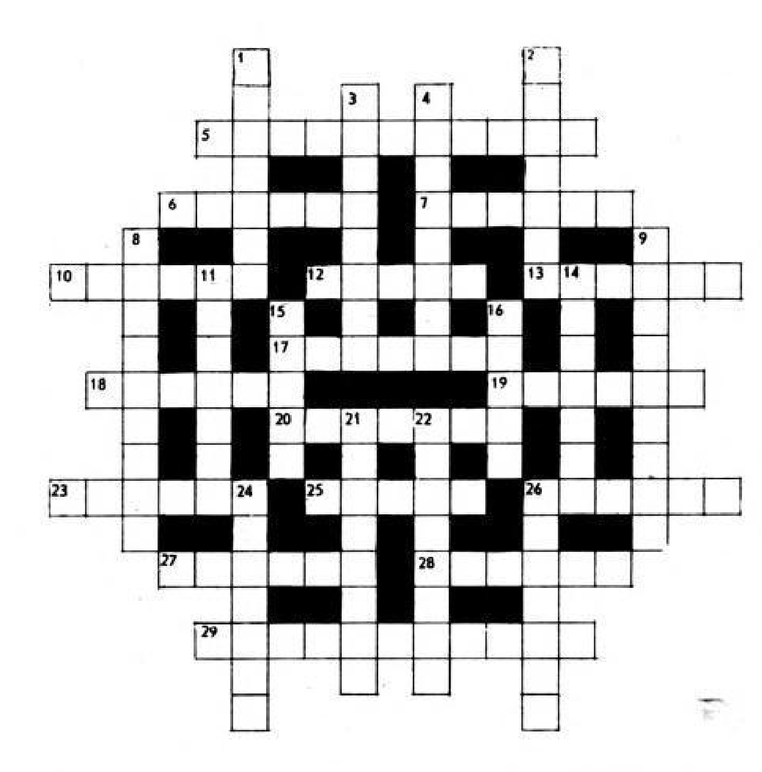
— Да вроде все помню. Не каждый день человека на глазах убивают,— отозвался Лаше.— Давайте бумагу, я мигом.

Примостившись в отдалении у журнального столика, Лаше начал писать.

Несколько минут Гончаров с откровенным любопытством разглядывал его, потом наклонился к прокурору и сказал шепотом:

— Дело в том, Сергей Сергеевич, что этот пижон не только не убивал, но даже не был в квартире Мухина. Он лжесвидетель.

Окончание следует.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Русский писатель. 6. Черный дельфин. 7. Повторение стиха в конце строфы. 10. Женская кофточка. 12. Ягода. 13. Роман В. Пруса. 17. Духовой инструмент. 18. Денежная единица Венгерской Народной Республики. 19. Сплав меди с цинком. 20. Город в Чехословакии. 23. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 25. Приток Днепра. 26. Многоместный самолет. 27. Древнейшее государство, существовавшее на территории СССР. 28. Высокая пальма. 29. Медицинское учреждение.

По вертикали:

1. Запись исторических событий. 2. Цитата, изречение перед текстом. 3. Исследовательница Центральной Азии. 4. Архитектор, построивший Смольный институт. 8. Комическое театральное представление. 9. Памятник древнерусской литературы XIV века. 11. Старший в спортивной команде. 14. Северная область Земли. 15. Открытый прилавок. 16. Камчатский бобр. 21. Птица отряда куликов. 22. Ископаемый уголь. 24. Озеро в Казахстане. 26. Персонаж романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

По горизонтали:

7. Камертон. 8. Метафора. 9. Шприц. 10. Песец. 14. Бобслей. 15. Аполлон. 16. Вазов. 17. Горизонт. 19. Аэродром. 20. Хламидомонада. 23. Эстокада. 24. Мицкевич. 25. Бином. 27. Лисичка. 29. Пикассо. 30. Карат. 31. Парча. 32. Оператор. 33. Лукреций.

По вертикали:

1. Мравинский. 2. Гарибальди. 3. Припай. 4. Позитив. 5. Мелехов. 6. Галета. 11. Соболевский. 12. Сизоворонка. 13. Новосибирск. 18. Тумба. 19. Арнем. 21. Поликарпов. 22. Педагогика. 25. Балатон. 26. Манагуа. 28. Ананас. 29. Печора.

На первой странице обложки: Владимир Андреевич Жаворонков, старший плавильщик Мончегорского комбината «Североникель» в Мурманской области.

На последней странице обложки: Дары тундры.

Фото Б. Кузьмина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление И. МИХАЙЛИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10714. Подписано к печати 28/IX 1966 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. Печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 7,0. Тираж 2 000 000. Изд. № 1724. Заказ № 2547.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

НЕУЖЕЛИ ЭТО Я?

— Неужели это я был таким!

Римма ЛИХАЧ

Фото автора.

В редакции раздался телефонный звонок, и какая-то женщина сообщила нам:

— В двадцать втором номере вашего журнала за 1960 год был опубликован портрет мальчика. Это Ванюша, сын моих знакомых. Так вот я хочу вам сказать, что Ваня Затевахин в нынешнем году пойдет в первый класс...

Как бежит время! Порой, только глядя на детей, замечаешь это. Каким стал Ваня, который тогда всем нам очень понравился своими удивленными глазами и забавным хохолком? Как живут его папа и мама — в 1960 году они были студентами медицинского института?

И вот я стояла у ворот школы и ждала, когда появится Ваня. Вижу торжественное и радостное шествие семей. Мамы, папы, бабушки, дедушки, братья, сестры — гордые, счастливые — провожают своих малышей в первый раз в школу. А те с цветами в руках не идут, а выступают, и все, как один, сияют.

Вот и Ваня. Такой же, как все,— сияющая физиономия, цветы в руках. Его провожает мама, Марина. Впрочем, теперь ее надо величать по имени и отчеству: Марина Вадимовна — ведь она уже не студентка, а анестезиолог института сердечно-сосудистой хирургии. Сегодня и у Затевахина-отца знаменательный день — ровно в девять утра у него тоже начнутся занятия. Игорь Иванович прочтет свою первую лекцию студентам.

Как-то прошлой весной была по телевидению такая передача: сначала показали фотографию выпуска студентов-медиков 1960 года, а потом рассказали об одном из них, о докторе Затевахине, молодом ассистенте 2-го Московского медицинского института. Много хороших слов было сказано в адрес молодого специалиста, за небольшой срок завоевавшего уважение коллег и больных. Так и жила семья Затевахиных. Рос папа, росла мама, и рос Ваня. Набирался здоровья, ходил в детский сад, приобрел там друзей. Ваня как-то сказал:

— У меня все время нет времени, прямо ничего до конца не успеваю. Мама говорит: уже пора спать!

Мальчишка он занятный. Шустрый, толковый. Зверей любит прямо на удивление. Тут раз пришел и объяснил, чем отличается гепард от всего семейства кошачьих. Оказывается, он когтей не прячет. Мать только руками разводит: откуда сын это узнал?

В детском саду о нем говорили: самостоятельный! Особенно после того случая, когда летом на даче парикмахер стриг детей. Окончив работу, он пришел к директору и сказал: «За всех детей по десять копеек, а за Ваню Затевахина сорок». «Почему это?» «А он,— говорит,— попросил меня сделать ему фасонную стрижку, молодежную».

А сегодня в школе Ваня на первых порах притих. Только смотрит вокруг любопытными, удивленными глазами.

Когда уроки кончились, Ваня с мамой поехал к папе на работу: в этот день он был дежурным врачом. А разве можно Ване ждать целую ночь, нужно сразу поделиться впечатлениями. Но рассказ получился коротким. Ваня только вспомнил, что нарисовал льва, а подписал его наоборот: «вел».

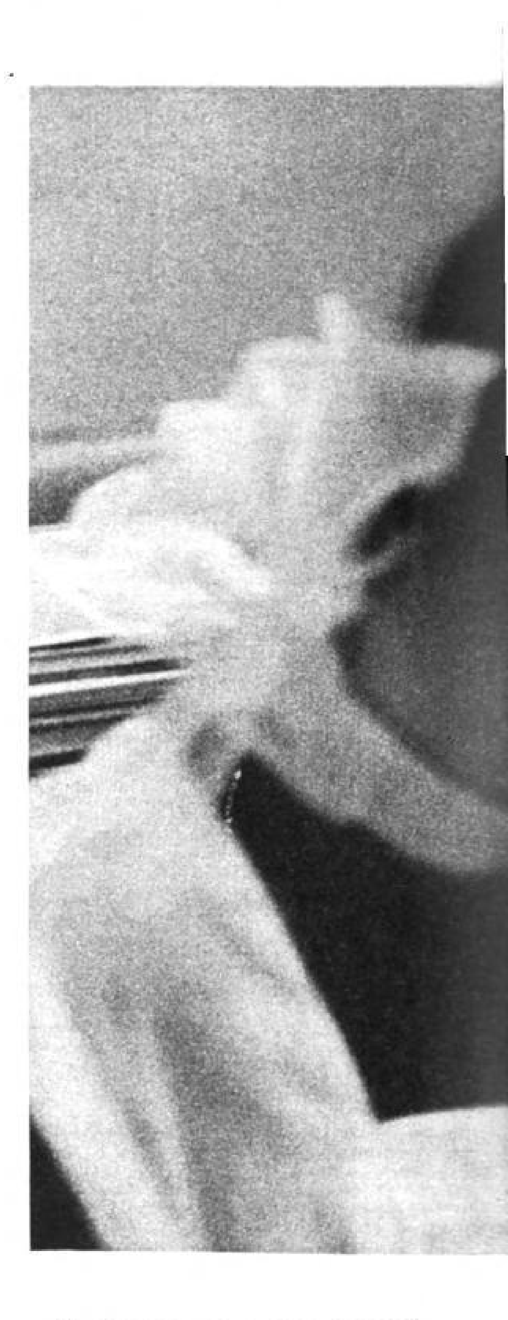
Потом помолчал и вдруг сказал:

— Мне все кажется, что это снится. Неужели я правда был сегодня в школе?!

Публикуемые фотографии — иллюстрации к рассказу Вани о первом школьном дне.

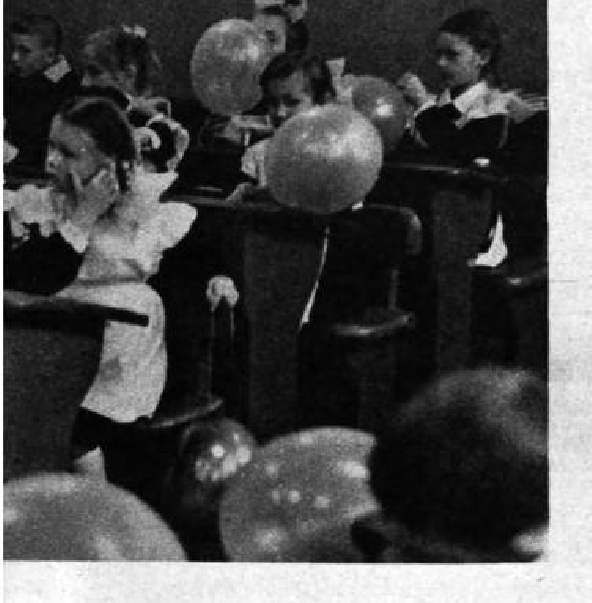

— В классе было интересно, и нам всем подарили по шарику.

— На переменке девочки со мной водиться не стали...

— Юлия Ивановна нам очень понравилась.

— Я рассказывал по картинке в букваре.

— Меня посадили со Светой.

— Тогда я пошел к мальчикам.

— Дома мама испекла мне торт, и я считал, сколько на нем вишенок.

— У папы после лекций было дежурство, и мы поехали к нему. Он вышел к нам в белой шапке.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663